

Вагам Меҗжатов Психолог

18+

Вадим Меджитов

Психолог

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Меджитов В.

Психолог / В. Меджитов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Самым сильным, самым сложным, самым коварным врагом для интеллектуального человека является он сам. Самоанализ, самокопания - все это является своеобразным проклятием для развитого индивида. И только смерть может помочь отбросить все жизненные условности и проблемы бытия. Смерть... это конечная стадия существования человека или смысл его брэнной и ничтожной жизни? Никто не знает. Ясно одно - без практического опыта к истине никогда не приблизишься. А значит, пора в путь! И пусть жестокий мир сам ответит нам на все незаданные вопросы, раскроет перед нами тайны мироздания.

Содержание

I	5
II	6
III	9
IV	12
V	13
VI	15
VII	17
VIII	20
IX	25
X	29
XI	33
XII	38
XIII	43
XIV	44
XV	48
XVI	53
XVII	56
XVIII	59
XIX	61
XX	63
XXI	66
XXII	68
XXIII	75
XXIV	76
XXV	81
XXVI	86
XXVII	89
XXVIII	91
XXIX	92
XXX	97
XXXI	99
XXXII	103
XXXIII	111
XXXIV	115

I

Ворон принес ему хорошие новости – впереди и правда располагалась деревня, которую упоминали в разговорах путники. Говаривали, правда, что от места сего разит злом проклятым, что нечистые бродят по окрестным полям да лесам. Но что в этом мире идеально?

Зигмунд устало присел на поваленное неведанной силой дерево, снова погружившись в свои мрачные мысли. Они в последнее время становились все тревожнее, но одновременно и более определенными, пропадала та мерзкая душевная сумятица, что приводила его в постоянное расстройство духа. Безудержная депрессия, что без остатка поглощала его последние годы, теперь как будто уходила, расчищалась под натиском нового прямолинейного чувства, которому он раньше предавался в особо страшные минуты, но после гнал его от себя, запрещая себе думать о подобном. Только сейчас он понял, он осознал, что не то самое чувство он отгонял от себя, а пытался лишь справиться со страхом, сорвать его с себя, как липкую мерзкую паутину. А чувство то было истинным, было правильным.

И он также понял, что не страх мешает людям полноценно жить. Страх, наоборот, обеспечивает жизнь человека, гарантирует его безопасность и долголетие. Некоторые философы и мыслители, правда, спорят о том, является ли жизнь полноценной, если человек проживает ее в постоянном страхе. Но Зигмунду уже было не до высокодуховных рассуждений, последнее путешествие по этому неровному миру сделало его материалистом. И он теперь верил, что страх действительно поддерживает жизнь в человеке, но также и осознал, что как никогда ранее он желает потерять этот самый страх. И он понимал, к чему может привести подобная потеря.

Ведь то чувство, то запретное желание, которое вновь и вновь посещало его измученное сознание... было желание умереть. И когда он перестал прятаться от своего подсознания, когда он принял и одобрил свои низменные и корыстные желания... Кто знает, возможно, первый раз за всю свою долгую жизнь он ощутил, что такое счастье. Хоть и на миг, но этого хватило для подтверждения своей теории. Иронично было то, что чисто жизненное счастье посетило его разум в момент размышлений о смерти, но где в нашем мире теперь можно найти чистую и незамутненную логику? Разве что в учебниках по математике.

Зигмунд ухмыльнулся, тяжело встал и скинул на землю свою походную сумку. Теперь, на восьмом десятке лет своего жалкого существования, он мог с уверенностью сказать – в математике есть логика, а в жизни есть математика. И этот сухой предмет (как ему раньше казалось) всегда ему трудно давался в былые годы, но если уж и возвращаться к нему, то стоит начать с азов. Например, с вычитания.

II

Он вытряхнул из сумки разнообразную мелочь, что скопилась за все время его путешествия, а затем бережно и аккуратно достал небольшой сверток, лежавший на самом дне. Положил его на камень и неторопливо стал разворачивать.

Через мгновение перед ним предстал великолепный костюм, сшитый из самого дорогого и прекрасного материала, который только можно было найти на этом свете. Он изумительно выглядел, практически не мялся, чудесным образом не пачкался, ведь грязь даже боялась соприкоснуться со столь идеальной поверхностью, а человек, облаченный в этот дивный костюм, буквально чувствовал, как его окружает величественная аура собственного превосходства. Да и другие люди, одетые в свои простые незамысловатые одежды, не могли сделать ничего иного, как признать свою собственную ничтожность пред обладателем сего костюма, ибо с самого детства им вдалбливали одну простую истину – с носителями таких одежд шутки плохи. Крайне плохи. И чаще всего *смертельно* плохи, если говорить начистоту.

Ведь это был не повседневный костюм городских франтов, так же, как это не была и одежда аристократа для выхода в высший свет. Не носили ее и купцы, равно как и прочие зажиточные граждане. Нет, ведь это и не являлось одеждой в обычном мирском понимании, а было ничем другим, как... униформой. И эту самую форму все знали, ее боялись, уважали и трепетали перед ней, ибо ее мог носить только один род людей.

Аудиторы.

И это были не сухие проверяющие, рыскающие по толстым книгам в душной конторе в поиске того самого заветного столбика цифр, в котором затаилось несоответствие. Математическая погрешность. Уклонение от закона.

Но в то же время у них было много общего. Государственные аудиторы, носящие сею прекрасную форму, также получали высшее экономическое образование и также искали своего рода несоответствия, отклонения, нарушения. Но работали они несколько в ином поле, да и образование их было расширено разнообразной жизненной практикой, а не только бесполезной теорией о сущности финансов. Нет, им по долгу службы необходимо было зреть в корень проблемы, мгновенно находить нужное решение, уметь сопоставлять подвернувшиеся задачи со своим богатым жизненным опытом.

Ведь работали они с самыми опасными преступниками, которые только могли встретиться в природе – с магами. То есть с теми, кто обладал недюжинным интеллектом, расширенным кругозором, пространственным воображением (и умением выходить за рамки привычных для нас пространств и материй), а также потрясающей воображение силой, с которой обычный, пусть даже и крайне опытный, воин вряд ли справится.

Конечно, с течением времени их задачи существенно расширились. Правители, понимая безусловную мощь своих финансовых слуг, решали с помощью них свои политические вопросы. Дипломатические договоренности, каверзные расследования, заказы на убийство – это и многое другое теперь входило в круг обязанностей этих крайне способных и преданных финансистов. Некоторые считали, что правители начинали злоупотреблять услугами аудиторов, а с удаленных концов мира стали доноситься слухи о создании новых сил в противовес существующим, но пока действующий порядок сохранялся, а аудиторы выполняли все новые и новые поручения своих хозяев.

Обычные люди сильно побаивались этих заносчивых и высокомерных созданий, но они точно знали, что никто, кроме них, не сможет эффективно и быстро разобраться с проблемой магического характера. А такого рода проблема, судя по всему, и объявилась в деревне, куда целеустремленно направлялся Зигмунд.

Он начал раздеваться, весело насвистывая про себя незамысловатую, но крайне прилипчивую мелодию, и через какое-то время полностью переоделся в свой шикарный костюм. Он поднял с земли выроненное из сумки маленькое зеркальце, приставив на ветви дерева на уровне глаз.

Да, даже в таком мелком отражении было отчетливо заметно, что выглядел он потрясающе. Даже более чем. Результат превзошел все ожидания, и Зигмунд даже приплясывал от возбуждения, крутясь перед своим отражением, как юная девица на выданье рассматривает свое прекрасное платье. Для пущего эффекта он даже попросил своего ворона украсть по дороге хоть какие-нибудь бритвенные принадлежности и целый вчерашний день провел, борясь со своим запущенным видом. Он даже умудрился постричься – сказывался многолетний опыт одинокого существования, когда в домашних условиях он привык справляться со всем сам. Это было незавидное достижение, ведь в условиях походной жизни он обнаружил свою полную бесполезность – если бы не ворон, то он бы давно помер от голода. Даже если бы он вдруг нашел лук и стрелы, то крайне маловероятно, что он сумел бы подстрелить хоть какую-то дичь.

Конечно, сперва это так и задумывалось – помереть от голодной смерти, но в реальности ему стало так страшно и мучительно, что он начал выживать. Точнее, выживать начал его ворон, который не имел никакого желания улетать в могилу раньше своего часа, а взгляд Зигмунда приобрел через несколько дней такое тоскливое и невыносимое выражение, что ворону ничего не оставалось, как вздохнуть¹ и помогать своему хозяину. Он крал всякую необходимую мелочь с окрестных деревень, указывал путь на ближайшую безопасную дорогу, находил места для ночного лагеря, охотился на мелкую дичь и даже помогал поймать рыбу, когда по пути им попадалась речка. Зигмунду оставалось лишь страдать, стонать и жаловаться на свою ничемную жизнь. Ворон терпел и это, философски перенося все лишения и невзгоды.

Зигмунд еще раз повернулся вокруг своей оси, критическим взором осмотрел свой облик и нашел себя идеальным впервые за долгое время. Это подняло ему настроение, на мгновение выведя его из депрессивной меланхолии, в которой он пребывал последние несколько лет. Впрочем, это мгновение стремительно закончилось, когда он вспомнил о своих дальнейших планах. Его спину тотчас покрыл липкий озноб, а руки неприятным образом задрожали. Но даже такой мандраж он находил лучше липкой тягучей депрессии, что сковывала его сознание и мысли последнее время.

Конечно, он не был аудитором даже близко. Понимал он также совершенно отчетливо, что ношение подобной формы без соответствующего разрешения равнозначно смертному приговору. Выдача себя за государственного служащего столь высокого разряда... Даже мысль об этом приводила в боязливый трепет. Но Зигмунд твердо решил придерживаться своего безумного плана – избавления от душевных расстройств путем следования по пути смерти. И хоть ворон смотрел на эту идею крайне скептически, он не мог придумать ничего лучше. Жизнь мучала его, а смерть странным образом манила, пусть он и не представлял точно, что ожидает его после окончания его жизненного пути. Но надежда на избавление от его душевных страданий так сильно грела душу, что он никак не мог выбросить сей легкий путь из головы.

Правда, легким он казался лишь сперва. Еще давно Зигмунд корил себя за слабохарактерность, называл свою персону мерзким трусом, самобичевал себя до полного внутреннего истощения и отчаяния. Но затем он начал понимать, что жизнь не так одностороння, как ее преподносят окружающие. Он начал теоретически в голове осмысливать этот суицидальный вопрос и пришел к совершенно неочевидному выводу. Для его подтверждения он подходил к краю высокого обрыва, вставал на шаткий стул с полузатянутой веревкой на шее, подносил к своим выступающим старческим венам крайне острый нож, открывал и клал перед собой

¹ Конечно же, вороны не умеют вздыхать. Но Зигмунд был настолько сложным и депрессивным спутником, что ворон попросту научился *изображать* вздох.

маленькие пузырьки со смертельными ядами. И только тогда он начал понимать, что все те, кто говорил ему про презрительную легкость самоубийства, никогда не пробовали даже подойти к этому вопросу с практической стороны. Они уважали себя, что продолжали играть в эту такую сложную жизнь, что находили в себе силы не кончать с собой. И он верил им, верил безоговорочно. Его депрессия начала обволакивать его слабую душу только сильнее, когда он начал понимать, что все общество построено на маленьких психологических обманах самих себя, на фундаментальной лжи, без которой невозможно дальнейшее развитие социума. И именно тогда он впервые осознал свое одиночество в полной мере, а также внезапно понял, что это одиночество будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

И он начал судорожно размышлять, как эту оставшуюся жизнь провести. Может быть, поздновато задумываться о таком после семидесяти бесполезно прожитых лет, но лучше уж поздно, чем никогда.

III

Он снова присел на поваленное дерево, собираясь с духом, а воспоминания нахлынули на него, прорвав хлипкую плотину, с помощью которой он в свое время пытался хоть как-то запереть их в глубине своего сознания. Теперь, дрожа всем телом, в полном расстройстве мыслей и чувств, Зигмунд уже не мог сдерживать своих эмоций, и недавние события начали вспыхивать в его сознании, как яркие огоньки в болотистой местности, которые уводят случайного путника все дальше и дальше в смертельную топь.

Ему сразу вспомнился образ всегда серьезного Малькольма, его друга детства, с которым они всю жизнь ссорились, ругались, расходились во взглядах, только чтобы в итоге снова сойтись для обмена свежими впечатлениями, которые им подарила жизнь. Так произошло и в последний раз, только причиной их воссоединения стало все ухудшающееся психическое и физиологическое здоровье Зигмунда. Он чувствовал себя хуже день ото дня, голова его раскалывалась, как будто кто-то безжалостный вгонял в нее острые клинья, а душа его горела и как будто просилась на волю. Он плохо спал, плохо ел и в общем и целом плохо жил.

Малькольм и правда смог помочь ему, но лишь на время. Разговоры со старым другом дали хоть какое-то успокоение его мятежной душе, пока из милых обсуждений повседневности не начали выглядывать острые края давних перепалок, осуждений и разногласий. Зигмунд понял, что сделал только хуже, придя в уединенное жилище своего друга, что он только еще больше разбередил свои старые душевные раны. Они оба были уже немолоды, они оба были совершенно оторваны от времени и происходящих в мире событий. Конечно, Малькольм бы никогда в этом не признался, ведь он с головой нырнул в исследовательскую деятельность, построив своеобразную лабораторию в бывшей хижине лесничего. Он жил как самый настоящий отшельник, но был, по его словам, совершенно самодостаточен – он охотился, ловил рыбу, собирал травы, из которых впоследствии готовил различные снадобья и настойки, рубил деревья на дрова для отопления в холодную пору и для готовки, строил новые сооружения различного толка – маленькие сараи и склады, уютные беседки, прохладные погреба, отдельное здание для естествоиспытаний, научных экспериментов и опытов, теплицы рядом с разбитыми неподалеку садами, в которых приносила всякие плоды растущая там флора². . . Когда Зигмунд покидал столь обширные владения, Малькольм как раз загорелся новой идеей сделать загончик для разведения скота. И Зигмунд был уверен, что Малькольм непременно осуществит свои намерения, а пасущаяся там животиная будет исправно приносить молоко да мясо. И все будет чрезвычайно вкусным, особенно если сильно не задумываться, что корова была с двумя головами, а свинья почему-то вышла с рогами. Небольшая погрешность, как любил говорить Малькольм, на результат влияет слабо, а внешний вид подлежит корректировке лишь в самую последнюю очередь. Поэтому особо впечатлительных личностей Малькольм не любил – они всегда заслоняли своими эмоциями то, что было действительно важно.

Дом сего почтенного волшебника тоже поражал изящностью и уютом. Своими собственными руками Малькольм произвел внутреннюю отделку дома лесничего, самолично смастерил некоторые детали мебелировки, пристроил парочку этажей, обустроил комнаты таким образом, что ими бы не побрезговали и члены аристократических семей.

Но, несмотря на все это убранство, несмотря на богатое хозяйство и полную самодостаточность хозяина, который жил практически в отрыве от той финансовой модели, что навязало обществу государство, несмотря на это все, Зигмунду все же казалось, что чего-то недоста-

² Некоторые из растений никогда ранее не произрастали в лесу, но Малькольм не понимал, зачем природа сама себя ограничивает. По его словам, он помогал миру двигаться в верном направлении. Зигмунд лишь уповал на то, что его друг остановится на опытах в естественной природной среде, а не перейдет куда еще. Например, в политику.

вало. Чего-то очень важного. Он не мог выразить это словами, не мог пояснить свою мысль, но это чувствовалось крайне сильно и отчетливо. И Зигмунд также знал, что если он поймет, в чем кроется эта таинственная неувязка, в чем заключается этот недостающий элемент такого с виду идеально собранного паззла, то даже в таком случае его друг не станет даже слушать. Все идеально, все верно, все идет так, как должно быть, говорил Малькольм. И так все и было, но зачем же делать такой сильный и твердый акцент на фразе «все нормально»?

Зигмунд покачал головой, пытаясь привести мысли в порядок. Но они более не желали быть в порядке, они метались из стороны в сторону, как будто радуясь, что им наконец дали волю. Все больше огоньков воспоминаний стали возникать в его расстроенном сознании.

Вот он лежит на кровати, совершенно обессиленный, бледный и дрожащий, а Малькольм твердой рукой вливает в него какую-то горькую смесь, из-за которой ему потом становится лучше... Он расслабляется, закрывает свои усталые глаза и медленно забывается сном, как будто падает в бездонную яму, полностью состоящую из тягучей липкой тьмы, что неприятно обволакивает его тело. Его начинают мучать кошмары, кошмары его прошлого, а также самый мучительный кошмар – его безнадежного беспросветного и больного будущего.

Он просыпается уже ночью, хотя мечтал бы уже не просыпаться никогда. Он выходит в сад, босые ноги ступают по аккуратно проложенной дорожке, и он без сил падает на деревянную скамейку. Его узкие пальцы впиваются в его изможденное лицо, которое он кладет на руки, его тело буквально содрогается от наступающих волн адской боли, а сознание пульсирует столь ярко и безжалостно, что он перестает различать себя и остальной мир, ведь весь он в данный момент сосредоточен в комке нестерпимой боли.

Затем мучительные спазмы отступают, оставляя после себя мерзкое послевкусие, а Зигмунд краем глаза замечает стоящего в дверях Малькольма, который пристально наблюдает за ним, задумавшись о чем-то своем. Потом его друг уходит, оставляя Зигмунда в одиночестве, оставляя его в единении с природой, которая после освобождения от боли расцветает мирными красками в его сознании, запахи успокаивают, а ночные звуки животного мира помогают прийти в себя.

Но тут же после минутного душевного успокоения на него накатывает такая сильная волна отчаяния, что невольно он сжимает ровные доски скамейки с такой силой, что костяшки пальцев белеют. На смену сильной физической боли приходит психологическая, приходит та самая хроническая депрессия, от которой в этом мире он никогда не сможет найти лекарства. На глаза в этот момент должны навернуться слезы, он должен хотеть плакать, но и этой роскоши он не может себе позволить. Все слезы давно уже пролиты, его тело и душа буквально иссушены от беспрестанных душевных терзаний, а сам он прекрасно понимает, какое жалкое зрелище из себя представляет – жалкий сломленный старик, который непонятно еще зачем живет на этом свете.

Его жизнь теперь состоит из противоречий, многие из которых он сам себе придумал. Например, он прекрасно понимал, что его старый друг беспокоится о нем, поэтому он и пьет эти бесконечные лекарства, поэтому и соблюдает этот бесполезный режим, поэтому и позволяет себя постоянно обследовать и именно поэтому сейчас Малькольм встал с кровати, чтобы проверить его состояние... Поэтому...

Но Зигмунд одновременно с какой-то новой, свежеприобретенной, даже немного циничной стороны, с которой он раньше никогда не смотрел на вещи, понимал, что тут скрыто и другое. Малькольм изолировался от общества, закрылся от посторонних людей в лесной глуши и, возможно, отгородился и от чувств. Он явно испытывал к своему старому другу нечто теплое, дружеское, Зигмунд чувствовал это, но все это терялось под наносным безразличием и научными изысканиями. Сейчас, именно сейчас Зигмунд был для него никем иным, как объектом для исследования, и, осознавая это, он чувствовал себя как никогда более одиноким.

Конечно, Малькольм хотел помочь ему... Хотел помочь... Но жизнь Зигмунда действительно состояла теперь из одних противоречий. Он понимал, что та зараза, которая мертвой хваткой вцепилась в душу Малькольма, смешала его чувства и мысли таким непостижимым образом, что от самого Малькольма осталось только частичка его прошлого «я». И осталась ли вообще?

И тот же вопрос Зигмунд мог задать и самому себе. Остались ли они вообще людьми после всего этого? Зигмунд не углублялся в вопрос, не хотел этого, он почему-то твердо думал, что лишние знания принесут ему только еще больше разочарований и боли. Но Малькольм, видимо, продолжал что-то искать, а Зигмунд боялся спрашивать о результатах его поисков. Потому что боялся получить вполне очевидный ответ, что его друг увлечен не поиском избавления от их проклятия, а поиском его дальнейшего усиления.

Когда-то давным-давно, когда они были молоды и беспечны, им пришлось прибегнуть к крайнему методу. Беда была лишь в том, что они не знали, что метод этот крайний, они лишь хотели решить свои проблемы. Казалось, что весь мир ополчился против них, и они хотели сразиться с ним, победить... Кто знал, что цена победы была настолько высока? Что лучше каждый день сражаться с тяготами окружающего нас мира, чем сражаться самим с собой?

Малькольм лишь сказал, что согласно записям и манускриптам, которые он отыскал, это ранее звалось темными душами. И теперь они были в их теле, их сознании, добавляя свои темные нотки в грустную песню их существования. Зигмунд далее не слушал, не хотел, не желал слышать ничего больше. Он и так знал достаточно – его жизнь как нормального человека закончилась, и теперь он был обречен на вечные страдания. Какая разница, что явилось причиной? Темные души, светлые души – все это легенды... которые, грустно и одновременно озлобленно думал Зигмунд, не давали и малейшего представления о масштабе бедствия.

Действительно, в университетской библиотеке, в которой он работал и из которой впоследствии сбежал вместе со своим другом, содержались записи подобного толка о существовании нематериальных объектов из чужеродных нас миров, которые, дескать, наделяли их носителя невиданной силой и властью. Были даже записи в легендах, были схожие упоминания даже у некоторых исторических деятелей – Зигмунд еще в молодости тщательно изучил вопрос. И после вселения в него темной души он продолжил свои изыскания, пытаясь отыскать хоть какую-то правду.

Но ее не было. Ничего не было. Кроме страшного проклятья, что обрушилось на их головы. Видимо, Малькольм этого еще не до конца понял, возможно, что он не сдался... Или же наоборот – поддался влиянию своей темной души, которая постепенно завладела его телом и сознанием, несмотря на всю его силу воли.

Зигмунду же страшно было представить, что будет, если полностью отдаться своему непрошеному гостю, если забыть про осторожность и пустить все на самотек. И в то же время снова возникало неприятное противоречие – а что если вся эта осторожность была напрасной? Что если ничего страшного не случится? Как-то ведь люди жили с этими темными душами раньше... И снова противоречие за противоречием... Жили... Раньше... Что такое жизнь? И что такое раньше? И если раньше было, то есть ли сейчас?

Он совершенно запутался и перестал более искать смысл в своей и чужих жизнях. Он поник, сдался и хотел теперь только одного – возможности совершить в своей жизни хоть один окончательный бесповоротный выбор, чтобы потом дальше не думать, не переживать, не подвергаться бесконечным самокопаниям.

И, похоже, что этот выбор постепенно обретал очертания.

Смерть манила его призрачными, но одновременно такими интересными перспективами. Он решил выбрать ее.

IV

Когда-то давно Зигмунд представлял себе смерть как нечто крайне неприятное, но к чему рано или поздно люди приходят, как бы ни старались от этого убежать. И в молодости он вообразил себя лежащим в кровати, слабым и обессиленным, окруженным близкими друзьями. На его лице блуждала бы легкая улыбка, и он бы постепенно смирился с неизбежной кончиной или, что даже лучше, спокойно ждал бы ее, потому что жизнь успела бы ему уже надоесть или он бы чувствовал, что достиг всего, чего хотел, и даже больше.

По статистике мира, в котором он жил, такая картина должна была наступить после шестидесяти лет, если удачное стечение обстоятельств давало человеку крепкое здоровье и, что немаловажно, безопасное окружение. А у него было и то, и другое – он получил свою должность библиотекаря в престижном магическом университете от своего отца по наследству. И эту должность он должен был передать своему ребенку. Так было принято, поэтому традиции с самого рождения оберегали его, если бы он не суетился и остался бы на месте.

Работа была уважаемая, совершенно не пыльная, несмотря на некую ироничность данного высказывания, а также совершенно безопасная. Тебя не могли убить, предать или обмануть, и все потому, что ты был нужен. Своего рода невидимка, который одновременно пользуется всеобщим уважением, но в то же время ничего не значит – эдакий парадокс, оберегаемый временем и университетскими традициями.

Он имел полное право не посещать занятия, да и в этом не было необходимости, благо в его роду не обнаруживалась склонность к магии. Он сам выстраивал свой распорядок дня, выслушивал приказания только от высших чинов, а подчинялся непосредственно Ректору. Он многое знал, многое слышал, но ни с кем ни о чем не говорил. Его полностью устраивало одиночество, и никто не смел его беспокоить без особой на то причины. Слуги помогали наводить порядок в Библиотеке, да и сам порядок преследовал его жизнь – у него было стабильное обеспеченное будущее без каких-либо опасных сюрпризов.

Но затем все резким образом изменилось, да так, что вся картина мироздания не только перевернулась с ног на голову, но также успела провернуться вокруг собственной оси.

Он покинул свой уютный мирок, отказался от своего безопасного будущего и пустился в бег. Но и затем все должно было встать на свои места – опасная дорога, ощущение себя жертвой в большом кровавом мире, беспрестанный суетливый бег от преследований и гонений... Когда-нибудь они должны были встретить свой скорый и плачевный конец. Но они не только выжили, но и, что самое поразительное, продолжали жить, хотя их век по всем законам мироздания должен был подходить к концу.

Обладатели темных душ были прокляты, и это самое проклятье поддерживало в них силы на протяжении долгого времени. *Очень* долгого времени. Это было совершенно не нормально по человеческим меркам, но Зигмунд давно понял, что перестал быть человеком, превратившись в нечто чужеродное, как для себя, так и для окружающего мира. Он давно должен был умереть, сгинуть, слиться всем своим естеством с мирозданием, но, несмотря на все свои мучения и приступы боли, он продолжал жить.

Продолжал жить, несмотря ни на что. Удивительно было и то, что в своем возрасте, если бы он начал следить за собой, ухаживать за своим телом и видом, то случайный прохожий дал бы ему от силы лет сорок. Не больше. И самое страшное, что он, как и Малькольм, казалось, застрял в этом возрасте, он не старел телом – только приобретал печальный жизненный опыт, от которого мечтал бы избавиться.

Разбитый старик в глубине души, и мужчина в расцвете сил в зеркале. Он не мог понять, где правда, а где вымысел, да и в последнее время даже перестал пытаться это сделать.

Особенно после того, как встретил *его*.

V

В тот самый день он встал рано. Его уже несколько ночей подряд мучала бессонница, и он, совершенно разбитый и морально выжатый, решил начать свой день пораньше. Его это очень сильно угнетало, потому что, кроме ежедневных процедур и вконец уже осточертевшего чтения и коротких прогулок, делать было особо нечего. Малькольм запрещал своему другу перенапрягаться, чтобы все процедуры и опыты, которые он проводил, имели схожие параметры. В этом вопросе он был настолько щепетилен, что Зигмунд иногда ощущал себе словно в тюрьме. Наверное, все больницы стараются создать подобную атмосферу, чтобы лечение происходило не в хаотическом порядке, а согласно рецептам и предписаниям. Просто неожиданно и даже немного страшно было превратиться из желанного гостя в своеобразного узника. Зигмунд начинал подозревать, что многие из препаратов, которые он принял в привычку употреблять, имели своей целью сломить волю и дух подопытного, вызвать у него непреодолимое чувство апатии и бессилия. Он даже перестал злиться, что раньше было обычным делом, а его мысли не всегда выстраивались в гармоничную последовательную логическую цепочку, из-за чего он как будто пытался их собрать воедино из разных уголков своего сознания. Он также начинал забывать мелкие детали прошедшего дня, становился рассеянным, а иногда и вовсе на короткое время выпадал из реальности, уставившись в одну точку.

Малькольм с доброй насмешкой напоминал ему про возраст, шутил про так не вовремя подоспевший старческий маразм, утешал своего друга, что штаны он, дескать, еще не забывает надевать. Зигмунд сначала выслушивал эти мягкие подначивания с легкой улыбкой на лице, но затем он стал одергивать себя и, собирая весь свой остаток силы воли, сосредотачиваясь в едином порыве умственного усилия, стал делать для себя не совсем утешительные выводы.

И эти самые выводы только начали находить свое подтверждение в тот самый день.

Спускаясь вниз, он вдруг услышал оживленный говор, доносившийся из гостиной. Зигмунд сильно тогда удивился, потому что гости в такой глуши были событием крайне редким. Возможно, кто-то заблудился, а Малькольм решил по доброте душевной пригласить путника на чай?

Стараясь не шуметь, Зигмунд осторожно подошел к приоткрытой двери и украдкой заглянул внутрь. Еще раньше он бы укорил себя за несоблюдение манер поведения, за подражание сварливым старикам, которые вечно суют нос не в свое дело, но теперь ему было решительно все равно.

Малькольм сидел спиной к нему на своем любимом мягком диване, а напротив него расположился... мальчик лет на вид не больше пятнадцати. И что поразительно, рядом с мальчиком Зигмунд не заметил его родных, взрослых, никого, кому он бы принадлежал. Да и сам парень не выглядел испуганным, потерянным, совершенно наоборот – он держался так, как будто был у себя дома, как будто был на своем месте, ничего не смущаясь и никого не боясь.

Зигмунд так загляделся на этого молодого человека, на его правильные черты лица, на его богатую и со вкусом подобранную одежду, на его уверенные жесты, на его уверенное поведение, что, видимо, перестарался в своем наблюдении. Мальчик словно почувствовал на себе пристальный взгляд старика и поднял голову на входную дверь, что не укрылось от зорких глаз хозяина.

– А, так ты уже встал, Зигмунд? – с дружелюбной улыбкой Малькольм повернулся к двери.

Зигмунд уже не видел смысла таиться. Ему хотелось отступить, скрыться, уйти, спрятаться с глаз долой, но его давнее воспитание говорило ему, что это будет невежливо. Наверное, при такой жизни ему скоро будет плевать на воспитание, думал Зигмунд, ловя добродушный

взгляд своего друга и в глубине души понимая, что это добродушие наносное и что от такого отношения его начинает уже тошнить.

Не смотря на своего друга, Зигмунд решил сосредоточить взгляд на госте. Он открыл дверь и вошел в комнату.

– Да, мне снова не спалось ночью. Прошу прощения за то, что помешал вашему разговору, просто у нас не так часто бывают гости, поэтому... – Зигмунд пытался присесть на короткий табурет неподалеку, но Малькольм быстрым движением схватил его за руку и привлек к себе.

– Нет-нет, мой друг, сейчас не время, не время, – быстро проговорил он, таща Зигмунда к дверям. – Раз ты уже встал, то пора и выпить твое лекарство, давай, вот сюда, проходи...

Зигмунд, чувствуя себя беспомощной, никому не нужной куклой, на прощание оглянулся на мальчика и с удивлением заметил, что тот смотрит на него не растерянно, не смущенно, а с некой хитрой ухмылкой на лице. Он не понимал – то ли он усмехался над столь жалким зрелищем в его лице, то ли... Право же, подумал тогда он, какой же странный ребенок!

VI

Оказалось, что мальчик пришел не один. Вместе с ним была женщина, которая, как сказал Малькольм, нуждалась в неотложном лечении.

Этой женщины Зигмунд не видел, а мальчик проводил все свое свободное время с хозяином дома, не устаивая вниманием Зигмунда. Он тогда как раз подумал – как иронично получилось, что возраст подобрался настолько незаметно и что его последствия не забыли сказаться. Зигмунд вдруг оказался больным, ужасно одиноким, а подрастающая молодежь упорно избегала его общества. Действительно, что он мог предложить мальчику, кроме своих бесчисленных жалоб?

Но он ошибся – мальчик вовсе не избегал его общества. Тогда подтвердилась первая из его догадок.

– Я могу присесть рядом с вами? – вежливо спросил мальчик, подходя к скамейке в саду, на которую не так давно присел Зигмунд, чтобы подышать свежим воздухом и посмотреть на цветы.

Почему-то ему никогда не надоедало смотреть на цветы. Жалко было лишь то, что Малькольм запрещал ему проводить слишком много времени вне дома.

– Да? – Зигмунд удивленно посмотрел на своего так неожиданно появившегося собеседника, не сразу сообразив, как стоит ответить. – А... да, конечно, присаживайтесь.

Потом он с легкой усмешкой вспоминал, что в тот момент подобающе было крикнуть, сделать присказку «молодой человек», а также начать в ту же секунду, не спрашивая разрешения, рассказывать какую-то небылицу из своего прошлого.

Но удивление спасло Зигмунда от подобного позора, поэтому он лишь приглашающим жестом указал мальчику на место рядом с собой.

Тут же у него возник вопрос, и тут же, словно угадывая ход его разрозненных неторопливых мыслей, мальчик сказал:

– Малькольм сейчас занят своей пациенткой, просил не мешать. А я подумал, что как раз выдался чудесный момент, чтобы познакомиться с вами.

И мальчик с простым и незамысловатым выражением на лице посмотрел на старика.

– Что ж... – начал Зигмунд.

Он хотел добавить «дело верное», но вовремя сумел одернуть себя.

– Нас ранее не представили, и я как раз хотел восполнить этот досадный пробел. Меня зовут Келен, – и он протянул свою маленькую ручку собеседнику.

– Зигмунд, – просто ответил ему старик, мягко пожав руку молодого человека.

– А мою спутницу зовут Фрея. Мы приехали сюда на несколько дней ради целительных процедур, которые мастер Малькольм столь любезно согласился подготовить.

У Зигмунда в голове крутилось столь много вопросов, что он решил самой верной стратегией будет просто помолчать. Благо одним из вопросов был... кем приходится эта женщина ему? Мать или опекунша?

Зигмунд поражался сам себе. В молодости столь ненужная информация никогда не попадала в поле его интересов. Интересно, все старики становятся настолько мелочными и придиричавыми? Любопытными?

Или он просто заскучал и вконец оступел и одичал от затворничества и одиночества?

– Понятно, – сказал Зигмунд, чтобы хоть что-то сказать.

Разговор явно не клеился, и это была его вина. Он виновато посмотрел на мальчика, ожидая увидеть недовольство, и был поражен – выражение его лица снова изменилось. Теперь он беззастенчиво и нагло рассматривал своего собеседника, как будто Зигмунд был неким животным в заповеднике.

Возможно, что так оно и было для молодого человека. Но Зигмунду это не понравилось, поэтому его взгляд и тон стали прохладнее.

– Так вы знаете Малькольма? Точнее... *ваша* спутница знает его? – с расстановкой задал Зигмунд свой вопрос, делая акцент на возраст мальчика.

Келен понял намек, но не повел и бровью. Вместо этого он, пожав плечами, равнодушным голосом произнес:

– Боюсь, что я узнал его много раньше, и, несомненно, это было полезным знакомством... в *свое* время, – и с этими словами мальчик посмотрел прямо в глаза старика.

– В свое время? – Зигмунд запнулся, не понимая, куда идет беседа. – Вы говорите, что...

Он замолчал, пытаясь привести мысли в порядок. Мальчик, заметив это, тут же пришел на выручку.

– Я полагаю, что вы не знаете, что Малькольм вам еще не сказал. Но я действительно знаю вашего друга... а точнее, – произнес мальчик, улыбаясь, – мы познакомились с ним несколько десятков лет тому назад.

Старик слегка улыбнулся, все еще ничего не понимая.

– Я боюсь показаться невежливым, но ваш возраст... – начал он, но мальчик его быстро перебил.

– Я несу в себе темную душу, Зигмунд. Так же, как и ты.

VII

Он отнял руки от лица и тяжело вздохнул. Он вспомнил, как в одной книге упоминался эффект прокрастинации. Ты откладываешь дела, если у тебя их накопилось слишком много или когда тебе совершенно не хочется приступить к этим самым делам. В сознании формируется некий затор, препятствующий дальнейшему нормальному функционированию, а также создаются иллюзорно полезные дела, которые оттягивают тебя от важного. Ты можешь бесконечное количество времени приводить себя в порядок, приводить в порядок окружение (что обычно свойственно женщинам) либо сесть на диван и уставиться в одну точку, погрузившись в свои мрачные мысли, постепенно впадая в липкое состояние тревожности.

Зигмунд еще раз быстро обдумал эту теорию и в который раз понял, что не очень хочет умирать. То есть другое – не хочет предпринимать никаких активных действий, которые будут постепенно приближать его к состоянию, близкому к смерти.

Но он также понимал, что умереть в его положении было крайне важно, ибо продолжать жизнь в подобном русле было попросту невыносимо. И вот он застрял между жизнью и смертью в своеобразном сущностном парадоксе.

Зигмунд усмехнулся. Кто знал, что на практике прокрастинация иногда может спасти жизнь человеку?

Он встал и отряхнулся, приходя в себя. Да, кто знал. Жаль только, что он зашел уже слишком далеко и что он... не человек.

Да, лучше думать о себе не как о живом существе, а как о жизненном придатке. Тогда смерть будет казаться совершенно логическим исходом.

Ничтожество.

Но слезы почему-то больше не наворачивались на глаза. Может быть, они давно закончились или ему уже порядком надоело жалеть себя. Он снова улыбнулся про себя, подумав, какое множество манипуляций проделывает его сознание, чтобы оставить его в живых.

Он почувствовал, как снова погружается в неприятное ему состояние апатии, и попытался мысленно это состояние разрушить.

Не получилось.

Тогда он перестроил сознание, сделал обманный финт, закрутил мысли и... сделал шаг вперед.

Ему стало невероятным образом лучше, хотя он тут же почувствовал, как все его тело покрылось испариной. Не желая терять момента, он смешал в себе подступившие чувства радости, отчаяния, смирения, ужаса и уныния в единое бесформенное нечто и сделал еще один шаг. И еще один.

Он понимал, что это лишь кратковременная победа над самим собой, ибо сознание теперь может сосредоточиться на беспрестанной ходьбе, унося его прочь от цели. Конечно, если пройти по деревушке в этом костюме, то какой-либо эффект непременно произойдет, но не было никакой уверенности, что он не побежит прочь от этого эффекта, оставляя позади удивленные физиономии случайных наблюдателей.

Улыбка опять появилась на его лице, когда он представил, какие обсуждения среди деревенских вызовов быстро пробегающий мимо них *аудитор* с паническим выражением на лице. Он хотел было рассмеяться, но, к счастью, быстро распознал признаки подступающей истерики. Эта истерика была внутренней, сильной, свойственной только мужчинам, и он должен был подавить ее в зародыше, чтобы его недолгое путешествие не окончилось ничем.

Мечущийся взгляд остановился на кроне дерева неподалеку, и он подумал, как изо всех сил обрушивается головой об это дерево, пытаясь привести себя тем самым в чувство. Но

он также знал, что это было бесполезно. Физическое самобичевание приведет его к другому ракурсу мировосприятия, отложив на потом все его текущие заботы.

Несмотря на подступившее дикое чувство отчаяния, он могучим усилием воли сдержал свои дрожащие руки, которые все норовили тотчас же расцарапать его лицо, выдавить ему глаза, причинить нестерпимую физическую боль, затемнив тем самым душевную.

Он сопротивлялся. Настал черед панических атак, которые были очень свойственны его преклонному возрасту. Они словно кувалдой долбили по его психике, сотрясая основы мировосприятия. Но он держался. Знал, что дальше будет только хуже, готовился к этому.

Сильная дрожь вдруг налетела на его слабое тело, заставляя найти опору или упасть на колени. Но он непоколебимо стоял на месте, с трудом сохраняя прежнюю позу и с титаническим усилием сохраняя прежние мысли.

Его сердце вдруг начало нестерпимо болеть, невидимые иглы стали прокалывать его с таким остервенением, что вся зелень вокруг вмиг стала казаться ему кроваво-красной.

Стала кружиться голова, жутко хотелось плевать лишней слюной, мерзкие приступы тошноты подкатывали к горлу.

Но он стоял, как мог очистив сознание от посторонних мыслей, закрыв глаза и думая лишь о своей вожденной цели. Он до крайности жалел, что десятки лет назад не отправился искать таинственных, описанных в старинных легендах монахов или попросту не примкнул к существующей религии. Теперь, он знал, было уже поздно, и его рациональное мышление не позволит искренне принять в себя веру, а его агностические взгляды на корню убьют все светлое в его душе... Но он жалел об этом, очень жалел.

Потому что так было бы гораздо проще. Не зря же говорили и писали о фанатиках – они с легкостью отделяли свой дух от тела, потому что верили в нечто лучшее, чем этот мир или они сами.

Зигмунд более не верил ни во что, разве что в практические знания. Но они никак не помогали в его духовной борьбе за свою свободу, они были бесполезны там, куда не могли дотянуться.

Боль, отчаяние, эмоциональное напряжение достигли своего нестерпимого максимума. Сердце, казалось, разрывалось от мучительных спазмов, но он знал, что это лишь притворство, что он останется цел и невредим, что то темное *нечто*, держащее его в своих цепких лапах, никогда не отпустит его просто так.

Сжав зубы и напрягая все свое старческое тело, он постарался сделать еще один шаг вперед. А затем еще. И еще...

И вот когда он с ужасом осознал, что остался совершенно без сил и без какой-либо даже призрачной надежды на благоприятное для него будущее, он почувствовал, как нечто легкое прикоснулось к его плечу. Боль неожиданно отступила, а сознание приобрело некую ясность.

Как раз вовремя. Как и всегда, впрочем.

Он с благодарностью взглянул на своего ворона.

Старый друг.

И пусть он не был человеком, но в последнее время люди несли за собой одно разочарование.

Ворон призывно каркнул, бодро расправляя свои большие черные крылья, словно отгоняя от себя и своего хозяина злые силы.

– Да-да, мой друг, – с улыбкой произнес Зигмунд. – Я помню. Я же дал сам себе обещание. Попробовать что-то новое.

Ворон снова каркнул.

– Потому что старое не работает. Или потому что мы с тобой так стары, что бывшие нормы утрачивают свою привлекательность и важность?

Птица внимательно посмотрела на Зигмунда и, оттолкнувшись от его плеча, взлетела по направлению к деревне.

– Ты прав, – тихо проговорил Зигмунд, смотря вслед ворону. – Абсолютно прав. Мне тоже надо расправить крылья и жить своей жизнью. Пусть даже эти попытки и закончатся смертью. Пусть даже эти попытки будут общественно неприемлемы. Мы будем просто пытаться. Не во имя чего-то великого, потому что мы ни во что не верим. Просто пытаться. Хотя бы ради себя.

VIII

Решительной поступью поддельный аудитор направлялся к центру небольшого поселения. Именно там находился дом старосты, и именно там Зигмунд решил начать то, что хотел закончить.

Он ступал нарочито медленно, стараясь не прислушиваться к громкому стуку своего сердца. Он настроил сознание на определенную волну и пытался удержаться на ее гребне, заставляя себя не думать, что случится, если он не удержит равновесие. Из-за подступившего удушающего страха и общего душевного дискомфорта он не мог слиться воедино с этой искусственно созданной волной своего воспаленного сознания, но сейчас ему было достаточно просто идти вперед, не пуская в голову мешающие действиям мысли. Просто идти вперед с пустым, но сосредоточенным сознанием и делать то, что нужно, не останавливаясь ни перед чем.

Легче сказать, чем сделать, подумал было Зигмунд, но тут же резко одернул себя.

В свои преклонные годы он понимал, что если идти куда-то быстро и уверенно, то люди могут тебя и не заметить. Пропустить тебя через сито своего занятого мировосприятия и не обратить на тебя внимания из-за крайне апатичного и тоскливого настроения.

Но сейчас у него была иная стратегия, поэтому он силой заставлял себя медленно и деловито прогуливаться по единственной улице богами забытого поселения, лениво и небрежно оглядывая скучное серое окружение. Его глаза встречались с рассеянными взглядами деревенщин, робко осматривающих строго одетого незнакомца. Он важно взирал на них, мельком выхватывая скудные эмоции, которые медленно начинали проявляться на их лицах, и продолжал идти к единственному прилично выглядящему дому среди множества покосившихся построек.

Но все происходило все равно чересчур быстро. А что если его не встретят, и ему придется околачиваться с дурацким выражением на лице у дома деревенского старосты? Конечно, из этой ситуации можно выйти, но все равно удобнее входить в чужое тебе пространство, если ты обладаешь необходимыми знаниями, чтобы тебя мгновенно признавали своим и не мерили чересчур подозрительными взглядами. Эдакие ключевые слова, жесты, движения, которые выдают в тебе человека грамотного, подкованного, знающего. Ведь к каждому человеку нужно иметь свой подход, начиная даже с выбора нужной формы приветствия, правильно определяя, к какой социальной группе принадлежит та или иная персона. В каждое здание или общество нужно входить с определенным уставом, определяющим подобающее поведение.

Именно все эти знания и могут помочь тебе пройти первичную акклиматизацию в новой социальной среде, когда окружающие тебя незнакомые люди быстро решают, что выбрать по отношению к тебе – вежливую снисходительность или холодную агрессию.

Часто помогает и сила, то есть умение прогибать действительность под себя. И аудиторы, которые в весьма своеобразном и жестком ключе работали с нерадивым населением, несомненно, обладали этим силовым качеством, а также абсолютной уверенностью в себе, презрением к окружающим и своим профессиональным кодексом чести, заменяющим у них обычный светский этикет. Все это в своей интересной совокупности сразу давало понять Зигмунду, что аудитор из него будет никудышный – он был слаб и немощен, путешествовал без компании или сопровождения, уверенность его в себе была лишь напускная, но никак не внутренняя, его профессиональное и четкое общение с людьми оставляло желать лучшего, а если уж брать тот факт, что все аудиторы работали сугубо в правовом поле, являясь государственными служащими, и вовсе не оставляло никаких шансов на благоприятный исход дела, если кто-то догадается спросить у Зигмунда документы.

Но все это на самом деле было совершенно не важно. Своими безумными действиями он лишь пытался пробить душащий его депрессивный туман, который затмил его сознание,

вгоняя его душу в отчаяние, апатию и желание свести счеты с жизнью. У него не было теперь ни целей, ни смысла существования – лишь попытка закопать себя в новом жизненном мироощущении. И только чувство, которое приближает смерть, либо сама эта таинственная смерть могла заставить его хоть на толику мгновения почувствовать себя свободным от гнетущих его оков безрадостного бытия.

В глубине души, как признавался себе Зигмунд, он еще надеялся получить хоть какое-то удовольствие от процесса, а оно было возможно только при продлении этого самого процесса. Поэтому он решил не лениться хотя бы мысленно и хоть чуть-чуть подумать над той безумной задачей, что он сам себе загадал.

Да, определенно, в нем не было ничего от аудитора, кроме прекрасно скроенного костюма, который в данный момент он с легкой гордостью носил. Но и это многое значило, ведь он притворялся не плотником, не богатым вельможей, а самым аудитором. Даже если бы он переоделся в короля, то и это была бы меньшая дерзость, настолько был велик страх перед этими таинственными проверяющими.

Итак, только сумасшедший согласится выдавать себя за аудитора. И люди встречают по одежке, следовательно, они будут видеть того, кого выдают им глаза.

Также очень важно обратить свои многочисленные минусы в хоть какие-то плюсы. Действительно, аудиторы крайне редко будут перемещаться по королевству пешком, а тем более одни. Это, несомненно, вызовет сильное удивление. Но давайте подумаем об этом с другой стороны – если человек появляется перед вами, не имея за собой никакого коня, поклажи, ни даже походной сумки, то мозг логично, хоть и поверхностно, донесет до вас, что этот незнакомец проделал весь путь в этом самом виде. То есть даже если он переоделся в аудитора, он, не стеснясь, притворится им на протяжении целого дня или даже больше. А кому нужно притворяться аудитором, кроме самого аудитора?

На самом деле и этого было мало. Но это давало призрачный шанс, что окружающие не сразу будут бить тревогу, а начнут хотя бы интересоваться. И Зигмунд очень надеялся, что его действия заинтересуют их в правильных и выгодных ему вопросах, потому что ни документов, ни какого-либо оправдания их отсутствия у него не было.

И если первичный эффект удивления и страха перед неизвестным даст Зигмунду хоть немного времени, то его можно будет грамотно употребить в дальнейшем, чтобы войти в незнакомое ему общество с помощью ключевых слов. Эти самые слова Зигмунд, конечно же, не знал, но он надеялся, что люди сами ему их подскажут, когда он заговорит про недавнюю напасть, что обрушилась на деревню. Маленькое, но внушительное вступление, серьезный вид, а затем люди сами будут неловко предлагать ему варианты дальнейших действий, из которых Зигмунд должен будет быстро и жестко сделать выбор, притворяясь, что такой вариант у него и был в голове с самого начала. Эдакий психологический прием, когда люди сами говорят вам необходимые вещи, а вы лишь подтверждаете их уточнения, принимая их за единственно верное решение, которое, причем, принадлежит вам, а не им.

Но ему все еще необходимо было выиграть время. Он обратился к мужику, мимо которого в данный момент вальяжно прогуливался, небрежно взирая на окружающее пространство.

– Уважаемый, – властно окрикнул Зигмунд мужика. – Это деревня Бюргенверт?

– Д...да, господин, она самая, – неловко переминаясь с ноги на ногу, ответил мужик.

– Где тут дом старосты? У меня к нему дело, – сухо спросил Зигмунд у деревенщины, презрительно окидывая того взглядом с ног до головы.

– А... вы почти дошли, господин. Дальше по дороге, видите, дом неподалеку стоит? Эт главы нашенского, деревни то бишь.

Зигмунд посмотрел на указанный дом, как будто первый раз его видел, и, не поблагодарив мужика, продолжил свое торжественное шествие по направлению к центру небольшой деревушки.

На мгновение у него в голове словно зазвонил тревожный колокольчик. Он собрал волю в кулак, неприятно предвкушая паническую атаку, которая бы обрушилась на его неподготовленный разум, но с удивлением отметил, что это было нечто другое. Это касалось не его волнения, а... тревоги или даже нервозности другого человека. Он буквально ощущал на себе пыливый взгляд того самого мужика, которого недавно опрашивал, и ненароком начал думать, что его раскусили. Но нет, было не похоже.

Тогда он начал прокручивать их короткий разговор еще раз в голове. Что-то явно привлекло его внимание... но что?

Ему пришлось отбросить столь интересные рассуждения, потому что он, наконец, пришел к тому самому месту, куда устремлялся. И тут же с облегчением отметил, что его ждали.

Что ж, начало хорошее, хоть не придется у дверей топтаться.

Крепко сбитый мужчина средних лет, чьи волосы только недавно начала захватывать седина, стоял, опершись своими загорелыми руками о перила расписного крыльца. Он осторожно взирал на незнакомца, который вторгся в его владения, одна его рука то сжималась в кулак, то снова разжималась.

Зигмунд ощущал на себе не только его взгляд из-под кустистых бровей, вся деревня смотрела на него. Казалось, что кольцо сжимается, не оставляя ему шанса на ошибку. Почему-то именно в этот момент Зигмунду стало слегка весело. Вероятно, легкая эйфория, вызванная панической истерикой, ударила в голову. Но это все равно ощущалось приятно.

– Господин аудитор, – гулким голосом отозвался староста деревни. – Не часто у нас бывают такие гости.

После такого приветствия Зигмунд понял, что его шансы на выживание стремительно упали в одно простое мгновение. После этого ему стало еще веселее. Он презрительно и высокомерно улыбнулся.

– Тогда вы прекрасно знаете, *господин*, – Зигмунд постарался сделать ударение на последнем слове, особенным неприятным тоном выделив его значение в том смысле, что настоящим господином может быть лишь один человек, и это был никак не староста, – что люди нашей профессии никогда не бывают у кого-то в гостях *просто так*.

И он снова выделил последние слова, стараясь вложить в них многогранное значение.

Кустистые брови старосты поползли вверх.

– Да? И чем наша скромная деревня может вам служить, господин... – спросил староста, пытаясь одновременно узнать имя незнакомца.

Зигмунд неловко сглотнул. Он успел прочитать в глазах своего собеседника, что тот не боится словесных угроз, не преувеличивает значение напускного величия, если оно не подкреплено делами. Крепкий практический человек, который не имеет никакого желания склоняться перед идеей. Поэтому-то в деревне Зигмунд и не заметил никакой церквушки... или причина была совсем в ином?

– Проклятие. Меня и моего хозяина, Виллема Пятого, интересует тот самый случай, что произошел у вас в деревне. С моей стороны я требую немедленного дозволения начать расследование, чтобы подтвердить или опровергнуть слухи, которые достигли моего хозяина, – быстро выпалил Зигмунд, решив сразу взять быка за рога.

Своего имени он решил пока не называть.

– Слухи? – тихо, но как-то злобно переспросил деревенский глава.

Зигмунд краем уха услышал перешептывания вокруг себя.

– Могу ли я поинтересоваться, господин... – староста сделал еще одну попытку.

– Меня зовут Зигмунд. Аудитор его королевского величества Виллема Пятого, чья власть несомненно распространяется и на эти земли.

– Воистину, господин Зигмунд, слухи распространяются словно лесной пожар. Но осмелюсь ли я спросить у вас, о каком роде слухах идет речь?

Зигмунд сухо кивнул, не отрывая взгляда своих колючих пронзительных глаз от лица собеседника.

– Оборотень, – коротко произнес он.

Перешептывания усилились, стали слышны даже отдельные слова. Но, несмотря на нарастающий людской гул, староста не пошевелился, не издал ни звука, не изменил выражения своего лица. Он лишь продолжал смотреть на аудитора. А Зигмунд на него.

Казалось, что прошла целая вечность перед тем, как староста поднял руку, единственным движением прекращая разговоры и болтовню.

– Конечно, господин Зигмунд. Вам будет предоставлено все необходимое для проведения расследования, мой долг перед государем оказать вам посильную помощь. Прошу прощения за мою настороженность, я лишь удивлялся, насколько быстро те слухи, что вы упоминали, достигли нашего с вами государя. И насколько быстро вы... оказались здесь, – прохладно заметил староста.

Это явно был открытый человек. И сейчас он явно выражал свое недовольство и недоверие по отношению к Зигмунду. Надо было что-то срочно предпринимать.

– Наш государь крайне озабочен внутренними делами королевства. Именно поэтому я был прислан к вам как можно скорее, ибо сама даже гипотетическая угроза существования подобного чудища... нелицеприятна.

Староста угрюмо кивнул.

– Поговорим об этом лучше внутри. Если вы надумаете задержаться на несколько дней, то вам будет предоставлена свободная комната и все необходимые условия.

Староста уже было повернулся, приглашая столь неожиданного гостя в дом, но тут же неожиданно произнес:

– Ваш конь и ваши вещи, господин? Вы же не пешком прибыли сюда из замка? – угрожающим тоном спросил староста.

Но Зигмунд был готов к подобному рода вопросам. Он первый раз за всю встречу позволил себе улыбнуться.

– Все верно. Вы правильно заметили, что я объявился у вас довольно быстро, а конь, даже лучший, не может покрыть столь длинное расстояние даже за три дня. Ваша деревня находится практически на границе королевства, а предполагаемая угроза имеет столь важное значение, что медлить было нельзя. Поэтому...

Зигмунд отвел руку в сторону, сосредотачивая свое сознание. Ему в первый раз за долгое время было настолько весело, что необходимая ему связь настроилась сама собой, без каких-либо видимых усилий.

Вдруг в небе раздалась магическая вспышка, которая на мгновение осветила всех собравшихся здесь удивленных людей, а затем черный вихрь размером со взрослого человека устремился вниз, прямоком на толпу. Кто-то закричал, началась небольшая давка, а староста невольно отпрянул ближе к двери, когда увидел, как магическое черное облако поглотило аудитора.

Через несколько мгновений темнота рассеялась, распалась на множество красивых, переливающихся всеми оттенками черного элементов. Люди испуганно вскрикивали, когда эти темные частички падали на их головы, щекотали их лица.

Староста с ужасом посмотрел на руку, но тут же его лицо прояснилось, и он с легким негодованием, но одновременно с уважением посмотрел на Зигмунда.

Аудитор торжествующе стоял посередине творящегося хаоса, держа на вытянутой руке огромного ворона, который переливался магическим светом.

– Не бойтесь! – воскликнул Зигмунд, насмешливо улыбаясь. – Это всего лишь перья, они не навредят вам!

Он выдержал легкую паузу и продолжил:

– Вы правы, я не пришел пешком. И также я не приехал на лошади. Государь, услышав про вашу проблему, счел нужным послать вам аудитора высокого ранга, и я, не теряя лишнего времени и не беря ничего лишнего в дорогу, прибыл к вам. Я полностью полагаюсь на вашу поддержку и всецело уверяю вас, что я не намереваюсь пользоваться вашим гостеприимством больше, чем это нужно для дела.

Зигмунд победоносно взглянул на слегка побледневшего старосту, в чьих глазах он прочел, что теперь с государственным аудитором будут считаться.

Когда Зигмунд входил в дом, он почувствовал, как его сознание вновь начало работать как тревожные колокольчики – не слышимые ранее за бушующим азартом игры в блеф, теперь они всю оповещали о своем присутствии.

Волевым усилием он приказал им успокоиться и доложить самые важные новости. У сознания было не так много времени, поэтому новостей получилось две.

Первая – староста никоим образом не опроверг и даже не попытался скрыть наличие оборотня. Вопрос «и что теперь делать, господин псевдоаудитор?» Зигмунд постарался на время отложить.

Вторая – тот самый мужик... Напоследок оглянувшись на толпу, что собралась вокруг дома старосты, и его неопытному, несосредоточенному взгляду чудом удалось выхватить того самого первого встречного в этой деревне. Мужчина яростными глазами смотрел им вслед, сжимая в побледневшем от усилия кулаке перо ворона.

И тут Зигмунд понял, что по собственному желанию угодил в абсолютно неприкрытый капкан. Ступил в ловушку, которая с неприятным звуком захлопнулась за ним.

Но ведь именно этого он и добивался, так?

Через некоторое время люди уже поуспокоились и начали расходиться по своим деревенским делам, по пути судача о случившемся.

Тот самый мужик еще недолго постоял, а затем с размаху бросил перо о землю, яростно втоптал его в пыль. Смачно плюнув в сторону дома главы деревни, он еще недолго постоял на одном месте, а после этого повернулся кругом и пошел прочь, ругаясь себе под нос.

Ворон, более не сверкая магическим блеском, удобно уселся на крыше дома старосты и с интересом смотрел вслед мужику. В таком положении он просидел еще некоторое время, а когда на землю опустились сумерки, поднялся и улетел в неизвестном направлении, сливаясь с темнотой наступающей ночи.

IX

Жена старосты, женщина с испуганным и суетливым выражением на лице, быстро показала Зигмунду его комнату, участливо спросила про багаж и, получив резкий и немногословный ответ, поспешно ретировалась в направлении кухни, где ее дребезжащий голос отдавал последние распоряжения.

Близилось время обеда, чему Зигмунд был очень рад. Физиологические удовольствия не часто входили в его распорядок дня, и он решил воспользоваться удачным моментом по полной. Одобрительным взглядом осмотрев свою простую в убранстве комнатушку, он нашел ее приятной. Другого слова он подобрать не мог, ведь оно выражало весь спектр ощущений перехода от ночлега на камнях или мокром мхе под открытым небом к сверхкомфортным условиям, которые только могла предоставить бедная деревушка.

Он притворил входную дверь и слегка улыбнулся. Нужно еще будет аккуратно спросить про ванную или баню, пусть это и вызовет ненужные подозрения. Но удобства бытия всегда довели над чувством собственной безопасности, особенно если ты уже пресытился бежать от жизненных невзгод и от самого себя.

Степенно и важно он спустился по лестнице и прошел в импровизированную столовую, где за небольшим столиком его уже поджидал Брендон (так звали старосту). Простым движением руки мужчина показал на место напротив себя, и Зигмунд сел, на секунду застыв в липкой неопределенности, не зная, как вести себя в подобной ситуации дальше.

Усилием воли он постарался совладать с собой, но неприятная ситуация тут же разрешилась, когда жена вместе с сутулым неказистым молодым человеком, хлопоча, вбежали в комнату, поспешно расставляя различные подносы с разнообразными яствами.

Зигмунд удивился приятному многообразию еды. Тут были и соленья, и простые овощные салаты, приправленные свежим маслом, и крепкий квас, в котором затесалось несколько градусов, и нежное отборное сало, и белоснежный отварной картофель, и кровяные колбаски, сочные и мясистые, и хлеб, душистый и приятно прожаренный, и кастрюля с ароматным супом, от которого исходил жаркий вкусный запах, и компоты от свежесобранных ягод... А в центре стола, как будто ненароком там затесавшись, но одновременно уверенно и помпезно выглядывая из бесчисленного ряда тарелок, стояла одинокая бутылка водки. Бутылка, что примечательно, нераспечатанная и словно прибереженная для особого события.

Да и весь стол, хоть и видимо собранный на скорую руку, выдавал в себе некоторую ноту торжества, а желание угодить как будто витало в воздухе. Хозяин дома одобрительно кивнул, взглянув на сей импровизированный пир (видно было, что они решили воспользоваться всеми имеющимися запасами, чтобы оказать достойное уважение дорогому гостю), а его жена, все еще стоя рядом со столом, неловко переминалась с ноги на ногу, заметно нервничая, и, глупо улыбаясь, смотрела в пространство.

Зигмунд вначале решил обойти вниманием этот старательный акт гостеприимства, но затем некое давно позабытое чувство взяло над ним вверх, и он, немного смутившись, поблагодарил хозяев за столь радушный прием.

Потом, думая об этом столь внезапно возникшем чувстве, он пытался найти ему подходящую ассоциацию, но в голову пришло лишь одно соответствующее слово – забота. Причем соответствовало оно его душевному настрою, но никак не ситуации. Ведь никогда он не мог подумать, что заботиться о нем будут абсолютно чужие, даже враждебные ему люди, которых он нагло и бесстыдно обманывал.

Но они это делали, и их нужно было отблагодарить. Пусть потом именно они вонзят ему нож в спину, но здесь и сейчас он обязан быть принципиально вежливым.

– Я благодарю вас за оказанное гостеприимство, а также за столь богатое угощение. Но я хочу отметить, что я здесь нахожусь с важным государственным заданием, которое займет у меня неопределенное время, поэтому я не хочу, чтобы во время моего чрезвычайного расследования вы расточали столь много сил на заботу о моей персоне. Мне достаточно будет есть то, что едите и вы, а находиться в стесненных, я бы даже сказал скудных, обстоятельствах нас принуждает сама наша работа, наш образ деятельности, к которому мы давно привыкли...

– А я смею заверить вас, господин аудитор, – мягко и обходительно перебил его староста, – что это нам нисколько не затруднительно и что, если честно признать, примерно то же самое мы едим день ото дня. Мы не бедствуем, господин...

– Прошу, зовите меня просто Зигмунд, хотя бы на время расследования. Так будет гораздо проще, – елеинным голосом попросил аудитор.

– Хорошо. Так вот... Зигмунд... мы, как я уже сказал, не бедствуем и будем рады разделить с вами нашу еду и наш дом. На время вашего расследования, разумеется, – его твердый взгляд уставился на Зигмунда.

Но аудитор даже не смутился и ответил на этот взгляд легкой улыбкой.

– Разумеется, – подтвердил Зигмунд.

После этого Брендон бросил сердитый взгляд на свою жену, и та поспешно села рядом с мужем. Разговор мужчин вначале не клеился, но они нашли хлипкий плацдарм для общения в виде обсуждения еды, погоды и немножко политики. Женщина старалась также вставить свое слово, но постоянно получалось невпазд, за что она одаривалась жесткими словами со стороны мужа. Чтобы не усугублять ситуацию своей постепенно возрастающей нервозностью, она нашла себе занятие в освобождении стола от ненужных блюд, а затем и освобождении комнаты от своего столь ненужного присутствия.

Оставшись наедине, так и не подружившиеся мужчины мучительным взором уставились на стоящую в центре стола бутылку водки, но после быстрого совещания было решено, что не здесь и не сейчас. Как-нибудь потом, когда настанет подходящий для этого момент.

Когда настроение будет расцветать в унисон с радостно бьющимся сердцем. Когда спокойствие и душевное умиротворение будут призывать собеседников к излиянию своих самых сокровенных секретов.

Тогда и можно будет распить столь чудесный напиток, который в этом королевстве стоил немалую сумму.

Зигмунд довольно откинулся на спинку стула. Разумеется, хозяин уже отметил его небывалую прожорливость (пусть староста и не особо от него отставал), несвойственную финансовым сотрудникам. Они всегда ели мало, изящно и церемонно. Как напыщенные индюки с крайне раздутым чувством собственного достоинства, но сжатым от постоянных нервов и стрессов желудком.

Но Зигмунду было уже все равно, что о нем подумают. Он хотел есть, и он ел. Ему почему-то именно в этот прекрасный момент полного физиологического удовлетворения пришла в голову блестящая мысль, что жить надо проще, что жить надо веселее. Он понимал, что мысль эта была поверхностной и что она довольно скоро растворится в тягучем мраке депрессии и чувстве неудовлетворенности собственной персоной.

Но сейчас, вот именно сейчас, ему было очень хорошо.

Староста мягко прервал его мысли, спросив, не желает ли он десерта. И Зигмунд не отказался. Да-да, подумал он, именно десерта.

Он очень хотел сладкого. В лесу ворон никак не мог притащить ему пирожков в своем большом клюве.

Сам того не замечая, он неожиданно оказался сидящим на стуле в просторной светлой крытой веранде, которая ярко и нежно освещалась лучами постепенно заходящего солнца. Ему принесли золотистый натуральный мед, налитый в изящную старинную фарфоровую вазочку,

мягкие пышные и чрезвычайно вкусные сдобные булочки, которые так идеально подходили к меду, а также выдержанный и идеально заваренный зеленый чай, который так приятно обжигал желудок.

И, что было совсем замечательно, оставили его одного.

Да, они были правы. Они точно не бедствовали.

Он чувствовал себя абсолютно счастливым. Еще никогда прежде он не чувствовал себя настолько хорошо. Даже постоянная головная боль, и та, казалось, отступила под натиском бескрайнего наслаждения и душевного умиротворения. Хотелось просто закрыть глаза, запечатлеть этот момент в душе и повторять его вечно, слиться с ним воедино, обрета бесконечную гармонию в душе.

Он съел весь мед. И все булочки. И выпил чай досуха.

Это было уже через край, слишком много, и он понимал, что они это заметят. Точно заметят, как он с удовольствием наливал и пил пенистый квас, как компот прямо вместе с ягодами молниеносно испарялся из чашки, как колбаски исчезали, а картошка старательно подчищалась, как звонко хрустели маринованные огурчики и как мерно шелестели уплетаемые листики салата.

А потом еще и мед. И булочки. И чай.

И он бы не отказался еще от чего-нибудь. Да-да, не отказался бы, пусть и так было очень и очень хорошо.

Он не заметил, как задремал. Его разбудила участливая хозяйка, которая о чем-то спрашивала, а он в полусне заметил лишь, что солнце уже пропало с горизонта, погрузив мирное окружение во временную благодатную тьму.

– Да... простите меня, я... – начал было Зигмунд.

– Ничего страшного, боже правый, что вы говорите, – залепетала женщина. – Вы же устали с дороги, не утруждайте себя...

– Нет... – язык у аудитора заплетался, нехотя выплевывая нужные слова. – Дорога была вовсе не долгой, просто я сегодня встал очень рано, да и эти многочисленные государственные дела...

– Конечно-конечно, – женщина, как мельница, замотала головой. – Столько дел, вовсе не понимаю, как вы успеваете со всем справляться! Уже почти ночь на дворе, господин, не изволите ли...

И она радушно вызвалась проводить Зигмунда до его спальни. По пути он попросил показать уборную.

Бытовые вопросы, лениво подумал Зигмунд, тяжело ложась в кровать. Совершенно не совместимые с его показной должностью.

Так нельзя, сказал он себе, закрывая свои сонные глаза. Они еще посоветуются ночью, а утром совершенно точно придут к выводу, что никакой он не аудитор. Или уже догадались.

Какая разница? Он же и правда не аудитор.

Спину слегка ломило от долгого сидения на стуле.

Он старый больной, никому не нужный человек. Просто старик, доживающий свой век.

По щеке покатилась пока еще единственная слезинка.

Да. Как приятно было жалеть себя в столь сытом и умиротворенном состоянии.

Ничтожество. Пустое место. Человек, выброшенный на свалку истории. Человек, который никогда и не жил толком.

Он плакал. Старался плакать тихо, но через несколько минут уже перестал об этом беспокоиться.

Действительно, какая разница?

Опустошив свое больное сердце от накопившихся слез и душевных страданий, он лег лицом к стене, поплотнее укрылся теплым шерстяным одеялом, зарылся в мягкую объемную подушку, прижал к себе, обняв обеими руками, вторую подушку и мгновенно заснул.

Х

Зигмунд хорошо запомнил этот момент. Он тогда стоял у окна, отвернувшись от своего собеседника.

Через окно в ту самую ночь мало что можно было разглядеть, хотя он и не старался – слишком много неприятных чувств поднималось в его темной душе.

– Так вы говорите... – начал он, но тут же осекся, пытаясь собраться с мыслями.

Он хотел повернуться к человеку, сидящему за его спиной на краю кровати, но тело его словно оцепенело.

– Вы говорите... – нет, он никак не мог взять себя в руки.

Первый раз за долгое время его окружило липкое и навязчивое чувство страха. Ранее была лишь тревожность за его будущее, но это были, скорее, философские мысли. Какое место в этом мире он занимает, что ему делать со своей никчемной жизнью?

Но теперь все было совсем иначе. Ему было просто страшно в строго экзистенциальном смысле. Ведь он так и не научился психологически справляться с угрозами.

– Я говорю, – веселым голосом подтвердил мальчик, лежа на кровати и небрежно болтая ногами.

На несколько минут в комнате повисла неопределенная пауза, которая могла бы длиться и вечно (Зигмунд не возражал), если бы мальчику не надоело. Он резко встал на ноги и подошел к книжному шкафу, начав внимательно рассматривать корешки старых изданий.

– Послушай, Зигмунд, к чему ты так напрягаешься? Я же тебя нисколько не оскорбляю, не шантажирую и тем более не угрожаю, – медленно проговорил Келен, водя своим ухоженным пальчиком по пыльной полке.

Эта явно невпопад брошенная фраза заставила Зигмунда повернуться к нему. В глазах его читалась бурная смесь из смущения, негодования и презрения.

– То есть вы всерьез считаете, что, высказывая свое намерение меня...

Зигмунд на мгновение остановился, пошатнулся и начал терять равновесие, словно был пьян. Лишь случайное прикосновение руки о холодный подоконник возвало его к разумным чувствам.

Он собрался с мыслями и решил начать снова. Мальчик терпеливо ожидал, лениво перелистывая страницы какой-то книги.

– Вы ранее высказали свое намерение меня... убить, – Зигмунд наконец смог выговорить это чуждое его гуманистическому уму слово. – И вы действительно считаете, что это не угроза?

Мальчик лишь отмахнулся, словно сама высказанная Зигмундом мысль представляла собой нечто заурядное и не стоящее особого внимания.

– Конечно же, нет! – улыбаясь, воскликнул Келен, поднимая глаза на старика.

Зигмунд вздрогнул, когда черный взгляд мальчика прошел его насквозь, но смог удержаться в вертикальном положении, хоть все его тело и колотила сильная внутренняя дрожь.

Его мозг, его чувства, его душа – все вместе они буквально источали панические ритмы, предупреждая о стоящей перед ним опасности. Его тело вырабатывало адреналин в столь ненормальных количествах, что от своей неопытности и домашнего образа жизни он буквально оказался пригвожден к месту, не имея возможности пошевелить и кончиком пальца.

Этот... это... эта персона, что стояла сейчас перед ним, была не чем иным, как монстром. И от того, что чудовище предстало перед ним в облики маленького мальчика, не становилось легче.

Келен был не просто стар – он сочетал в себе несколько жизней одновременно. В легендах о темных душах говорилось о древних, которые настолько хорошо умели контролировать паразита, поселившегося в их теле, что могли жить на протяжении многих сотен лет.

Но легенда неспроста оставалась таковой. Практически невообразимо было представить себе, что кто-то в этом мире мог одержать верх над темной душой, которая со временем пожирала и завоевывала внутреннее Я своего бывшего хозяина, сводя последнего в могилу.

Да, человек становился сильнее. Да, он вбирал в себя опыт многих прожитых лет. Но внутренний баланс постепенно разъедался под воздействием пагубных мыслей и действий, и человек переставал осознавать причинно-следственную связь своих действий, попросту становясь сумасшедшим маньяком. А на таких монстров мир всегда находил управу. Простой, но крайне разгневанный люд, наемники, которые за большие деньги нашли бы и предали земле кого угодно, а также печально известные государственные аудиторы преследовали подобных созданий, и в конечном итоге всех, кто был одержим темными душами, ожидал скорострительный и крайне нелицеприятный конец.

Так раньше думал Зигмунд. Поэтому он и считал себя и своего бедного друга Малькольма безвозвратно погибшими. Если ты сопротивляешься злему духу, то он, не находя нужной ему подпитки отрицательной энергии, начнет пожирать своего временного хозяина. И тогда ты умрешь в страшных муках от болезни, против которой нет известного лекарства. От болезни, что поражает душу, нервы, а затем и всю физиологию тела. Ты умираешь в столь сильных муках, что жалеешь о том, что вообще когда-то жил.

Остается лишь выходить на свежий воздух и орошать его кровью и криками убитых, замученных тобой людей. Но так ты тоже долго не протянешь, ведь стрела быстрее мысли. А много стрел тем более.

И вот перед ним стояло, как ни в чем не бывало, доказательство его ошибочных рассуждений. Если, конечно, Келен не врал, но Зигмунд не мог заметить блеф – ни по жестам, ни по интонации голоса, ни по выражению глаз.

Ужасало и то, что темный дух захватил мальчика в столь юном и невинном возрасте. Зигмунд одновременно внутренне переживал о том, как тягостно юнец пережил вселение в себя мерзкого паразита, если даже взрослые мужи с крепким и развитым рассудком умирали в муках, пытаясь вобрать в себя темного духа. Но также в его голову приходили крайне мрачные мысли о том, насколько изошренным (извращенным?) должен быть ум Келена, если он смог прожить так долго.

Перед Зигмундом стояла не только живая загадка, но и самая сильная угроза, когда-либо встречавшаяся в его жизни.

– Это никакая была не угроза, – миролюбиво произнес мальчик, игриво пожимая плечами. – Скорее, ультиматум. Но я же дал тебе выбор!

– Ультиматум – это не выбор. Никогда нельзя считать выбором ситуации, в которой на одной чаше весов стоит смерть.

– О, ты совсем ничего не понимаешь в выборах, – нравоучительно заметил мальчик.

Он аккуратно положил книгу обратно на полку и снова вернулся к кровати.

– Смерть всегда незримо присутствует в нашей жизни, Зигмунд, – загадочно произнес мальчик. – Но далеко не всегда нам дают шанс выбрать ее. Тебе в чем-то повезло.

И он радушно улыбнулся старику.

Зигмунд тяжело дышал, смотря на мальчика невидящим взором. Но он сумел собраться с силами и мыслями, перестав бороться с текущим волнением, одновременно не давая своему сознанию пропускать *будущие* переживания в свою душу. Заблокировал дверь, забаррикадировался.

Тяжело вздохнул. Он не стал себе мысленно говорить, что все хорошо, не пытался успокоить себя.

Потому что все было крайне паршиво, и он более не хотел обманывать себя в этом.

– Но почему? Зачем вам все это? – задал он вопрос, который давно крутился на кончике его языка и на границе его сознания.

– А почему нет? – просто переспросил мальчик, еще раз пожимая плечами. – Почему нет? Разве не имею я свободы убивать кого хочу и когда хочу?

– Это... незаконно... – неуверенно произнес Зигмунд, пытаясь нащупать духовную почву под ногами.

Хотя он уже начинал понимать, что при разговоре с психопатом держаться знакомых берегов бесполезно. Либо ты с ним на одной волне, либо ты держишься своих принципов (которые должны быть *очень* хороши), либо ты погибаешь в волне нескончаемого безумия.

– А кто определяет закон?

Хитрая улыбка, кивок головы. Он действительно хочет знать ответ.

– Государство, – Зигмунд на секунду задумался. – И Бог.

– О! – искренне удивился мальчик. – Так ты, оказывается, верующий, Зигмунд?

– Нет... но хотел бы быть им. Но нет. Не верующий.

Он просто волнуется, поэтому отвечает прерывисто. Мальчик это явно замечает, и это явно доставляет ему удовольствие. Он чокнутый. Поэтому и прожил столь долго.

– Это не важно, – мальчик отмахивается и от этой мысли. – Абсолютно не важно. Да, действительно, как ты верно подметил, существуют законы, Зигмунд. Существуют и заповеди. Но я не могу по ним жить.

– Почему? – внезапно спросил Зигмунд, мысленно попрекая себя за этот вопрос.

Он не хотел это спрашивать, ему было совсем это не интересно.

Но мальчик ответил честно, без хитрых мысленных конструкций.

– Потому что они не охватывают всей сущности этого мира. Они существуют для контроля большинства и успешно с этим справляются. Но кто будет контролировать меньшинство? И что если это самое меньшинство успешно правит большинством?

– Если вы про недостатки демократической системы, то...

Но мальчик перебил его.

– Я про жизнь, Зигмунд, про жизнь. Жизнь, она не про системы, она хаотична и вечно изменяема невидимыми силами. Поэтому я стараюсь не задумываться о сложных конструкциях и просто жить. Разве не для этого меня создавал Бог? Не для жизни?

Эта пугающая философия, которая взялась словно ниоткуда, заставила Зигмунда слегка отшатнуться. Он бы сейчас многое дал, чтобы оказаться подальше от этого маленького сумасшедшего монстра, но вряд ли в этом мире нашлось бы место, где он мог бы спрятаться от него.

– Я... хотел бы вернуться к теме обсуждения, если можно, – нетвердым голосом попросил Зигмунд.

– Давай, – весело разрешил ему мальчик.

– Вы хотите меня убить. Я понимаю, что бесполезно спрашивать причины – я все равно вас не пойму, но я должен спросить, почему вы даете мне фору? Вам...

Нет, он должен сказать это. Терять ведь все равно уже нечего.

– Вам доставляет удовольствие погоня за своей жертвой?

У мальчика на лице застыло непонимающее выражение.

– Не понял, – просто произнес он.

Зигмунд постарался объяснить.

– Вы говорите, что даете мне месяц на организацию... побега из этого места. И что потом вы вернетесь за мной. Если я даже соберусь завтра, то на своих двоих, будучи в столь ослабленном состоянии и не привыкшим к длительным путешествиям, я вряд ли уйду далеко. И вы всегда сможете выследить меня и нагнать.

Брови мальчика медленно поползли вверх в недоумении.

– Нагнать? – переспросил он.

– Да, нагнать меня и убить, – жестко подтвердил Зигмунд, стараясь обвинительным взором окинуть своего злого собеседника.

Келен слегка смущенно рассмеялся.

– Ты, наверное, ничего и не понял, Зигмунд. Зачем мне за тобой гнаться? У меня как будто других дел нет... Вот если бы ты попался на моем пути, то... – он загадочно улыбнулся и покачал головой. – Кто знает? Но это все неопределенно. И я не хотел гоняться за тобой через всю страну, я говорил о другом – если через месяц я приеду сюда и увижу тебя здесь или неподалеку, то убью тебя. И это не было ложью.

И он снова жизнерадостно рассмеялся.

– Да и как бы я, скажи мне, пожалуйста, выследил бы твой след после твоего месячного отсутствия в лесу, а? Я же не волшебник.

– Вы, возможно, и не волшебник, – согласился Зигмунд. – Но ваша девушка является вервольфом.

Он только теперь, когда заметил загорающийся уголек ярости в глазах у мальчика, понял, что не стоило об этом упоминать, особенно когда в разговоре выяснилось, что у него есть шанс на выживание. Но уголек тлел лишь мгновение, мальчик быстро взял себя в руки. Любой другой человек не заметил бы никаких изменений в настроении Келена.

– Ты догадался, – едко произнес мальчик.

– О том, что она... не совсем человек? Да, но...

– Я не об этом, – раздраженно махнул рукой мальчик. – О том, что она моя девушка.

– Вы очень переживаете о ней, – заметил всегда внимательный Зигмунд.

– Да, но некоторые обращают внимание на разницу в возрасте...

– Для мужчины абсолютно приемлемо в современном мире быть старше своей избранницы, – отчеканил Зигмунд будто выученный урок.

Мальчик долго смотрел на старика, а затем медленно встал с кровати и направился к двери.

– Неплохо, Зигмунд, неплохо. Я в тебе не ошибался.

Он подошел к двери, но перед выходом решил обернуться.

– Еще раз повторяю – если я нахожу тебя здесь или поблизости через месяц, то я убью тебя. Это простая правда, Зигмунд.

Зигмунд кивнул вслед уходящему мальчику, но в голове его внезапно возник еще один вопрос. Он решил задать его, хоть это было и не лучшее решение – узнавать что-либо от своего потенциального убийцы.

– А Малькольм? Ты убьешь и его?

Келен застыл в раскрытых дверях, не поворачивая головы.

– Зачем? Он может быть еще мне полезен.

Что-то вроде обиды подскочило к горлу старика. Он всю жизнь был крайне обидчив, и даже в минуты опасности эта черта его не покинула.

– Поэтому от таких бесполезных людей, как я, можно попросту избавиться? – надрывным голосом спросил он.

Но мальчик лишь грустно покачал головой в ответ.

– Нет, ты просто представляешь собой гораздо большую опасность.

И он ушел, быстро закрыв за собой дверь.

Что бы это значило?

XI

Он проснулся с сильным желанием не просыпаться вовсе.

Солнечные лучи бескомпромиссно пробивались сквозь жиденькие занавески, как будто призывая Зигмунда поскорее начать новый день. Но он с мычанием и стоном отвернулся от их настойчивых касаний и постарался накрыть голову подушкой так, чтобы можно было свободно дышать.

Я в домике.

Ему вспомнились присказки в детских играх, которые упоминались в некоторых тонких книжках, что он стыдливо прятал среди скучных увесистых фолиантов. От радостных беззаботных повествований, которые он перечитывал в последнее время все чаще и чаще, веяло странным умиротворяющим спокойствием. Как будто действительно можно было спрятаться в импровизированном домике, просто прикрыв на мгновение глаза.

В психологии это называлось уходом от проблем, то есть эскапизмом. И, по мнению многих ученых и философов, это состояние души крайне пагубно и тлетворно действовало на человека, превращая последнего в инфантильную сущность, что было сильно мерзко по меркам взрослого разумного человека.

Но что-то в этих суждениях было явно не так, считал Зигмунд. Нарушение логики. Подтягивание фактов.

Ведь если инфантильная взрослая особь сравнивалась в обыденных разговорах с ребенком, который в игре с самим собой с помощью доступных ему инструментов окружения воссоздает на некоторое время вокруг себя волшебный и дивный мир, используя лишь свою фантазию, то... тут нет никакой связи. Это неправильно.

Ведь инфантила чаще всего обвиняют в постоянном уходе не только от решения проблем, но даже и от обсуждения проблем, что приводит к психологическому диссонансу. Человек каждый раз, когда перед ним предстает неприятная ему тематика, мгновенно либо представляет себе объект наслаждения и радости, выделяя в свое тело эндорфин, а в свою душу – эйфорию, пытаясь тем самым вытолкнуть из себя все неприятные эмоции, чтобы просто двигаться дальше и не останавливаться, либо же этот человек может перейти и на материальный план – заедая свой стресс всевозможными сладостями, перекрывая свою неудовлетворенную сексуальную энергетику частой мастурбацией или попросту убегая подальше от источника проблем.

При частом и последовательном повторении таких способов нерешения проблем это может привести человека к расстройству психики, помешательству и прочим последствиям, вытекающим из того, что бессознательное, которое не создано для взаимодействия с миром напрямую, а лишь через нашу душу и чувства, встает на первый план, тесно переплетаясь с сознательным, и распутать этот призрачный клубок уже довольно трудно.

Но почему людям подают эту информацию таким образом, что включают в рассуждение детей? При чем тут дети?

Ведь дети – это уникальные жизненные организмы, в мозгу которых имеется невозможное и невообразимое для взрослых особей достоинство. Их сознательное и бессознательное находятся по соседству друг с другом, что губительно для каждого взрослого разумного человека, у которого бессознательное находится далеко внизу, в погребке сознания, скованное цепями и запечатанное непробиваемым люком.

Но в нашем детстве и только тогда возможен тот удивительный факт, что эти два таких разных соседа ухитряются уживаться рядом друг с другом, иногда игриво переплетаясь в чудных очертаниях, но затем снова вставая на свои места.

Это крайне небезопасное соседство, ведь если они запутаются друг в друге, то наступит необратимый эффект. Но этого не происходит практически никогда, а если и происходит, то на

самой начальной фазе, когда у матери рождаются психические уродцы, еще до конца не изученные наукой, которых называют даунами.

Именно поэтому детство так важно для каждого человека. Ведь если бессознательное в столь юном периоде созревания находится наверху, а не внизу, то эффект впитывания в себя окружающего мира усиливается в сотни раз, в отличие от искащенной версии взрослой особи, которая воспринимает окружение через призму сознательного, иногда отдавая жалкие крохи своему бессознательному, а иногда и вовсе не обращая на него ровно никакого внимания.

И абсолютно правильной, как считал Зигмунд, является та мысль, что то, что ты посеешь в ребенка, как родитель, то и вырастет из него впоследствии, ведь полноценное изменение человека в зрелом возрасте затруднено заточением бессознательного в темном погребце.

Но эти две теории – об инфантилах и детях – никак не пересекались в действительности. Инфантилы являлись лишь взрослыми особями, которые неосторожно и неправильно подкармливали свое бессознательное вредными мыслями, из-за чего оно разрасталось, как некая невидимая мозговая опухоль, и мешала сознанию нормально функционировать. Нарушалась гармония между сознательным, которое стремилось к улучшению нашего взаимодействия с миром, и бессознательным, которое мы накормили всякой дрянью.

Но сравнивать подобных людей с детьми означало полностью дискредитировать и унижить нас самих в юности. А ведь тогда мы были сильнее в плане нашей мозговой гармоничной активности, тогда мы были гораздо честнее перед самими собой. Ведь если ребенок паразитическим образом умеет в равной степени и без сильного вреда самому себе орудовать одновременно и бессознательным, и сознательным, которые находятся примерно на одном уровне развития, то разве можно сравнивать такое удивительное существо с инфантильным зомби, который нарушил гармонию с самим собой? Да даже взрослый рациональный человек ни в какое сравнение не идет с самым обыкновенным ребенком, потому что, в отличие от этого самого ребенка, уже не умеет удерживать бессознательное и сознательное на одном уровне, он вынужден запирает свое бессознательное на несколько замков ради своей собственной безопасности.

Именно поэтому такое сравнение совершенно неуместно. Тогда почему инфантилов сравнивают с детьми? Может быть, причина в том, что сравниваемый и обсуждаемый человек не является на самом деле инфантилом, а на него попросту клеветают ради уязвления его достоинства?

Тогда...

– Мастер Зигмунд, вы уже проснулись? – раздался жизнерадостный женский голос рядом с его ухом.

Зигмунд вздрогнул. Он так увлекся своими бездарными и бесполезными мыслями, настолько ушел в себя, что не услышал шагов.

Он стыдливо отнял подушку-домик от своего помятого лица и постарался встать, виновато озираясь. Это действие он произвел без должной грации, которая была присуща высшим государственным деятелям, но ему было уже все равно. Только дурак не догадался бы, что аудитор из него вышел неважный.

– Который час? – тихо спросил он.

В горле пересохло, а все тело, казалось, было намазано невидимым неприятным на ощупь маслом. Не надо было думать о всякой чепухе, если уже проснулся. Потом настроение становится дурным, а мысли – ватными.

– Уже почти семь утра, мастер Зигмунд, – весело отозвалась жена старосты, хотя в ее голосе Зигмунд учуял легкий обвиняющий подтекст.

Все верно, ведь в деревнях встают рано. Даже очень рано.

Рядом с женщиной на маленьком прикроватном столике он уже приметил положительные изменения. Ароматные булочки горкой были положены на большую тарелку, а рядом сто-

яла глубокая кружка с толстыми белыми стенками, а также крынка с молоком, от которого шел приятный белый пар.

Зигмунд взглянул на женщину крайне одобрительно. Он удивленно подметил, что к ней он начинает испытывать тихое, робкое, но самое настоящее сексуальное желание. Он давно не испытывал ничего подобного к противоположному полу, но сейчас хорошая еда, уютное жилье и добрая ободряющая улыбка ценилась им выше всего. Перед ним была богиня, и он хотел ее.

Обнять и не отпускать. Чтобы она вечно его кормила, а он... ничего особо не делал.

Он мгновенно утихомирил свои разгоряченные мысли, унял слегка подрагивающие старческие руки и постарался улыбнуться как можно более сухо и незэмоционально.

Не получилось. Улыбка у него растянулась до ушей.

– Благодарю вас, госпожа. Еще раз сердечно благодарю за столь сердечный прием. Поверьте, я вовсе не достоин такого ко мне обращения, но, находясь рядом с вами, я чувствую себя достойным, – вежливо поблагодарил Зигмунд свою хозяйку.

Женщина смущенно улыбнулась и затараторила в волнении:

– Что вы, мастер Зигмунд! Как можно! Это вы оказали нам честь, придя в наше захолустье! К тому же, позволю себе сказать, вы-то наверняка живете в более богатой, так сказать, обстановке, поэтому...

– Не богатство важно, – мягко перебил ее Зигмунд, – а состояние души. И с ним у придворных господ дела обстоят неважно. Никто не хочет обнажать свои настоящие чувства перед другими, зная, что эти другие спят и видят, как кого-нибудь да подсидеть. Лицемерие, ложь и безумное тщеславие – вот какие настроения сейчас царят в нашем замке. И видеть столь честный благодушный и радостный прием... Я понял, что этого мне в последнее время не хватает.

Женщина (и это показалось ему милым) в ужасе от услышанного прикрыла рот руками.

– Ужасно, мастер Зигмунд, попросту ужасно. Как же вам живется-то, бедненькому?

– Важны не мои чувства, госпожа, а мой долг, который превыше всего. Долг перед моим королем и этим королевством, – серьезно произнес он, глядя ей прямо в глаза. – А остальное уже мелочи.

Но она все равно отрицательно покачала головой, сочувствуя. Теперь желание притянуть ее к себе и поцеловать было настолько сильным, что Зигмунду пришлось очень сильно прикусить себе язык.

К счастью, женщина уже собиралась уходить. Она быстро встала, немного посуетилась, еще раз пожелала Зигмунду приятного утра, показала, куда положила плоску с водой и мылом для умывания, спросила, не нужна ли аудитору смена одежды.

Зигмунд виновато улыбнулся и ответил, что не помешает. Он, дескать, так спешил, возвращаясь в замок после одного длительного и крайне важного задания, а по пути его, как назло, развернули и приказали прийти в эту деревню, поэтому... но она явно не слушала его бредни, а лишь непрестанно кивала и улыбалась, сияя своими чудными глазами.

Вечером, напоследок упомянула она, мужики растопят баню, можно будет помыться, а ее муж ожидает господина аудитора внизу, желая показать ему место последнего преступления и вообще ввести в курс дела. Но это только после того, как господин аудитор позавтракает, конечно.

И она убежала, оставляя за собой причудливый аромат. Зигмунд даже не представлял, что в деревнях теперь женщины душатся. Хотя сколько уже времени прошло... да и она была женой старосты.

Который ожидал его внизу, чтобы начать какое-то там расследование. И зачем все это? Это не нужно. Лишнее.

Он попытался выбросить неприятные мысли из головы. А потом выбросил их вовсе.

Закрыв глаза.

Окунулся в глубины своего сознания. Недолго прошелся по темному туннелю, который еще ранее казался ему бесконечным. И вскоре дошел до той самой двери, скрывавшей то, до чего он всячески запрещал себе дотрагиваться.

Но теперь, в это самое мгновение, все было иначе. Он приоткрыл дверь. Она была не заперта, как и ожидалось.

Краем глаза он заметил в глубине комнаты темного зверя, который притаился и ожидал его, скаля свои гнилые зубы. Но он не обратил на зверя ровно никакого внимания.

Он прошел к центру комнаты, погружаясь в невидимое, но столь осязаемое, словно некая воздушная липкая паутина, вызывающая приятное электрическое покалывание. Это и было бессознательное.

Он на секунду забылся, полностью отдаваясь благодатным ощущениям в своей душе. Но зверь не забыл его, и он был крайне обижен на Зигмунда.

Разогнавшись и постепенно набирая скорость, зверь в мощном прыжке бросился на Зигмунда, вгрызаясь в его тело своими мерзкими зубами. Но Зигмунд обнял темного зверя, он был в слишком умиротворенном расположении духа, чтобы сражаться со своим внутренним демоном. Он принял его, он подставил ему свое тело, он позволил отгрызть от него куски горячей свежей плоти.

Он знал, что поплатится за это. Но ему было все равно. Почему-то в последнее время он впадал в крайнюю степень безразличия. Может, именно такое состояние еще держит его на плаву?

Его сознание мгновенно окрасилось в темные и кровавые тона. Тело покрылось мелкой дрожью, а в голове лихорадочно загудело. Но он не открывал глаза.

Потому что ему было приятно. Очень приятно.

В своем воображении он больше не целовал эту милую женщину. Он разрывал на ней одежду и старался как можно плотнее прижать ее к себе. Он очень хотел ее и хотел слышать, как она громко стонет. И он слышал.

Слепым движением он нащупал свежую булочку. Все еще не открывая глаза и откинувшись на мягкие подушки, он яростно откусил добрый кусок. Сдоба показалась ему крайне сладкой, а также очень вкусной.

Он добавил эти прекрасные вкусовые ощущения к своему океану бурлящих чувств. А при следующем укусе живо представил себе, как он обхватывает своими губами нежный сосок ее полной груди, смешивая свою большую фантазию с реальным и живым вкусом от булочки.

Он съел ее без остатка и захотел еще. И он мог себе это позволить, ведь булочек еще было много, а также на столе стояло свежее горячее молоко.

Но это подождет. В своем воображении он уже дошел до момента, когда он медленно и настойчиво снимает с нее трусики.

Его рука прикоснулась к ее клитору, и она взвизгнула от удовольствия. Он улыбнулся и заворочался на кровати. Темный и столь нежеланный сосед в его сознании ничего не мог поделать – он горячо хотел приказать Зигмунду спуститься и разодрать одежду на женщине наяву, невзирая на последствия, но также ему было любопытно, что произойдет дальше в этой большой вымученной фантазии. И он помогал своему носителю добавлять новые краски в этот сумасшедший водоворот страстей.

Первый раз за долгое время Зигмунд нашел компромисс со своей темной душой. Хотя он понимал, что за это ему еще припомнят.

Через десять минут он, наконец, открыл глаза, тяжело дыша.

Хорошая еда, безмятежный сон, приятные собеседники. И мастурбация, куда же без нее.

Да, он был донельзя инфантилен, подумал Зигмунд, с удовольствием принимаясь за остаток утреннего угощения, запивая его вкуснейшим молоком.

Но сколько можно обращать внимание на мнение других людей, если он просто пытается выжить? Как может, он же старается... и он сделает вскоре огромную услугу этому миру, когда умрет. Ведь так?

Тогда почему ему нельзя побыть слабым? Хотя бы еще чуть-чуть. Он ненадолго, честно-честно. Скоро все закончится, а пока...

Пока у нас есть еще дела. Пусть и выдуманные, пусть и основанные на лжи, но все же это дела. Долг перед королем и страной. Он иронично усмехнулся, припоминая свои странные слова, которые совершенно неожиданно возникли у него в сознании.

К чему он это сказал?

И все же он абсолютно бесполезен.

Докончив с великолепным и сытным завтраком, он принялся тщательно умываться, насколько это было возможно при таком малом количестве воды.

И он вдруг понял, что очень хочет в баню. Казалось, что он не парился уже всю жизнь.

Что ж, один день не критичен. К тому же, может, уже сегодня на коротком деревенском совещании они решат, что с ним делать. А он никуда не уйдет, пока его не убьют, о нет. Будет докучать, действовать на нервы, постепенно влезать во все дела.

И он прекрасно знал, пусть и понаслышке, но о таком люди обычно не врут... он знал, что делают наркоторговцы с теми людьми, кто осмелился влезть в их дела. И чин аудитора тут не поможет – даже наоборот, помешает.

Зигмунд одернул свое безукоризненное одеяние, которое нисколько не помялось даже после ночевки, и начал спускаться вниз. Чтобы поговорить со старостой о делах.

XII

Дела были нынче кровавые.

Когда-то в этом доме, расположившемся недалеко от деревни на границе с лесом, который сейчас и решили навестить государственный аудитор и глава деревни, обреталась небольшая дружная семья.

Удивительные качества соединял в себе мужчина, живший здесь – и лесничий, и охотник, и любящий муж.

Маленькие и крайне милые дети бегали на свежем воздухе, играли. Жена замешивала тесто, а потом начиняла его вкуснейшей и разнообразной начинкой – ее пироги славились на всю округу.

Муж помогал в деревне местным, иногда мог пропасть в лесу на целый день (что он там делал?), но всегда исправно возвращался домой к позднему вечеру, чтобы поцеловать жену и обнять детей.

И именно к ним первым в деревне явился вервольф, нарушив практически идеальную семейную идиллию.

Теперь дом пустовал. И в нем было жутковато. Поговаривали, что после того случая никто из местных не отваживался подойти близко к дому. Деревенский народ частенько бывает суеверным, но тут их опасения Зигмунд целиком и полностью разделял.

– Умершего звали Рестар. Он... был хорошим человеком, – с видом духовника и голосом следователя произнес староста.

Был. Когда-то он был. А сейчас уже нет. Подобная изящная мысль о столь быстром превращении человека в ничто на мгновение очаровала Зигмунда.

– Если так, то это большая утрата для мира, – Зигмунд решил подражать манере старосты и высказываться о смерти так же поверхностно, но осторожно.

Он осматривал скудно обставленную комнату, в которой мебель, вся перевернутая вверх дном, все еще оставалась в своем хаотично безобразном положении. Но он практически не видел этого окружения, не подмечал. Все его внимание было сосредоточено на ответах своего собеседника. И в этот раз он решил даже не устанавливать прямого зрительного контакта, почему-то он посчитал это излишним. Поэтому он и осматривал комнату рассеянным взглядом, медленно перемещаясь по руинам царивших здесь ранее любви и домашнего уюта.

Интересно, когда в своей жизни он совершил ту самую ошибку, лишившись возможности жить так, как эта семья? Жить в любви, понимании и согласии. Выполнять простую работу, воспитывать своих детей, не испытывая столь неприятного экзистенциального кризиса. Когда это все было возможно, когда у него был такой шанс и когда он все испортил?

Наверное, в тот самый момент, как он появился на свет.

Он вновь прислушался к своему собеседнику. Вокруг не было ни души, поэтому Зигмунд отчетливо слышал даже дыхание мужчины. Столь неприятное и долгое соседство с темной душой иногда открывает в человеке невероятные и не всегда отрицательные качества.

Глубокого вдоха после последней фразы Зигмунда у старосты не было, он был спокоен. Но легкая пауза и заминка в голосе перед следующей его репликой выдавали то, что мужчина теперь старается аккуратно подбирать слова. Они не шли у него из души, не слетали с языка, а лишь грамотно выстраивались под строгим присмотром разума.

– Рестар не был местным, Зигмунд. Он прибыл к нам однажды из других краев, сказал, что хочет начать новую жизнь. И мы приняли его, а затем он стал членом нашей большой семьи.

Эдакое вступление к детской сказке. Немного высокопарно, но придаться по сути невозможно. Если подчиниться атмосфере, конечно. Но Зигмунд был уже в том преклонном возрасте, когда начинаешь любить сказки всем сердцем, но перестаешь понимать значение былых

слов, что всегда казались тебе обыденными. Совершенно теперь не понятно, что такое любовь. А вера? Кажется, что люди употребляют эти слова настолько часто и прозаично, что уже забывают вкладывать в них хоть какой-то смысл, выстреливая из своего рта бездушные оболочки, лишенные содержания.

Но во все эти слова, даже при таком безумном раскладе, продолжают верить, продолжают им поклоняться. И Зигмунд чувствовал себя совершенно ущемленным среди остальных людей, он более не чувствовал прочной опоры под ногами. Ведь он не понимал теперь, что такое любовь и что значит любить. Вся высокопарная смысловая нагрузка буквально испарялась, когда он пытался обхватить ее своим сознанием.

И чем больше он думал над этим, тем чаще он приходил к выводу, что он попросту научился любить. И умел ли он это делать вообще когда-то в своей жизни? И какой конец ожидает такое недоразвитое существо, коим он являлся?

Он от всей души надеялся, что конец будет быстрым и не таким мучительным. Интересно, эти люди... они умерли быстро? Каково это, когда тебя разрывает на части огромное чудовище? Веришь ли ты в любовь в последние минуты своей жизни или только кричишь, корчась от своего безобразного существования?

– И это семья настояла на том, чтобы он жил в отдалении? – слегка ироничным голосом спросил Зигмунд.

Прислушался. Снова нет признаков вдоха. Дыхание ровное, спокойное.

– Он сам так решил, – сухо парировал староста. – Рестар не очень любил находиться в обществе, но все в деревне уважали его за дела, а не за характер. К тому же он никогда не проявлял признаков грубости или пренебрежения по отношению к остальным.

Бесполезно. Прочнейшая стена. Кем же был этот удивительный человек, если он мог столь поразительно скрывать свои настоящие эмоции? Такой вопрос Зигмунд хотел бы адресовать по отношению к старосте и к его способам психологических манипуляций сознанием. Мужчина как будто отражал мысли собеседника обратно, четко подражая заданному тону и давая абсолютно выверенные ответы.

Единственный минус такого подхода заключался в том, что теперь не было никаких сомнений – староста что-то скрывал. А задача аудитора как раз и состоит в том, чтобы найти несоответствия, ведь так?

Основной вопрос теперь состоял в том, что будет с ним, когда он все же найдет эти несоответствия? Вряд ли его погладят по голове и отпустят домой.

Это и к лучшему, решил он. Головы ему теперь не жалко, а дома и подавно нет. Будь что будет.

– Кто в последнее время навещал семью погибшего? – быстро спросил Зигмунд, заноса руки за спину и чинно шагая по комнате.

– Никто, – так же быстро, не моргнув и глазом, ответил староста. – Они сами навещали наших в деревне, завозя дрова, шкуры и мясо. Милка (жена покойного) иногда приезжала к нам погостить, угощала пирогами.

– Не наблюдали ли вы ничего подозрительного в поведении Рестара в последнее время? Или в поведении его жены?

Бесполезный вопрос, Зигмунд уже знал, какой будет на него ответ. Но он лишь тянул время, изображая из себя хоть какого-то следователя. Это была крайне любопытная сценка, если взглянуть со стороны – двое мужчин очень открыто притворялись теми, кем они на самом деле не являются, и продолжали играть эти дурацкие роли, ожидая, когда тот или иной оступится. Но нелепость ситуации заключалась в том, что оба они уже оступились, оба уже отчетливо поняли, что их собеседник врет. Тогда зачем они продолжали весь этот фарс? Зигмунд неожиданно пришел к выводу, что их останавливает банальная вежливость, которую им дол-

били с детства. Именно она мешала им громко рассмеяться, похлопать друг друга по плечу и попросить перестать строить из себя невесть кого, а сказать все начистоту.

Вежливость. Еще один пережиток прошлого, в который раньше Зигмунд безоговорочно верил, а теперь смотрит на него, как на нечто чужое и непонятное. Зачем эта вежливость нужна, если в итоге мы врем изо дня в день, предавая друг друга?

– Нет, – просто ответил староста.

Что и следовало ожидать. Надо придумать еще пару вопросов для... окончания вежливой беседы?

– С кем особенно часто контактировал покойный в вашей деревне?

Мужчина на мгновение задумался. Для вида, наверное. Ко всем вопросам он был давно и тщательно подготовлен.

– Со мной, – начал перечислять староста, – с моей женой и... с нашим кладовщиком Диланом, именно ему Рестар отгружал мясо, шкуры, дрова и прочее.

– Кладовщик? – недоуменно переспросил аудитор.

Какой еще к черту кладовщик.

– Именно так, – подтвердил глава деревни. – У нас маленькая община, живем вскладчину, коммуной. Каждый из нас знает, что заработать в одиночку возможно и больше, но в наших условиях это не совсем удобно. Поэтому мы и функционируем как единое целое – основная прибыль от нашего хозяйства идет с полей, что располагаются за пределами видимости деревни. Но есть и другие промыслы – вон недавно наш дед Фомич открыл свою небольшую пасеку, теперь мы можем продавать и мед, пусть пока и в небольших количествах. И чтобы каждый просто занимался своим делом, не думая о способах реализации своего товара, мы занимаемся торговлей... централизованным способом.

– То есть продаете все сразу от лица деревни из общего склада? – удивленно спросил Зигмунд.

Староста кивнул.

– Да. Люди прекрасно понимают, что могли бы получить и больше, делая наценки на свои товары и занимаясь продажами самим, но все у нас единодушно решили, что не хотят заниматься коммерцией.

– Но кто-то все же ей занимается?

– Я. Моя жена. И Дилан с его женой. Мы стараемся быстро реализовать всю продукцию, а по окончании торгового периода раздаем вырученные деньги людям, оставляя за собой определенный процент, конечно.

– То есть вы аккумулируете у себя все вырученные деньги... и народ вам просто доверяет?

– Доверие есть основа нашего существования, Зигмунд. Мне очень жаль, что люди в больших городах этого не понимают. Вас я не имею в виду, – уточнил на всякий случай староста.

– И куда люди тратят свои деньги? Не существует ли у вас внутреннего оборота товаров первой необходимости для местных?

Староста небрежно пожал плечами.

– И да, и нет. Мы пока вывозим сырье, в основном это зерно. Мясо и прочая продукция продается в ничтожных количествах, просто для пробы и освоения рынка. В остальных случаях работает старый добрый принцип, что свои покупают у своих посредством бартера или при помощи денег, а недостача компенсируется завозом свежих товаров. Он пока бывает не так часто, как бы нам хотелось, но мы постепенно развиваемся. Нам жаль, что деревня располагается на приличном отдалении от других населенных пунктов нашего королевства, но недавно мы обнаружили новые контакты, которые все это время находились у нас под боком.

Зигмунд мгновенно насторожился. Небрежный тон старосты буквально на мгновение поколебался, но и этой секунды аудитору хватило, чтобы понять – сейчас разговор зашел о чем-то крайне важном.

– Вы имеете в виду... – также небрежно произнес Зигмунд, смотря прямо на своего собеседника.

– Мы торгуем с королевством Роуг, Зигмунд. Это не противозаконно, насколько я полагаю, а нам сейчас крайне необходимы новые торговые пути.

– Понимаю, – согласно кивнул Зигмунд. – Действительно, у нас с Роуг в последнее время сложились довольно нейтральные отношения, но, если это останется между нами, могу поделиться с вами последними придворными слухами – король недавно изъявил желание установить более прочные дипломатические связи с нашими соседями. Возможно, с помощью династического брака. А там уже будут рассмотрены и возможности улучшения торговых отношений, поэтому... вы понимаете, о чем я говорю? – Зигмунд хитро, как на сообщника, посмотрел на старосту.

– Да, я понимаю. Благодарю вас.

Неожиданно аудитор прочитал в ответном взгляде мужчины практически неприкрытую злобу. Неужели это относилось к нему? Или... к государству в целом? Он нечаянно затронул болезную тему? И если это так... Брендон, что, действительно начинает верить, что Зигмунд является всамделишным аудитором?

Это вряд ли.

И тут Зигмунд вдруг почувствовал, что начинает уставать от этого разговора. Голова снова начала неприятно болеть. А день только начинался. Черт бы побрал этих деревенских с их ранними подъемами!

– Брендон, – обратился он к старосте по имени, – основную информацию я от вас получил, выражаю признательность за открытые и развернутые ответы. Я боюсь, что мне еще придется побеспокоить вас некоторое время и задать несколько вопросов для получения полной картины произошедшего. Но не сейчас и не здесь.

– Солидарен с вами, Зигмунд. Предлагаю продолжить разговор у меня дома.

Мужчина хотел уже было развернуться и направиться к выходу, но Зигмунд остановил его взмахом руки.

– Я бы хотел попросить у вас еще о нескольких одолжениях, – вежливо сказал аудитор.

– Конечно.

– Первое – это место. Я прошу вас принять все надлежащие распоряжения и отдать соответствующие приказы, чтобы не допустить никого (даже вас, Брендон) к этому дому, который на данный момент является местом преступления.

– Я понимаю, Зигмунд. Я обговорю все с моими людьми, хотя данные предосторожности являются излишними – никто в здравом уме и близко не подойдет к дому Рестара. Многие боятся, что опасность пока не ликвидирована, но работы на полях продолжают, пусть и не так интенсивно, как раньше. Часть из работников теперь стоят на охране.

Зигмунд нахмурился.

– Что они смогут сделать с вервольфом?

– Всадить пару стрел, а затем добить. Мои люди настроены решительно, Зигмунд. Можно бояться закрытых пространств, но в открытом поле у мутанта нет шансов.

– Вы раньше сталкивались с чудовищем? – осторожно спросил Зигмунд.

– С этим – нет. Но я был при побоище в Костерке. Один из немногих выживших. И я лично могу заверить, что вервольфа убить можно. Чуть сложнее, чем человека, но все же возможно.

Ветеран бойни в деревне Костерок. То самое место, где банда вервольфов устроила резню. Говорят, что аудиторы вместе с наемниками выследили их логово и перебили всех, но... голова начала раскалываться от боли.

Потом.

– Хорошо. Поговорим об этом после. Еще раз хочу внести ясность в мою просьбу – никто, включая вас, не должен подходить к этому дому. По крайней мере, до того момента, как подойдет моя группа для изучения места преступления.

– Ваша группа? – с подчеркнuto невинным сарказмом в голосе переспросил староста.

Разговор затянулся, и Брендон начал расслабляться. Или он это специально? Неужели правила игры изменились, а Зигмунд не заметил? Черт, как же все-таки болит эта дурацкая голова!

На лице аудитора невольно отразилось выражение боли и пренебрежения, что староста, наверняка, отнес на свой счет. Но у Зигмунда сейчас были проблемы поважнее психологического поединка. По вискам словно стучал молотком. Боль начала неприятно отдавать в районе живота. Зигмунда тошнило.

– Да, моя группа, все верно, – тяжело дыша, произнес Зигмунд. – Они придут позже, потому что они не имеют возможности перемещаться... моим способом.

Зигмунд набрал серию коротких вдохов, чтобы хоть на мгновение унять тошноту. Не помогло. Стало хуже. Надо быстрее заканчивать.

– Следующий и последний вопрос на текущий момент. Вы самолично посылали кого-то за помощью?

– Посылал, – ответил староста. – Гонец ушел пару дней тому назад, пока не вернулся. Но вы сами понимаете, что путь неблизкий, и это до ближайшей деревни.

– Вы сами не предпринимали попыток уйти из этого места?

– Мы не покинем деревню, даже если ее окружит целая стая вервольфов, Зигмунд, – жестко сказал староста. – Это вопрос принципа.

– Хорошо... хорошо...

Брендон недоуменно посмотрел на аудитора, только сейчас заметив, как он нетвердо стоит на ногах, а его лицо покрыто испариной.

– Зигмунд, вы...

Но аудитор остановил его резким жестом.

– Все нормально, просто... это пройдет... я бы хотел вернуться с вами в деревню, Брендон, и поговорить с другими жителями, если это возможно. С тем же Диланом, он у вас явно важный человек.

– У нас каждый человек важен, но...

Зигмунд снова его остановил.

– Хорошо. Тогда я попрошу вас... выйти... мне необходимо еще осмотреться... наедине.

Но Брендон явно замешкался. Подобное поведение государственного служащего явно не входило в его рамки понимания.

– Сейчас же! – звучным голосом приказал Зигмунд.

Староста с недоуменным выражением на лице вышел на улицу, но буквально через мгновение до него донеслись не очень приличные звуки. Зигмунда громко рвало, и он уже не мог сдерживаться.

Приличие. Воспитание. Что это такое, как не лицемерная завеса, прикрывающая слабость духа и тела?

ХІІІ

Остаток дня прошел быстро, рвано, невнятно.

Он задавал какие-то невразумительные вопросы, получая в ответ лишь ошметки реплик, которые его измученное и больное сознание трактовало извращенно, неправильно, превратно.

Вообще, вся ситуация уже достигла своей критической абсурдной точки, и Зигмунд понимал, что долго он так еще не выдержит. Он переставал уже явственно понимать, что он делал в этом странном месте... как будто изначально он и правда преследовал какую-то цель.

Нет, все было не так. Он не стремился к чему-то серьезному или важному, он просто творил сумасбродные дела. И от этого ему начинало становиться крайне неудобно перед окружающими его людьми.

Хотя... почему ему было неудобно? Из-за того лишь, что он ворвался в чужой ему мир под руку с обманом, ложью и сумасшествием?

Но не таким же ровно образом молодые люди знакомятся с девушками? Не таким же образом купец уверяет покупателя в высокой ценности очередной безделушки?

Или все эти вещи узаконенные, традиционные, устоявшиеся в сознании обычных людей?

Но вот что тебе делать, если ты не обычный человек? Куда тебе податься, как жить?

Наверное, стоит лишь смириться или лучше даже умереть.

Или найти таких же необычных людей. Или...

Разве он виноват, что он играет по своим дурацким правилам с людьми, у которых правил вовсе нет?

Неудобство тут вовсе ни при чем. Просто ему надоело ждать, когда кто-нибудь уже вскроет эту липкую завесу лжи и расставит все по своим местам.

Он сам мог это сделать, но он слишком слаб...

Изможденный, усталый, разбитый, представляя лишь жалкое подобие человеческого существа, он рухнул на кровать и провалился в сон.

И пусть солнце еще не зашло. И пусть на него смотрят странно. Но ему было очень и очень плохо.

И почему деревенские любят так рано вставать?

«Чтобы пораньше лечь спать, до наступления ночи...»

Голос тихо прозвучал в его голове, но он его не слушал. Он вообще в последнее время никого не слушал, кроме самого себя. Эгоистичный жалобный истеричный ребенок.

Он заснул.

XIV

Проснулся он уже глубоко за полночь.

Он бы хотел поспать и подольше – желательно вечно – но пока это было невозможно.

Что-то стучалось в темный оконный проем, за которым ничего не было видно – луну скрыли черные облака.

Настойчивый стук начинал действовать на нервы, поэтому Зигмунд, с трудом разлепив глаза, слегка ударил по толстому стеклу. Стук мгновенно прекратился, и острый слух Зигмунда уловил взмахи тяжелых больших крыльев.

Ворон удачно завершил неблагодарное дело, выполнил свою собственную миссию (разбудил бедного аудитора среди ночи) и теперь, наверное, полетел занимать удобную позицию для дальнейшего обзора.

Интересно, а кусочки недавно им найденных лакомств он также взял с собой? Наверняка. Ворон обожал смотреть на мир, как искушенный зритель в театре – расположившись с комфортом, обложившись закусками и не забыв прихватить с собой программку сегодняшнего выступления.

Жаль, что эту самую программку он постоянно забывал вручить Зигмунду. Или он так делал специально? Ведь за актерами, которые импровизируют, гораздо интереснее наблюдать.

Зигмунд свесил ноги с кровати и устало потянулся, хрустя своими ломкими костями.

Что готовит ему новый день? Точнее ночь...

И тут, как будто ожидая появления у него в голове столь театральных мыслей, луна наконец вышла из-за темных облаков, освещая его маленькую гостевую комнату.словно акт первый, действие первое...

Его глаза тут же заметили маленький прикроватный столик с лежащей на ней новой кучкой его любимых ароматных свежих и столь нежных на вкус булочек. И новая порция белоснежного парного молока, куда же без него.

Он невольно усмехнулся. Они явно издеваются.

Он подвинулся к столику, от которого исходил манящий запах недавно приготовленной сдобы, и взял одну булочку, что лежала сверху.

Разломил ее на две неровные части и поднес одну из них к льющемуся из окна лунному свету. И этот свет выхватил ранее незаметные маленькие зеленые точки, которые затаились в нежной мякоти кондитерского изделия.

Он, недолго подумав, отправил в рот кусочек булочки.

Тут же его нутро прожгла такая сильная боль, что он поморщился.

Видимо, яд из его организма еще не до конца выветрился, и поэтому новые его поступления вызывают крайний дискомфорт и отторжение в желудке.

А жаль, ведь это так вкусно!

Поэтому он и подумал, что театр абсурда уже превысил все возможные пределы разумного. Ведь зачем им травить недавно прибывшего гостя, пусть он является крайне непрошеным и нежеланным?

И судя по силе воздействия яда на его организм вчера – доза, что содержалась даже в одной булочке, убила бы любого обычного человека.

Жаль, что он был не совсем обычен – тогда бы его несчастное путешествие подошло бы к своему закономерному и, что особенно приятно, быстрому концу. И он отчаянно желал этого – ведь он с удовольствием съел все булочки до единой, надеясь на счастливый, как бы странно это ни звучало, конец.

Но он выжил. Впрочем, он и не надеялся на столь легкий исход.

Но все же – зачем столь открыто подсыпать яд?

Это проверка? Но неужели настоящий аудитор не вскроет подобный обман за считанное мгновение? Или... его и не считали за настоящего аудитора?

Да о чем тут вообще думать – конечно же, не считали. Но к чему тогда вся эта игра, этот маскарад лицемерия?

Впрочем, без разницы.

Он все же взял с собой пару булочек (уж очень они были вкусными!) и, спустившись со второго этажа, вышел на улицу через парадный вход.

Вокруг не было ни души.

В окнах не горел свет, не доносилось ни единого звука.

Зигмунду тишина нравилась, она каким-то образом успокаивала, настраивала на нужный лад. Да, ему нужна была эта тишина, она как нельзя кстати.

Он неторопливо прогулялся до центра деревни. Прогулка заняла у него всего две минуты, и это он еще старался не спешить.

Интересно, такие деревушки и правда имеют права существовать, или даже она является бессовестной выдумкой?

Он тут же вспомнил неумелые слова Дилана, местного парнишки, который первый встретил его в деревне. Он так старательно *имитировал* деревенскую речь, что невольно можно было подумать, что ты и взаправду попал в импровизированный театр, где актеры изображают из себя деревенских.

Играли они хорошо, это без сомнений.

Беда была лишь в том, что они родились и выросли в большом городе. Деревня не была в их крови.

Но это же театр. В театре возможно все, главное тут – не думать лишнего, иначе магия представления разрушится.

И Зигмунд решил не думать. Освободить свою голову от каких бы то ни было мыслей, стать блаженной пустышкой.

И вот он стоит посреди пустой деревни и медленно ест крайне вкусные, пусть и смертельно ядовитые булочки. Ужасно острую кричащую боль в животе, внутренний пожар, сметающий все на своем пути, он тушит молоком, которое медленно потягивает из большой кружки в левой руке.

И больше у него ничего нет. Только пара булочек, кружка молока, раздирающая внутренности боль в животе да абсолютно пустая голова, которая не может думать ни о чем разумном в такой странной ситуации.

И вот он стоит в центре этого импровизированного театрального мира и ждет продолжения выступления. И он может ждать очень долго, ведь ему больше некуда идти в этом мире.

Наконец, луна выхватывает и других участников представления.

Они медленно бредут с другого конца деревни, нервно озираясь и приносясь к холодному ночному воздуху.

Зигмунд с крайним интересом наблюдает за ними, отправляя в рот еще один кусочек ароматной булочки. Он медленно разжевывает ее, наслаждаясь вкусом и зная, что столь бесподобный аромат точно привлечет этих диковинных существ, что нарисовались перед ним.

А посмотреть тут есть на что. Дикие горящие взгляды, рваная одежда, покрытые шерстью тела...

Интересно, ворон тоже смотрит на все это из своего комфортного убежища? Наверняка.

Зигмунду неожиданно бросилась в голову мысль, что женщины-вервольфы в своем возбужденном зверином состоянии крайне сексуальны.

Интересно, именно поэтому Келену приглянулась его девушка? Ведь если каждый мужчина согласно гендерной психологии является зверем или монстром, то почему бы ему не привлекаться на себе подобных?

И, возможно, женственность – это просто открытое проявление звериной природы? Ведь она так нравится мужчинам...

Зигмунд очень надеялся, что он понравится и той женщине-вервольфу, которая наконец заметила его. Худощавый, весь пропитанный ядом, ветхий от старости и собственной никчемности... но, может, он сохранил хоть какой-то вкус? И когда она будет вонзать свои прекрасные зубы в его дряхлое тело, то почувствует ли она наслаждение хотя бы на миг?

Если да, то он будет рад, что хоть кому-то пригодился в своей жалкой жизни, а не путался под ногами.

Люди-звери обратили на него свои пылающие от голода глаза и стали медленно, но неумолимо приближаться.

Как хорошо, подумал он. Неужели все? Можно будет умереть, пусть такая смерть и не выглядит откровенно привлекательной. Но смерть есть смерть, невзирая на ее оформление.

Но почему же они медлят? Да, он не такой вкусный, как им хотелось бы, но разве у них есть альтернатива?

Мгновения растянулись на линии бесконечности, секунды повисли в воздухе, как неприятные грубые зарубки на стене Времени.

Зигмунд постепенно терял терпения. Чего же они медлят?

Неожиданно ночное пространство разрезали жуткие крики, донесшиеся с крыши невысокого дома слева от Зигмунда.

И тут, наверное, ворону также наскучило смотреть на все эти пустые потуги. Или же он с самого начала не намеревался наблюдать, а сам желал активно участвовать в представлении, сам хотел загнать свою добычу.

Ведь он также был охотником, просто мало кто об этом вспоминал.

Зигмунд уловил боковым зрением, как несколько мужчин на крыше здания кричат, машут руками, пытаются сделать что-то полезное и нужное, пока ворон раздирает лицо одного из них своим острым клювом.

Зигмунд знал, что ворон прекрасно видит в темноте, а его клюв острее опасной бритвы. А также он обожает вначале выклевать глаза своей несчастной жертве, наслаждаясь ее кровавой агонией.

И вервольфы тоже заметили притаившихся людишек наверху. Ранее, наверное, их скрывал какой-то защитный камуфляж, который предотвращал возможность, что их могли учуять. Люди-звери плохо видели в темноте, но по запаху они могли выследить кого угодно.

А если запах отсутствует, то сойдут и крики. В мгновение ока они сорвались с места и с нечеловеческой ловкостью вскарабкались на крышу дома. Крики усилились.

Зигмунд тяжело вздохнул от досады. Вот бы они проявили такую прыть по отношению к нему. Но не судьба.

Он неспешно допил молоко под аккомпанемент душераздирающей арии умирающих в жуткой агонии людей и направился обратно, к дому старосты.

Прошел его мимо и так же неторопливо вышел из деревни, направляясь в сторону леса. Он не знал, куда и зачем идет, но был уверен, что невидимый театральный дирижер его поправит, если возникнет на то необходимость.

Долго ждать не пришлось.

– Стой на месте! А ну стой, кому говорю! – резкий голос оборвал его вальяжную прогулку.

Он остановился и медленно поднял руки вверх, потому что за мгновение до этого краем уха уловил давно знакомый ему звук – так приводят арбалет в боевую готовность. Очень неприятный и мерзкий звук.

– Мистер Дилан, я так понимаю, – спокойно сказал он.

– Заткнись, а то я тебе бошку прострелю, ты понял? – деловито уточнил у аудитора Дилан.

– Понял.

Дилан. Именно он первый повстречался Зигмунду в деревне и именно его упоминал староста в качестве кладовщика.

Кладовщик... очень странный род деятельности. Зачем такой маленькой деревне кладовщик?

«Чтобы собрать урожай, когда настанет час»

И снова Зигмунд ничего не услышал. Он не хотел слушать никого, кроме самого себя. Ну и чуть-чуть он был готов послушать человека с заряженным арбалетом. В качестве исключения.

– Шагай, – грубо приказал ему деревенский кладовщик.

И он пошел. Ему было все равно, куда идти, поэтому он не возражал.

Буквально через пару десятков шагов он понял – они направляются к дому Рестара.

Именно там, судя по словам старосты, все началось. И Зигмунд очень надеялся, что именно там все и закончится.

Да, так и будет, решил он. Ему крайне надоело ждать. Придется довершить все самому.

XV

Их уже ожидали.

Впрочем, это было закономерно. Представление всегда нуждается в зрителях. И зрители иногда настолько жаждут громкого выступления, что в случае отсутствия актеров устраивают его сами.

В душе все мы, как думал Зигмунд про себя, все мы – конченные психопаты. И мы вынуждены прятаться под масками показного лицемерия во имя Общества и принципа его нерушимости. Ведь мы же не звери, как нам говорят. Мы разумные существа.

И это самая наглейшая ложь, которую нам втирают по жизни. Ложь во спасение, но это спасение нужно обществу, а человека она разрушает, заставляет его идти против своей природы. И тогда в этом замкнутом разумном мире люди начинают делиться на три большие группы – угнетаемый класс, который прячет мысли в себе, занимаясь постоянным самобичеванием и восхвалением преступников, которые их нещадно эксплуатируют; правящий класс, который нельзя уже сравнивать с ничем, что хоть издали напоминает человеческое – они имеют высокий статус, немислимое количество земных богатств и ресурсов, но ни к одному из королей, экономистов или военных генералов нельзя испытывать ничего, кроме бескрайнего уважения (что неизменно делают рабы) или низменного презрения (чем грешат все остальные нормальные люди); и маргинальный класс, состоящий из психопатов, убийц и насильников, кто признал свою настоящую животную природу, но не смог с ней совладать, обуздать ее, а лишь сумел жестко и быстро прорваться через обман общественных правил и лживых насаждений, превратившись тем самым в чудовище.

И среди всех трех классов встречаются умные здравомыслящие люди. И жить в такой устоявшейся системе процветающего капитализма можно и вполне сносно. Но это не отменяет того факта, что существующее мироздание насквозь прогнило и что дальше будет только хуже, если гнойник не прорвется через какую-либо форму революции.

– А вот и вы, – девушка улыбнулась во весь рот, обнажив крайне острые зубки.

Ее голос был приятен, переливался в голове приятными отзвуками и вызывал острое непреодолимое желание расслабиться и слушать, слушать, слушать...

А Зигмунду уже надоело напрягаться. Он застыл на месте, чувствуя, как приятные мурашки бегут по телу.

– Господин аудитор, вы еще живы, какая радость! – видно было, что девушка чуть ли не подпрыгивала на месте от счастья.

Но Зигмунд не отвечал. Он впитывал в себя этот приятный голос и умственно наслаждался его воздействием на свое возбужденное и одновременно приятно расслабленное тело.

Девушка слегка нахмурилась, сморщив свой прелестный лобик, и плавным изящным движением, словно грациозная кошка, подошла к аудитору.

– С вами все в порядке... Зигмунд? – его имя она произнесла с таким неземным наслаждением, что он буквально ощутил медовый привкус у себя на губах.

Ее приятный запах манил и одновременно... но он не мог пошевелить и кончиком пальца, ведь так приятно было вечно оставаться пригвожденным к этому месту и слушать ее, смотреть на нее...

Он резко переключил передачу где-то в закромах своего сознания.

– Что ты делаешь, пусти! – она закричала пронзительно и уже далеко не так мелодично, как раньше.

Он обхватил одной рукой ее прекрасную стройную талию, а другой больно сжал ее запястье. Она билась в его объятиях, как вытасенная на берег рыба, а Зигмунд в это время всматривался в испуганное лицо парнишки, который направил на них свой ручной арбалет.

– Отпусти ее, сволочь! – голос парня в такой ситуации вовсе не казался грозным.

Зигмунд не был бойцом. Он был представителем того гуманистически настроенного ко всему живому интеллигентного сословия, который ни разу в жизни никого не ударял. Теперь он понимал, что делал это не по собственным глупым убеждениям, а просто потому, что ему не предоставлялось возможности. Условия, в которых мы растем и воспитываемся, диктуют нам будущий образ жизни и линию поведения. И из этого уже крайне сложно выбраться на другой уровень бытия, сложно перестроиться, переключиться.

Но именно сейчас, когда его рука мертвой хваткой вцепилась в нежную ручку молодой девицы, он понял, как это приятно – быть сильным и обижать кого-то. Некоторые психологи уверяют, что таким образом душевнобольные люди пытаются подтвердить свою значимость, но теперь он начал понимать, что корни зла произрастают вовсе на другом поле понимания. Просто причинять боль... это приятно. А если ты причиняешь ее женщине – приятно вдвойне. Потому что общество создано из запретов. И мужчинам с самого детства запрещают относиться к женщинам как к равным созданиям. Робкие попытки подергать за косички – это лишь попытка довести столь любимое, но небесное создание до своего земного уровня. И если долго врать себе, прячась за гуманистическими послылами, то желание избить или изнасиловать представительницу слабого и прекрасного пола только усиливается. Дистанцирование всегда провоцирует либо игнорирование столь неприступного объекта, либо резкое и грубое пересечение дистанции с нарушением всех общественных норм и порядков. Именно поэтому женщины любят и ценят «охотников» – ведь они разрывают непреодолимую дистанцию, которая отделяет мужчину и женщину. И именно поэтому ничего хорошего у них с «охотниками» не получается, ведь хищники в первую очередь направлены на убийство своей жертвы (ради забавы, веселья или ради удовлетворения своих физиологических потребностей), а не на долгое и плодотворное сотрудничество.

И тут Зигмунд понял свою ошибку. Хорошо быть сильным и могучим и действительно прекрасно обижать слабых и немощных. Но гуманистическое интеллигентное воспитание отнимает у человека самое ценное – умение выживать в суровом дерзком мире.

Короче говоря, Зигмунд попросту не умел драться.

Он охнул от неожиданности, когда острый локоток словно пронзил насквозь его живот. Боль была настолько резкой и неожиданной, что он отпустил девицу, которая не преминула воспользоваться этим, чтобы ударить его наотмашь кулаком по груди и процарапать его лицо до крови своими длинными острыми когтями. Затем она отскочила от него, тяжело дыша, и что-то быстро приказала своему напарнику.

И Зигмунд сквозь красное марево увидел, как острие маленькой стрелы направляется в его сторону.

В принципе, на этом можно было и закончить. Если бы стрела попала в голову, то он бы окончательно добился своего. Смерть есть смерть, а выбор исхода – уже небывалая роскошь.

Но он слишком увлекся пылом сражения, его мозг упорно посылал ему боевые сигналы, особенно после того, как он успешно развеял чары очарования, что наслала на него эта девица, а потом жестко схватил ее, как будто наказывая ее за безмерное хвастовство и веру в собственные силы. Он одержал победу над самомнением и эгоистичностью и не хотел теперь проигрывать обычному банальному, пусть и точному, выстрелу.

Его рука молниеносно в едином бессознательном порыве потянулась к зеленому перстню, который единственный выделялся на его сухой, покрытой выпирающими венами руке. Этот могущественный артефакт был одним из его немногочисленных сокровищ, которые жизнь пока не отняла у него. В последнее время он отчаянно желал, чтобы в перстне был запрятан смертельный яд или что его высвобожденная магия могла мгновенно убить его носителя, но кольцо на деле являлось черномагическим артефактом, позволяющим погрузить любое суще-

ство в глубокий, ничем не прерываемый сон, длящийся несколько часов (или больше в зависимости от силы разума и веса существа).

Воспользоваться его силой можно было только единожды в день, а древняя магия творилась посредством фокусирования взгляда. Достаточно было лишь взглянуть на нужный небольшой кусочек пространства, и тут же его покрывала темная зловещая тень, оказавшись в которой существо мгновенно засыпало. Правда, сила магии активировалась лишь спустя пару секунд, поэтому у врага были все шансы выйти из зоны поражения, но это было легче сделать на словах, чем на деле.

Зигмунд вспомнил, как мальчик Келен интересовался этим древним артефактом, но впоследствии счел его слишком скучным для себя. Он лишь добавил в свою небольшую записную книжку какую-то пометку, улыбнулся сам себе и аккуратно вернул перстень обратно Зигмунду. Мальчик был действительно донельзя странным. Считать его психологический портрет с его действий или мыслей было сродни задаче найти хоть одного чиновника, трудящегося на благо народа, а также найти хоть одного влюбленного, кто смог бы четко, ясно и в разумном ключе объяснить свои недавние сумасбродные действия.

Он только коснулся перстня, чтобы повернуть его и активировать древнюю магию, как...

Ворон решил напомнить о себе. Он темной стрелой промчался к своей жертве, и уже через мгновение парень громко кричал, размахивая руками во все стороны. Арбалетный болт пролетел мимо Зигмунда, а само оружие было отброшено на землю, где мгновенно оказалось забыто, как ненужная игрушка.

Девушка с визгом попыталась помочь своему товарищу, вцепившись в крыло ворона, но в этот раз Зигмунд среагировал своевременно – он всем своим телом набросился на девушку, повалив ее на землю.

Рядом с ним раздавался такой оглушающе нечеловеческий крик, который может издавать лишь существо, которого лишают глаза, а затем раздрают острыми когтями и клювом. В другое время Зигмунд застыл бы от ужаса, но сейчас этот душераздирающий крик заставлял его кровь кипеть, а его сознание начинало быстро отходить на задний план, освобождая место для давно ждущей этого момента звериной натуры.

Девушка ожесточенно пыталась вырваться, но Зигмунд прижал ее к земле мертвой хваткой и теперь вовсе не собирался ее так просто отпускать. Он полулежал на ней, тяжело дыша, пытаясь справиться с ее отчаянным сопротивлением, и все это заставляло его чувствовать себя бодрым, живым, настоящим. Он словно первый раз в жизни оказался точно на своем месте в этой гребаной жизни и теперь старался показать, чего он стоит на самом деле. Он участвовал в бою и теперь, первый раз за время своего жалкого существования, желал выйти победителем.

Удовольствие лишь от участия? Какая ерунда. Без стремления к победе вся жизнь – это серая скучная субстанция.

Но девушка не оставляла попыток вырваться. А силы Зигмунда были не бесконечны. Он решил изменить правила игры, пусть он и зарекался никогда в жизни подобным не заниматься.

Он освободил свою правую руку, и в тот же момент, когда она в резком порыве постаралась освободиться, он изо всех сил ударил ее кулаком... в ее милое прекрасное женственное лицо.

Он ударил женщину. Первый раз в жизни. Не сдерживаясь.

И первое, что его удивило... нет, это сложно вот так сразу признать.

Второе, что его удивило, было то, как резко изменились милое личико и вся фигура девушки. Как будто началась неожиданная резкая постепенная трансформация, и милое создание на глазах превращалось в кровожадную бестию, которая хотела разорвать тебя на части.

И это была не только психологическая трансформация, но и физическая. Теперь в глазах девушки горел не прикрытый ничем огонь, который выдавал ее желание убивать, ее шея

и частично лоб покрылись какими-то странными наслоениями, навреде чешуи, а из головы начинали проглядывать костяные наросты, постепенно увеличивающиеся в размере. Если бы не то *первое*, что его поразило, то он бы в ужасе отпрянул от столь диковинного зрелища и тут же потерпел бы поражение.

Но азарт битвы и осознание того самого настолько захватили его, что он лишь с удивлением отметил про себя, что перед ним самый настоящий суккуб. В это невозможно было поверить, но внешний вид, что описывался в старых книгах, а также потрясающей силы магия очарования, которая оказывала на него давление сначала дома у старосты (а эта женщина выдавала себя за жену Брендона), а затем и совсем недавно... все это точно подпадало под описание демонического отродья, пришедшего из другого таинственного мира.

Но Зигмунду некогда было об этом думать.

Ведь то *первое*... то, во что он сначала и не поверил... был тот чудесный и сначала жутко пугающий факт, что ему понравилось бить женщину. И не просто понравилось, но он испытал ни с чем не сравнимое удовольствие, когда его кулак соприкоснулся с ее прекрасным лицом. И то, что она вдруг совершенно неожиданно стала суккубом, как будто играл ему на руку – ведь теперь у него было оправдание избивать ее и дальше.

Он и не представлял, до какой глубины он был женоненавистником до этого момента, и это его слегка пугало. Но он не мог больше сопротивляться и отдался моменту полностью, вскрывая в себе все то, что он прятал за своим воспитанием на протяжении всей своей жизни. Вся та разрушительная грубость, бескомпромиссность, животная натура шквалом обрушилась на демона, которая только подливала масла в огонь беспрестанными ругательствами и попытками вырваться. Она тоже не оставалась в долгу – царапалась, лягалась, кусалась, но все это только подзадоривало Зигмунда.

Краем своего еще не до конца поглощенного сознания он понимал, что превращается в зверя, но уже ничего не мог (и не хотел) с собой поделать.

Его руки поднимались и опускались, работая, как поршни, превращая ее до этого прекрасное лицо в кровавое месиво. У нее уже не оставалось сил, чтобы сопротивляться, а затем она перестала и кричать, но его усилия после этого лишь умножились. Силы как будто и не собирались покидать его, и он со все большим остервенением молотил несчастную девушку, которая оставалась в живых лишь благодаря своей демонической природе.

Он резко остановился, тяжело дыша. Он понимал, что долго так не может продолжаться, но он хотел большего. И он мог это получить. И почему нет? Ведь он был сильнее.

Он притянул девушку к себе, но она еще не оставила в себе сил бороться и попыталась рукой отодвинуть его лицо. Это его раздражило, и он швырнул ее о землю и нанес несколько десятков резких болезненных ударов по ее лицу, а затем и по ее груди, ломая в довершение несколько ее хрупких ребер.

Он снова притянул ее к себе и услышал ее тяжелое хриплое дыхание, когда она пыталась с трудом заглотить ночной холодный воздух в свои окровавленные легкие. И это его возбуждало, это доказывало его превосходство, это доставляло ему несравненное извращенное удовольствие. Он с силой сжал ее голову в своих могучих руках и посмотрел в глаза. В них он увидел лишь боль и ничего, кроме боли.

Но она не была сломлена.

И это было на самом деле вовсе неважно. Ведь она была совершенно беспомощна.

Он притянул ее еще ближе к себе и с наслаждением впился в ее нежную шею, в тот беленький участок кожи, который еще не успел нарастить защитную чешую. Она резко вскрикнула, потратив на это все свои силы, а ее рука беспомощно скользила по его лицу, но не отталкивала, а лишь гладила его, доставляя ему еще большее удовольствие от осознания ее крайней беспомощности. Кожей он ощущал теплые слезы, что капали на него, а его рот наполнился вкусом прекрасной молодой крови.

И неважно, что она была демоном, ведь она была живой. И из-за этого – крайне прекрасной. Насколько только прекрасной может быть загнанная добыча, которую удалось поймать после множества бессонных ночей выслеживания и охоты.

Насытившись, он отбросил ее в сторону, как использованную. По сути она и была такой. Прекрасная вначале, достойная, чтобы за ней гнались, но такая бесполезная в конечном итоге, не готовая предложить ничего, кроме своего брэнного тела. Оболочка, не стоящая дальнейших усилий. Вскрыть, употребить и выбросить.

Такая судьба женщин, которые решили попытать счастья в охоте.

Но он не думал об этом. Он стал зверем, выпустив на волю свое бессознательное, что запрещал себе на протяжении всей своей жизни.

И он оказался монстром. Самым настоящим монстром, даже хуже, чем он мог себе представить. Странно, но даже в таком бессознательном состоянии он мог вполне отчетливо размышлять. Ранее он думал, что он потеряет всю свою человечность и перестанет строить связанные мысли, но теперь он понял, что недооценивал зверей, маньяков и психов. Нет, как раз они очень даже четко отдают себе отчет в действительности. Не обманывают себя.

Вдруг он понял, неожиданно для себя самого, что готов. Он готов, наконец, избавить мир от своей ненужной персоны, готов сделать то, к чему готовился всю свою жизнь. И даже смешно было теперь осознавать, что такие вещи нельзя подготовить постепенно, лишь мгновенное озарение, данное нам буквально ниоткуда, может привести к нужному результату.

И совсем он не ожидал того, что зверь тоже может быть готов к самоубийству. Ведь он раньше думал, что зверь готов бороться до последнего, и поэтому он не пускал его в себя. А оказалось, что внутренний зверь *умолял* выпустить его, чтобы умереть.

Зигмунд усмехнулся. Правда же говорят, что то, что ищешь уже долгое время, на самом деле находится рядом с тобой.

Он подошел к ворону, который смотрел на него своими черными глазами-бусинками, лежа на бездыханном трупе юноши.

Значит, и ты победил. Поздравляю.

Он осторожно ощупал ворона, но тот больно укусил его за палец, не давая тронуть крыло.

Значит, сломано. Теперь больше не летаешь... по крайней мере, сейчас.

Не обращая внимания на громкое карканье и клекот, он подхватил своего старого товарища на руки и отнес в ближайшие кусты, где и оставил. Его более не интересовала судьба старого ворона, он не хотел потерять сосредоточенности на исполнении своей миссии.

А ворон упорно хотел донести до него какую-то важную мысль. Он говорил и говорил, но Зигмунд не слышал.

Он никогда его не слышал.

Почему именно этот раз должен стать исключением?

XVI

Он аккуратно прикрыл за собой дверь.

Он даже ступал осторожно. Ведь в его теле бурлила такая сила, что все вокруг казалось слишком хрупким, нежным, мягким. Он буквально ощутил на себе, каково это быть огромным неуклюжим зверем в посудной лавке. Одно неверное движение – и все полетит к чертям.

Все. Без исключения.

Убранство дома осталось примерно таким же, каким он его запомнил в последний раз. Пару вещей переместили, грязи и дорожной пыли прибавилось – вот и все изменения.

Он заглянул в соседнюю комнату. Пусто. Это хорошо.

Но оставалась еще последняя маленькая комната. В ней когда-то, наверное, спали дети того самого охотника. Или лесничего. Уже сложно разобраться в роде деятельности жителя той маленькой деревушки, где живет кладовщик, нападающий на вас с ручным арбалетом и не совсем ручным суккубом.

Действительно, все в этом мире уже давно полетело к чертям. Зачем он вообще еще существует? Ведь надежда на хорошее будущее – это сушая ересь. Тогда ради чего живут (существуют?) все эти люди? Какая у них цель, кроме той самой, экзистенциальной, заключающейся в маниакальном стремлении дожить до завтра.

И все же дом был довольно большим, пусть и без второго этажа. И построен был на славу, видно, сколько труда и любви в него вложили – уж очень он разнится с неказистыми домиками в деревне. И если ты находишь свою любовь, вкладываешь в нее все свои силы, всю свою жизнь, то кто даст тебе гарантию, что завтра непременно наступит? А если такой гарантии нет, то зачем все вообще начинать?

Он немного поколебался перед тем, как открывать ту, последнюю дверь. Почему-то он знал (интуиция?), что там кто-то да будет.

Времени, к сожалению, было мало. А то бы он так и простоял у этой двери в сомнениях, как он стоял у каждого непонятного момента в своей никчемной жизни. Постоянно колеблясь и сомневаясь. Никогда не прекращая думать, передумывать, осмысливать и рассматривать с тысячи разных сторон. Но никогда так и не приступая к решительным действиям, а лишь... если бы он не стоял вот так, переминаясь с ноги на ногу, если бы умел отключать сознание и давать волю телу, то, возможно...

Он бы тогда смог спасти Марию... а не тупо наблюдать, как она умирает...

Дверь открылась с такой чудовищной силой, что она слетела с петель. Зигмунд вошел в маленькое темное пространство, тяжело дыша и ощущая, как липкий пот и чувство вины невыносимо душат его.

Он бешеным взглядом окинул комнату, за считанные мгновения привыкая к плотному сумраку. Да, он мог видеть в темноте. Он вообще много что мог, да только какая от этого была польза, если он никогда не использовал свои умения во благо?

Да он вообще их не использовал, а лишь стоял в стороне и рассуждал... рассуждал... о чем вообще можно было столько думать?! И ради чего? Что дали ему эти размышления, кроме бесконечного тягучего промедления?

Есть такое понятие – «плыть по течению». А он даже не плыл, а только барахтался, мешая течению делать свою природную работу.

А в это время другие давно уже построили свою лодку или плот... взяли судьбу в свои умелые руки. А он... думал, стоит ли? Нужно все взвесить, поразмыслить... и если за него решит кто-то другой, значит, так будет лучше, проще, легче.

Крупный рослый мускулистый человек сидел, прислонившись спиной к стене, и смотрел прямо на Зигмунда. Он был явно изможден, измотан, а также избит до того пугающе омерзительного состояния, в котором не может пребывать обычный человек.

Значит, это был монстр. В иное время Зигмунд обязательно похвалил бы себя за столь блистательную догадку, но сейчас ему было равным счетом все равно. Это существо ему мешало.

– Аудитор, значит, – хрипло проговорил незнакомец сквозь разбитые губы. – Они таки сумели договориться...

Зигмунд не стал оправдываться. Нужно было просто быстро и четко устранить возникшее перед ним препятствие. Без промедлений и лишних раздумий. Хотя бы в этот раз.

Он быстро подошел к тому, кто еще не так давно был охотником. Или лесничим. Какая разница, если сейчас от него оставили лишь жалкое подобие его самого?

Цепи. Он был закован в цепи.

И верно. Зверь должен быть схвачен, скручен и посажен на цепь.

Зигмунд решительно схватился за толстую блестящую в полумраке цепь... и его тут же охватила настолько нестерпимая боль, что зубы омерзительно и свербяще заныли, голову словно стиснул раскаленный обруч, в сердце как будто вонзили иголку, а живот поразила изжога в сто крат большее обычной.

Он выругался и быстро отпустил цепь, невольно сжимая и разжимая пальцы на руке.

– Это *меридий*, дурачок, – с издевкой прошептал Рестар. – Тебе, что, не сказали? Не доложили господину государственному аудитору о такой *незначительной* детали?

Зигмунд раздраженно наотмашь ударил мужчину.

– Замолчи, – приказал он ему.

– А вы горазды избивать слабых и немощных, господин аудитор? Каково же вам приходится так жить, если...

Зигмунд с такой силой припечатал голову бывшего охотника к стене, что затрещали доски перегородки, отделяющие эту комнату от соседней.

– Я сказал тебе замолчать. Пожалуйста, – тихо и вежливо попросил Зигмунд.

– Мне уже все равно, аудитор, – гневно выпалил Рестар. – Вы убили мою семью. И скоро убьете меня. Какая разница, буду я молчать или нет?

Но для Зигмунда разница была, и огромная. Разговор его утомлял.

Он резким движением схватился за уже довольно сильно порванную и грязную рубашку Рестара и, опираясь одной рукой о могучую грудь мужчины, он грубо вырвал клочок изношенной, но все еще довольно плотной ткани.

Обмотав свою правую руку, он на пробу еще раз попытался схватиться за цепь, но ужасающая боль пронзила его вновь. Создавалось такое впечатление, что его соприкосновение с этим странным металлом оказывало сильнейшее воздействие на его нервную систему, поражая тем самым весь его организм.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил его охотник. – Пытаешься снять с меня оковы? Тебе не дали ключ на такой случай?

– Не дали, – просто сказал Зигмунд, опускаясь на колени и прислоняясь к соседней стене.

– Да не расстраивайся ты так, господин аудитор. Пока можешь поизбивать меня вдоволь, а затем придут твои деревенские дружки да...

– Почему ты не можешь помолчать?

– Я молчал всю жизнь, аудитор. Прятался и молчал. Теперь уже можно и поговорить... перед своим бесславным концом.

Видно было, что этот монстр желал того же самого, что и Зигмунд, но способы достижения цели у них были разные.

В принципе, подумал Зигмунд (да, он снова начал думать и размышлять!), можно было не особо беспокоиться об этом монстре да оставить его здесь умирать. Он же все равно рано или поздно умрет, ведь так?

Но почему-то этот вариант Зигмунда не устраивал. Он хотел умереть и как можно скорее, но тянуть с собой в могилу еще одного человека?

Также можно было попробовать выпить из него энергию и попробовать с новоприобретенной силой разорвать цепь, но это тоже было чревато.

Монстр мог умереть от истощения.

Сила странного металла все равно могла одержать верх, даже несмотря на все попытки.

И последнее – Зигмунд не горел желанием пить кровь мужчины. Это было крайне омерзительно и негигиенично. Или просто омерзительно.

– Господин аудитор, с вами все в порядке? – с издевкой спросил Рестар.

И Зигмунд принял решение. Он мысленно похвалил себя за то, как быстро он к нему пришел. Похвалил за то, что не стал в ступоре размышлять о тысяче возможных вариантов будущих событий.

Он встал, отряхнул свое прекрасное одеяние от пыли и грязи и прошел в соседнюю комнату.

Где и начал свои приготовления.

Позади него Рестар еще что-то говорил, но он его не слышал. Он сосредотачивался на том, чтобы вообще ничего и никого не слышать, кроме себя. И почему он раньше так не делал?

XVII

Масло невидимыми струйками стекало по стенам, в то время как Зигмунд медленно ходил по комнате, предаваясь своим легким и простым мыслям.

Голова больше не болела, а тело казалось легким и чистым, как белоснежная пушинка. Все было хорошо.

Он неожиданно учуял и приятный запах древесины, который исходил от всего дома, а пыль и паутина вокруг перестали казаться скучными и зловещими, приобретя неожиданные успокаивающие очертания.

Он вдруг решил смириться с прошлым, отпустить всю ту злость, что он копил у себя в душе по отношению ко всему, что его окружало. Ведь это разрушало его самого, что постепенно привело к тому, что не мог более найти общий язык ни с близкими ему людьми, ни с самим собой.

Он также понимал, что это временно. Что это поверхностное. Он так и не решил своих психологических проблем, которые сопровождают его столь длительное время, но умереть он хотел с легким сердцем. Может быть, скорее опустошенным, а не легким, но в последние секунды своей жизни он не хотел думать ничего плохого ни о себе, ни о мире.

Да, это был обман. Но это также был последний обман в его жизни.

И в столь простом, незамутненном лишними мыслями состоянии он вдруг осознал, что в его жизни просто не хватало некой системы, упорядоченности. Да, он был умен и даже слишком. Но какой толк от всего этого великолепия, если ты не умеешь им распоряжаться? Он попросту промотал все те дары и таланты, что дала ему жизнь, проиграл в ближайшем духовном казино и растратил все без остатка на излишние тлетворные эмоции, переживания и расстройства.

И все потому, что это ему нравилось... действительно нравилось страдать, заниматься самокопанием, анализом себя и окружающего мира. Но он не знал, когда и где нужно остановиться. И все переплелось в столь сложный и неприятный эмоциональный клубок, который теперь было легче уничтожить, чем распутать. Это было подлое, унижительное и не подобающее хорошему человеку решение, но оно отличалось столь элегантною простотой, что он уже не мог от него отказаться. Да, его можно осудить за слабость духа. Но разве в этом капиталистическом мире люди не умирают и за меньшее? Разве их просто не убивают ради наживы и обогащения?

Действительно, мир был устроен неправильно, и нужно было его изменить. Но он не мог изменить даже самого себя, а уж бороться с несправедливостью во всем мире?..

Да, пусть его не простят, пусть посчитают трусом. Но он не знает, что ему делать, как лучше быть... и, видимо, никто не знает. Этому миру нужен лидер, некий мистический освободитель, который сможет уничтожить всю эту капиталистическую падаля и найти дорогу в новый спокойный мир без многочисленных войн, насилия и каждодневного выживания. Но такого героя этот мир, пожалуй, не заслуживает. Или мы просто расплачиваемся за свои прошлые грехи?

Какое счастье, что скоро эти вопросы больше его не будут беспокоить.

Судя по запаху, масло уже впиталось в дерево, стало его частью.

Интересно, подумал Зигмунд, а какой частью мира мнит себя его друг, Малькольм? Действительно ли он нашел свое место в мире или только лжет самому себе? Его таланты и возможности поистине безграничны – например, это самовоспламеняющееся масло его идея. Само по себе, без контакта с материей, находясь в специальной изолированной емкости, оно не опасно. Но если его вылить наружу, то происходят какие-то диковинные химические реакции, и оно, беря нужные элементы из окружающей среды, постепенно возгорается.

Но удовлетворяет ли Малькольма столь незавидная судьба ученого-отшельника? Он ведь всегда хотел большего, ему очень нравилось общаться с людьми, помогать им... оказывать влияние на их судьбы.

А этот странный мальчик, Келен? Он уверен, что если не задавать себе лишних вопросов и действовать спонтанно, то жизнь просто не успеет тебя нагнать. Но готов ли он бежать всю свою долгую жизнь? Не захочет ли он когда-нибудь остановиться?

И все эти люди в деревне... за что они борются? Ведь безумство не может быть бесконечным, и когда ты остаешься один, наедине с самим собой, то какие вопросы ты решаешь?

Нельзя быть вечно занятым. Когда-то ты ляжешь на диван и... ужаснешься. От того, какое ты на самом деле ничтожество.

Зигмунд учуял запах гари. Надо поспешить.

С легкими, незамутненными ничем посторонним и отягчающим мыслями он зашел обратно в маленькую комнату с оборотнем. Рестар что-то ему сказал, но он не обратил на это ровно никакого внимания.

Уверенным движением он схватился за меридиевую цепь и... ничего не почувствовал. А что должен был почувствовать человек, идущий на смерть? Только легкость на душе и предвкушение от скорого избавления от всего плохого.

Резким движением он вырвал цепь из стены. Потом проделал то же самое и со второй.

Наверное, Рестар глядел на него изумленно. Возможно. Зигмунд уже не видел и уже ничего не помнил. Он не заострял более внимания на мелких деталях уходящего от него мира.

Но оборотень все еще колебался. И тогда Зигмунд спокойно сказал:

– Горит. Чуешь? Горит. Скоро здесь все сгорит. И ты тоже, если останешься.

И после этого он вышел в соседнюю комнату. Его уже не интересовал ранее прикованный оборотень. Поверил ли он Зигмунду или нет – какая разница? Главное, что он приложил все усилия, чтобы вместе с ним умерло на одно существо меньше. Эдакая последняя предсмертная гуманность.

Интересно было все же осознать, что и его треклятый гуманизм оказался в конце концов притворной иллюзией. Но теперь он более не хотел лгать самому себе.

Огонь уже был повсюду. Языки пламени охватили окружающие стены, лизали скудные предметы мебели, медленно подбирались к нему.

Все еще можно было убежать. Но он не хотел предавать столь долго лелеемую идею в самый последний момент. Нет, он останется здесь. Он позаботится об этом.

И как все же интересно все складывается в жизни. Если бы его ворон не убил Дилана, то Зигмунд использовал бы свое кольцо. Он бы спас пареньку жизнь...

Но его смерть не была напрасной. Это была очень эгоистичная мысль, но теперь Зигмунду нравилось быть эгоистом. По крайней мере, он был самим собой, а не тем, кем хотел себя так отчаянно видеть. Так было проще и лучше.

Смерть паренька не была напрасной, потому что кольцо все еще было активно. А это значит...

Вдруг ему стало очень-очень жарко и очень-очень тревожно. Организм стал посылать отчаянные сигналы, прорываясь сквозь туманную пелену самоубийственных мыслей в его сознании.

Медлить больше было нельзя.

Он провернул кольцо.

Перед ним предстала темная тень, переливающаяся неприятными очертаниями. Он запретил себе думать. Настроил все свое тело и сознание на последнюю, завершающую команду.

И шагнул вперед.

Мгновением позже словно тысячи маленьких иголок пронзили его тело, и он невольно закричал от охватившей его чудовищной и неожиданной боли. Но это длилось недолго.

Последнее, что он помнил перед тем, как рухнуть на пол – это как нечто красное захватывает его в свои смертельные объятия.

И пусть огонь очистит его душу.

И пусть его пепел развеется по миру.

И пусть его забудут.

Но пусть этот мир станет хоть чуточку лучше.

Пожалуйста...

XVIII

– Ты меня обманул, волшебник! – яростно воскликнул Келен.
– Ну-ну... не сердись, каждый может ошибиться, – с едкой усмешкой произнес Малькольм.

– Нужно было его с самого начала прикончить, – жестко сказала Фрея, делая шаг к волшебнику.

Малькольм, все еще улыбаясь, примирительно поднял руки.

– Не стоит, моя прекрасная волчица, не стоит. Ведь если ты поддашься своим низменным охотничьим инстинктам, то кто тебя потом будет лечить?

– Найдем другого. Мало, что ли, вас в этом мире? Не будь столь самонадеянным, – парировала девушка, делая еще шаг по направлению к Малькольму.

– Не стоит, – успокаивающим тоном произнес мальчик, кладя руку на плечо своей девушке. – Он действительно может нам еще пригодиться.

– Но... – Фрея на мгновение осеклась. – Вспомни, на тебе же живого места не осталось. И ты считаешь это смешным, волшебник?

Малькольм, смотря на их сконфуженные лица, уже не мог сдерживать смех.

– Да, дорогая, я действительно считаю это *очень* смешным. Мне всегда нравились те моменты в жизни, когда уверенность людей буквально испарялась после сделанных ими ошибок.

Девушка тут же в одно мгновение подскочила к Малькольму и схватила его за грудки.

– Не смей называть меня дорогой, приبلуда, ты понял?

– Господин Келен, ваша дама кусается, – захлебываясь от смеха, прохрипел Малькольм. – Почему она до сих пор ходит без намордника?

Фрея занесла сжатый кулак в сторону, готовясь нанести страшный удар, но в последний момент передумала.

– Келен, ты говоришь, что этот придурок нам еще может понадобиться?

– Ага, – весело отозвался мальчик. – Поэтому не бей его особенно сильно.

Фрея равнодушно пожала плечами.

– И не собиралась. Если уж его странный дружок оказался настолько силен, то кто знает, какие козыри прячет наш столь гостеприимный хозяин?

– Верно подмечено, – согласился Малькольм. – К тому же...

Но тут же резкое движение и последовавший за ним глухой удар прервали его мысль, а сам он в мгновение ока очутился у стены, которая очень неблагоприятно и грубо приняла его в свои древесные объятия.

– Черт возьми, *мой нос!* – с негодованием воскликнул волшебник.

– Еще раз неуважительно отнесешься ко мне – я сломаю тебе его окончательно, вырву язык, выдавлю глаза и оборву твои торчащие уши. Ты понял?

– Да ты и так мне пару ребер сломала, дура!

– А еще раз тронешь моего парня – убью. Ты меня понял? – медленно повторила она свой вопрос.

Малькольм промолчал, сердито отхаркивая сгустки крови. Наступило слегка гнетущее молчание.

– Ты же все равно хотел с ним поговорить, Келен. В таком состоянии он мне кажется более сговорчивым, – рассудительно сказал Фрея.

– Мне тоже, – охотно подтвердил мальчик.

– И так ты меня благодаришь за свое лечение, волчица? Так вы меня благодарите за гостеприимный прием? – негодуя произнес Малькольм.

– Я учла все это, – просто сказала девушка. – Поэтому ты до сих пор жив.

И она вышла, напоследок сильно хлопнув дверью.

– Не вижу логики, – промолвил Малькольм вместе с мучительным хрипом, доносящимся из его больной грудной клетки.

– Женщины, что с них взять? – мальчик беззаботно улыбнулся. – Ну как? Теперь мы можем поговорить о деле?

XIX

Малькольму очень хотелось выпить. Но этот странный мальчик не употреблял спиртное ни в каком виде, поэтому волшебник удовольствовался травяным чаем. Келен не возражал против того, чтобы Малькольм налил себе добрый бокал отличного вина, но в последнее время волшебник начал подозревать в себе раннюю стадию алкоголизма. Он пока еще не понимал, чем она может быть вызвана, но в последнее время начал замечать, что алкоголь несет в себе нечто большее, чем простое удовольствие. Желание забыть или, наоборот, желание вспомнить?

Как бы то ни было, но он пока зарекся пить в одиночку. Чтобы банально не спиться. Ведь он все чаще и чаще приглядывался к своему другу, Зигмунду.

Бедный малый, наверное, думает, что за ним следят. А Малькольм просто не мог отвести от него взгляда, не мог перестать наблюдать за ним, чтобы навечно отпечатать у себя в голове одну простую истину – я ни за что и никогда не хочу опуститься до такого состояния.

У Зигмунда была депрессия, он был серьезно болен. И его могла вылечить лишь смерть, либо тотальная жизненная встряска, либо медленное и кропотливое лечение у опытного психиатра, либо божественное вмешательство. Но Малькольм не был врачом да и в Бога никогда не верил. Он был волшебником с незаконченным высшим магическим образованием (потому что в свое время убежал из университета), а также ученым-самоучкой. То есть просто выброшенным жизненным морем на песчаный берег неудачником, который все еще пытается найти в жизни хоть какой-то смысл. И его спасала от самоубийства лишь непоколебимая уверенность в собственном достоинстве.

То есть обыкновенная гордость. Что во многих религиях, кстати, всегда считалось грехом. Как и выпивка.

Но это пока его спасает. Грехи держат его на плаву, как бы иронично это ни звучало. Но так долго продолжаться не может. И он точно это знал, потому что, смотря на своего больного друга, он как будто украдкой ловил свое отражение в зеркале.

И сколько бы он ни твердил ту самую мысль (я не стану таким же! Не стану!), это не помогало полностью отогнать мерзкое чувство незащищенности.

Хотя этот мальчик... да, тот самый, который сейчас сидел напротив него и похабно ухмылялся (Малькольм всегда ненавидел подобных зазнавшихся юнцов)... он, видимо, знал, как можно прожить в этом мире относительно долго.

Или он попросту врал.

Или был сумасшедшим.

Значит, все просто. Надо тоже врать и стать сумасшедшим.

Малькольм судорожно втянул воздух. Его ноздри тут же ошпарило горячим паром из чашки, которую он держал перед собой, и он поморщился. Нос все еще саднило, а притрагиваться к нему он брезговал – под пальцем сразу же начинали трещать какие-то мелкие косточки.

Но был все еще жив. И почему-то это донельзя его радовало.

Ведь он каждый день вставал с кровати, смотрелся в зеркало, приглаживал свои седые волосы.

Меня зовут Малькольм, мне семьдесят пять лет. И я еще жив.

Вот так говорил он себе. Он гордился собой даже за такие простые достижения. Точнее... недавно стал гордиться. Стал поощрять себя за простые жизненные победы и старался особо не корить себя за неудачи.

Потому что в ином случае прогресс бы рано или поздно остановился. А человек без прогресса – это мертвый человек.

Я ни за что не стану таким, как он, повторял он себе.

Но как же ему было жалко своего друга! И одновременно жалко себя.

– Вы о чем-то задумались, господин Малькольм? – весело спросил мальчик.

О Боги... я в вас никогда не верил. Но пусть жизнь подарит мне этот прогресс! Ведь я так не хочу умирать!

– Нет, – Малькольм посмотрел прямо в глаза своему собеседнику. – Я все жду, когда ты начнешь излагать свое дело.

– Хороший чай, – похвалил мальчик.

– Да. Самые обычные сушеные лесные травы, а вкус гораздо лучше, чем у городских купцов.

– Значит, ты... давно живешь вдали от города? – невинно спросил мальчик.

– Просто не люблю привлекать к себе лишнее внимание.

– Понимаю, – кивнул мальчик, улыбаясь. – А теперь о деле...

XX

Тронный зал был исполнен в старинном стиле.

Сейчас все больше королевств вменяли новый обычай принимать гостей в королевских замках в специально отведенных для этого маленьких и душных комнатушках, где вас выслушивал низенький сухопарый чиновник, аккуратно записывая все жалобы и предложения в Лист Гостевого Совещания, который, в свою очередь, трепетно подшивался в архив и вскоре забывался.

Но Виллем Пятый придерживался прежних традиций, как и его отец, и его дед, и все прочие потомки, которые принимали своих достопочтенных гостей в шикарном обставленном просторном зале, где и прислушивались к гласу народа, придерживаясь крайне правильных демократических принципов.

По крайней мере, так это выглядело со стороны. На деле же прием у короля представлял собой диковинный политический аттракцион, который придумали финансисты для очередного способа пополнить казну. Для того чтобы попасть пред светлы очи всемогущего государя, необходимо было обладать недюжинными связями, а также солидной сумой, доверху наполненной приятно звенящими золотыми монетами.

И нельзя было обвинить власть имущих в несоблюдении демократических норм и правил, просто изъяны капиталистической системы давали о себе знать, подтачивая обезвоженные корни гражданского общества, превращая последнее в аморфную безразличную массу, копошущуюся на поверхности мироздания.

Именно так думал Малькольм, который в данный момент стоял в центре тронного зала королевского замка в компании с одетым в красивую парадную форму мальчиком, который осматривал окружающее его пространство озорным детским взглядом, а также с молодой привлекательной девицей, которой не помешало бы усвоить пару уроков этикета.

– Мадам Фрея, я ужасно извиняюсь за свою бестактность, но так агрессивно работать челюстями, находясь на приеме у короля, это... немного *неправильно*, – полушепотом проговорил Малькольм.

Фрея презрительно обвела волшебником взглядом, давая тем самым понять, куда бы она дела все эти правила.

– Ты думаешь, он что, растает? – дерзко спросила она.

– Вряд ли, – спокойно сказал Малькольм, стараясь не выходить из себя по пустякам. – Но выглядит это, мягко скажем, непорядочно.

– Так я не поняла – это тебя, что ли, раздражает? Или если я буду вести себя как-то не так, то наши планы пойдут коту под хвост, а?

– Меня... – Малькольм тяжело вздохнул. – Меня это раздражает. Сильно.

– Так бы сразу и сказал, – она небрежно пожала плечами и выплюнула на ладонь мокрую жвачку.

Малькольм успел перехватить ее руку как раз вовремя.

– И бросать ее на пол также не стоит. Люди не поймут. Давайте вот сюда, – и он брезгливо обхватил мокрый белый комочек своим надушенным платком и положил его себе во внутренний карман.

– Как все сложно-то у тебя, – проворчала Фрея.

– Это с вами все сложно, – гневно парировал волшебник.

– Так, тихо, ребята! – мальчик предостерегающе поднял руку. – Похоже, они идут. Все помнят наш план?

– Его довольно сложно помнить, Келен, если его и не было, – недовольно напомнил мальчику Малькольм.

– Так это и надо помнить. Любой хороший план подразумевает исключительную импровизацию, запомни это, – мальчик украдкой подмигнул волшебнику.

– Надеюсь, что эта импровизация не станет нашей последней, а то мне больше нечего будет запоминать.

Фрея довольно больно ткнула волшебника под ребра.

– Да хватит бурчать, как старик! Смотри, ишь как вырядили парнишу. И ему не жарко в таком костюме?

Она показала рукой на медленно идущего мальчика, который в этот самый момент как раз выходил из небольшого проема в дальнем конце тронного зала. Его сопровождала до зубов вооруженная стража, а впереди него уверенно шел мужчина средних лет, на голове у которого красовалась корона, украшенная красными блестящими камнями.

Малькольм мягко и тактично опустил руку Фреи.

– Не стоит показывать пальцем на августейших особ. Это неприлично, – он понял, что если говорить с девушкой, как с ребенком, то можно хоть как-то сберечь свои напряженные нервы. – Мальчику действительно может быть неудобно, но подобное одеяние носят молодые царствующие особы, которым принадлежит право наследования трона. Данный стиль одежды передается из поколения в поколение, меняется лишь фактура некоторых материалов. Династия Виллемов всегда славилась своим уважением к традициям предков.

– Мы не ожидали присутствия молодого наследника... – задумчиво проговорил Келен, потирая подбородок.

– Да, хотя на самом деле это закономерное явление. Подрастающий наследник должен обучаться всему тому, что знает его отец. И выслушивать дела от граждан также входит в обязанность государя. Просто нам не повезло, что молодой принц присутствует именно на нашей встрече, потому что, как я слышал, его присутствие носит исключительно случайный характер.

– Не повезло, говоришь?.. – мальчик как будто весь ушел в свои мысли.

– Верные подданные, его королевское величество просит вас отойти от трона на десять шагов назад!!

Эхо в этом зале было потрясающее, оно оглушало. И оно же немного застало гостей врасплох, судя по тому, как они разом вздрогнули.

Нарядный слуга, одетый в цветастый наряд, прокричал сей приказ после того, как к нему подошел сурового вида мужчина из стражников.

– О, нам не доверяют? – удивилась Фрея, иронично улыбаясь.

– Обычные меры безопасности, – пожал плечами Малькольм. – Они только усиливаются в присутствии принца. Келен, я думаю, что мы можем отложить исполнение нашего плана до...

– Нет, все хорошо, – мягко прервал его мальчик. – Просто идеально. Давайте немного отойдем, чтобы не раздражать доблестную охрану.

– Слушай, волшебник, а как зовут этого мальчика? – на сей раз она просто кивнула на молодого принца, который в этот момент усаживался на небольшой трон рядом с отцом.

– Виллем, – кратко ответил Малькольм, уже догадываясь, какие вопросы последуют за его ответом.

– Как и его отца? Не слишком-то оригинально, знаешь ли.

– Но так принято, Фрея, так попросту принято. В традициях не всегда должен присутствовать смысл.

– Малькольм, а должны ли мы ожидать еще и прибытия королевы? Я не вижу, куда бы она могла сесть, но... – мальчик медленно и вдумчиво осматривал всех людей, окружающих королевских особ.

– Здесь нет нужды беспокоиться, – успокоил его Малькольм. – Женщинам строго запрещено участвовать в важных государственных делах. Они считаются людьми... существами второго сорта. Их мнение редко учитывают.

– Но это же сексизм! – негодуяще воскликнула Фрея.
– Это жизнь, – просто возразил Малькольм.
– Но не всех женщин можно отнести к описанной тобой категории, Малькольм, – усмехнулся мальчик. – Посмотрите-ка.

Все явно ожидали чего-то. Или кого-то.

И вот она появилась.

Прекрасная, как аккуратно подбитый и сведенный бухгалтерский баланс.

Приятно пахнущая, как только что напечатанный и сшитый гроссбух.

Безупречная, как искусственная роза на просторном столе без единой бумаги.

Да, это была она.

Аудитор.

Нежные белоснежные локоны падали на ее слегка приоткрытые плечи.

Напряженный и внимательный ответственный взгляд выхватывал из пространства все неточности и погрешности.

Ее элегантное парадное боевое платье было расшито прекрасными охранными рунами.

И за спиной у нее был закреплен короткий шест, отливающий металлическим блеском.

– Ну все. Нам жопа, – лаконично резюмировала текущую ситуацию Фрея.

– Неожиданный элемент в уравнении, который перечеркивает все наши прежние домыслы. Предлагаю отступить, – здравомысляще высказался Малькольм.

Но глаза мальчика постепенно начали заполняться жизнерадостным блеском, как у кота, который увидел цель своей жизни в маленькой птичке за окном.

– Да ладно, ребят. Кому сейчас легко? Давайте хотя бы попробуем, – легкомысленно предложил Келен своим спутникам.

И вдруг наступила тишина.

Стражники выученными движениями разошлись по своим местам.

Аудитор заняла позицию позади принца.

И все взгляды устремились на гостей.

Король Виллем Пятый галантно прокашлялся.

– Я вас слушаю, мои дорогие гости. Изложите цель вашего визита.

И вот официальный прием у достопочтенного государя начался.

XXI

Земля была сырой.

Видимо, природа недавно плакала, пытаясь слезами дождя смыть все несовершенства этого мира.

И кто-то все же умудрился развести небольшой костер, рядом с которым согревали свои безжизненные серые от грязи шкурки маленькие зайчата. Они невидящим леденящим взором смотрели на Зигмунда, как будто вопрошая его, почему он не присоединился к ним.

Ведь мертвым более не нужно тепло, не нужно думать о всяких, как оказывается, ненужных вещах, которыми постепенно заполняется голова. Сознание мгновенно очищается, освобождается, и эта образовавшаяся пустота прекрасна и совершенна.

Интересно, подумал Зигмунд, люди настолько отвратительные создания просто по той причине, что они крайне мелочны? Потому что многочисленные детали заполняют их неэффективно работающий мозг, заставляя думать обо всем и одновременно ни о чем?

Или все это и делает нас людьми? Сомнения, тревоги, беспокойства, беспричинный страх?

Мы постоянно, вечно хотим страдать, потому что именно это и делает нас живыми? Или тем самым мы просто расплачиваемся за свои грехи, что совершили в прошлых жизнях?

Шорох мокрой листвы оповестил о приближении еще одного живого существа.

Лиса, почему-то подумал Зигмунд.

Но разве лисы разводят костер?

Он повернул свою больную и опустошенную голову к источнику звука, прищурил свои невидящие глаза, перед которыми реальность расплывалась и дробилась на необъяснимые очертания.

Это все же был человек. Зигмунд даже обрадовался – ему крайне хотелось кому-то пожаловаться, попричитать, хотелось кого-нибудь в чем-то обвинить.

– Почему ты вытащил меня? – хриплым голосом спросил он.

– Меня попросили. Я лишь вернул долг, – голос был незнакомым, глубоким, мрачным.

Зигмунду голос понравился. Его модуляции пришлось как раз в тему к его паршивому настроению.

– И кто же тебя об этом попросил? – безразлично поинтересовался Зигмунд.

– Ворон, – просто ответил незнакомец, присаживаясь рядом с Зигмундом у костра и принимаясь свежевать недавно пойманных зайцев.

– Я и не знал, что он общается с кем-то, – несколько обиженно протянул Зигмунд.

– Он общается со всеми, кто его слышит. И он также сказал мне, что ты его слышать не хочешь.

Зигмунд помолчал, но затем тихо проговорил:

– Зачем мне общаться с вороном? Какой в этом толк?

– Действительно, – просто согласился его собеседник.

И снова молчание.

– Я хотел умереть. Уйти из жизни. Я не хотел, чтобы мне мешали.

– Да, мертвецы у хаты подсказали мне эту мысль, – фраза должна была прозвучать иронично, но незнакомец высказал ее, как простой безжизненный факт.

– Я не хотел их смерти. Просто... я уже не хотел думать. В жизни... я слишком много обо всем думал.

– Это не такая уж и плохая черта, – заметил незнакомец.

– Но мне она мешала жить. Я бы хотел не размышлять, не разбивать каждый раз любое действие на тысячу теоретических вариантов, хотел... я сам не понимал, чего я хотел.

Нож умело скользил по мясу, все еще теплая кровь орошала темно-зеленую листву под ногами.

– Я просто хотел умереть, – измученно повторил Зигмунд.

– Я понял, – мужчина подбросил в костер несколько маленьких веточек.

– Если ты понимаешь, – с ноткой истерики в голосе произнес Зигмунд. – Если действительно понимаешь... то почему ты мне помешал? Зачем тебе это? Ради удовольствия?

– Я сказал, что понял твои намерения. Ты хотел умереть, я это видел своими глазами. Но я не говорил, что понимаю, что происходит у тебя в душе.

– Но зачем ты лезешь туда, где ни черта не понимаешь?! – вдруг прокричал Зигмунд.

Шелест лезвия вдруг прекратился, а незнакомец как будто начал ерзать на своем месте от неудобства. Зигмунд услышал еле уловимый вздох.

– Потому что я не такой, как ты. Я не умею рассуждать. Я просто... делаю. И мне это тоже мешает в жизни, но в какой-то момент я решил просто принять себя таким, какой я есть. Я не собираюсь извиняться перед тобой, это бесполезно.

– Бесполезно для кого? – недовольно спросил Зигмунд.

– Для всех. Для меня в первую очередь. Я сделал то, о чем меня просили. Я вернул долг. И я не знаю, что тебе еще сказать.

– Как у тебя все просто, – пробурчал Зигмунд. – Вот бы я так же умел отключать голову хотя бы на мгновение и резко переходить к делу, не задумываясь о грядущих последствиях.

– И зачем тебе это? – в голосе незнакомца неожиданно почувствовалось веселье. – Ведь ты меня сейчас обвиняешь в том, что я сделал, не думая об этих самых последствиях.

Зигмунд измученно закрыл глаза.

– Именно поэтому я и хотел умереть. В этом мире ни на что нет однозначного ответа.

– А он должен быть?

Мясо уже, видимо, водрузили над костром. По крайней мере, Зигмунд учуял его запах, а рот начал постепенно заполняться слюной.

– Что? Что должно быть? – тихо переспросил Зигмунд.

– Ответ.

– Знаешь, иногда его остро не хватает. Особенно когда надоедает болтаться между многочисленными жизненными выборами.

– Понятно, – примирительно сказал незнакомец.

– И что тебе понятно?

– На самом деле ничего.

Зигмунд застонал.

XXII

– Ваше величество, – начал Малькольм, низко поклонившись государю. – Мы нижайше просим вас о всевозможном содействии. Не откажите нам в беде, молим вас, ибо только на вас теперь уповаем, потеряв остальную надежду.

– Ишь заливает, – одобрительно хмыкнула Фрея.

Малькольм галантно ткнул ее в бок.

– И я вижу, о мой дорогой государь, что удача сегодня благоволит мне, ибо не вы один соблаговолили выслушать мой печальный рассказ, но и ваш сын, ваша родная кровь также присутствует здесь, в этом действительно великом месте!

Король Виллем не смог сдержать улыбки на своем немоложавом лице.

– А вы, уважаемый, простите за нескромность, явно не из наших краев?

– О, как пронизателен ваш взор, ваше высокоблагородие! И как должен быть остер и велик ваш ум, ваша мудрость, о которых в народе говорят столь многое и только хорошее! Действительно, я, как и моя смиренная семья, – волшебник небрежно взмахнул рукой в сторону Фрей и Келена, – родом из далекой Нафалии, из королевства, что скрыто песками и туманами. Но осмелюсь уточнить, мой король, что мое иностранное происхождение не должно вводить вас в заблуждение, ибо давным-давно сия благородная земля приютила моего покойного (светлая ему память, ваше величество, светлая память!) отца, который нашел здесь сначала убежище от постоянных войн и распрей, которые до сих пор раздирают мою несчастную родину, а затем он обрел здесь Любовь, сила которой поистине не ведала границ, а итогом сего прекрасного союза стал я, который и по сей день чтит и уважает не только славные традиции моего народа, в которых воспитал меня мой любимый отец, но также любит до глубины души эту землю, это королевство, народ, который в ней проживает и трудится. Воистину, не найдете вы во всем королевстве человека, который был более предан и верен идеалам этой страны, чем я, ваше величество. Я ваш самый покорный слуга и ваш самый ярый поклонник!

Все это было сказано быстро, на одном дыхании и сопровождалось горячими жестами и цветистой артикуляцией. Келен несомненно бы похлопал столь пламенной речи, если бы не был занят тщательным осмотром помещения, а также находящихся в нем людей. Он старался вобрать в себя мельчайшие детали, которые могли им пригодиться – в первую очередь, конечно, степень вооруженности стражников, а также приблизительное расстояние до ближайших естественных укрытий.

Фрея же скучающим взором смотрела на аудитора, которая во время речи Малькольма не шевельнула и мускулом. Интересно, ей тоже скучно, спрашивала она себя. Стали бы они хорошими подругами? Какова она в постели? Может ли она любить? Если ей нежно подуть в ушко и напоить хорошим вином, то будет ли она пребывать в блаженном состоянии?

Нет, Фрея ни в коем случае не была лесбиянкой, но ее всегда интересовало – где кончается та черта профессионального у аудиторов и начинается человеческая слабость.

И оставались ли аудиторы по-прежнему людьми? Или вся их жизнь посвящена Долгу и работе на своего хозяина?

Король заметно оживился после слов Малькольма. Его лицо покраснелось, а тело подавалось вперед, как будто пытаясь вобрать в себя побольше лести, источаемой этим прекрасным господином.

– Замечательно! Это действительно заслуживает уважения, – радостно и громко сказал король. – Но вы так и не представились, мой дорогой.

Малькольм чуть не поморщился от подобной фамильярности по отношению к нему, но успел наступить своей гордости на горло. Теперь у него было на одну причину больше прикончить этого сукина сына. Никто не смеет обращаться к великому волшебнику “мой дорогой”.

– Я и не смел, ваше высокоблагородие, ведь мое имя столь ничтожно и абсолютно неважно! Но если вы спрашиваете, то я с удовольствием представляюсь – меня зовут Фазир, а это моя жена Матильда и мой сын Пепен. Обычаи моего народа требуют присутствия моих близких соплеменников во время обсуждения необычайно важных дел, но если вы прикажете, то я мигом отошлю их прочь, чтобы не повергать вас в ненужное смущение!

«Матильда» с нескрываемым гневом посмотрела на Малькольма-Фазира. Даже Келен на мгновение отвлекся от своего наблюдательного процесса, сконфуженно усмехнувшись. Пепен. Хуже имени явно не придумаешь.

Он мягко прикоснулся к руке своей девушки, которая явно готова была разорвать волшебника на части здесь и сейчас.

Волшебник явно мало чего боялся, вынужден был признать мальчик. Именем Матильда обычно могли называть только собак. Малькольм довольно быстро подобрался к истине во время своих врачебных исследований. И действительно, Фрея умела превращаться в могучую волчицу, и *теоретически* ничего не защищало волшебника от простого непреложного факта, что эта самая волчица могла в любой момент перегрызть ему глотку. Видимо, Малькольму было в какой-то степени все равно. И это вызывало определенное уважение.

– Пусть присутствуют! – благородно разрешил король Виллем. – Но чем вы занимаетесь, Фазир?

– О, я обычный мелкий предприниматель, – слегка причмокивая, ответил Малькольм. – Пара торговых лавок в городе, постепенно открываемся в деревнях, расширяемся... стараемся честно и благородно вести свой семейный бизнес, ваше величество, и от налогов никогда не уклонялись, даже не думали об этом!

– Это очень важно, – серьезно подтвердил монарх на троне. – Платите налоги исправно и будьте счастливы, такова первая заповедь, которую я постановил при восшествии на трон. И налоговое бремя я установил крайне милосердное, до сих пор не поступало ни одной жалобы, а лишь благодарности. Согласны со мной, дорогой Фазир?

Конечно, подумал Малькольм. Милосердное налогообложение в виде половины всех доходов, пусть на бумаге это и выглядит как несчастные десять процентов. Но немного там, чуточку здесь, а потом еще и вот тут неплохо бы доплатить – и разом набегают приличная сумма. Все по законам лицемерного капитализма, который прочно укоренился практически в каждом королевстве. И если даже со стороны поверхностного взгляда все выглядело крайне не радужно, то человек, который пытался разобраться в системе поглубже, легко мог впасть в глубочайшую депрессию и покончить с собой. Как это и сделал бедняга Зигмунд.

Многие люди попросту не могут найти себе места в этом гнилом мире. А значит, мир необходимо изменить. Либо он уничтожит сам себя, медленно и неотвратимо.

Малькольм снова глубоко поклонился государю.

– Конечно, ваше высокоблагородие, конечно! Ваша милость и чувство справедливости не знает границ! Сегодняшний день я буду вспоминать всю жизнь – день, когда я имел честь говорить с великим и мудрым человеком! Спасибо вам за все, мой король, спасибо!

Тут он слегка начинал перегибать палку, но король лишь глупо улыбался и кивал.

Келен осторожно дернул своего «отца» за рукав изящно вышитого свободного балахона, в который тот был облачен. Собственные шаровары Келену также очень нравились – в них было удобно сражаться, несмотря на внешний нелепый вид.

Фрее же целый день аккуратно заплетали ее непослушные длинные волосы, а ее мускулистое натренированное тело облачили в воздушный наряд из тончайшей ткани, которая открывала даже больше, чем нужно. Но эта беспардонная сексуальная неприличность удачно пряталась за иностранными традициями, поэтому все мужчины-стражники в зале, в том числе и король, могли свободно глазеть на ее полуобнаженное тело, не смущаясь.

Девушке нравилось внимание мужчин, это правда, но ей претила роль похабного экспоната. Ей хотелось двигаться, говорить, очаровывать, а не стоять, как дура, под перекрестными напряженными взглядами озабоченных самцов. Она сама была охотницей и никогда не мечтала оказаться в клетке. Поэтому теперь ей больше всего хотелось подраться, пустить кровь, оторвать кому-нибудь голову, а затем хорошенько напиться вина и трахать всю ночь Келена. А потом и все утро.

Она была животным, поэтому иногда ей просто хотелось побыть самой собой. И Келен уважал ее желания. За это она его и любила.

– Я закончил, – тихо сказал мальчик Малькольму.

Но волшебник лишь раздраженно отмахнулся от него. Мальчик заметил некоторое напряжение в теле Малькольма – видимо, разговор еще не закончился. Мальчик пожал плечами. Он считал бессмысленным какое-либо выяснение отношений с врагом, а также бесполезными попытки понять своего оппонента. Но если Малькольму это было так нужно, то что ж...

– Так что вас привело ко мне, Фазир? И перед тем, как вы начнете, хотел поблагодарить вас лично за то пожертвование, что вы сделали для королевской семьи. Поверьте, такой вклад в развитие страны не будет забыт.

Когда же были те времена, когда «развитие страны» не было пустым звуком, когда это словосочетание не обозначало на самом деле развитие лишь одного человека, то есть самого государя? Возможно, таких времен и не существовало вовсе, подумал Малькольм. Хотя в это слабо верится. Если подобная алчность и тяга к неприличному стяжательству всегда овладевала властью имущими, то как вообще человечество могло двигаться вперед? Нет, это проклятие нового времени. Проблема, которую можно вырвать лишь с корнем. Сжечь и убить всех паразитов.

– Ваше величество, я не стою ваших теплых слов. Лишь чувство патриотизма, которое движет мной каждый день, то согревающее чувство любви к своей земле, к своей новой Родине, к своему дому... все это и побуждает меня на столь незначительные поступки. Вы назвали это пожертвованием, мой король, но на самом деле я ничем и не жертвовал, а лишь хотел поделиться с вами своей радостью. Этот дар представляет собой лишь отражение ваших благородных поступков. Ведь правду же говорят – если монарх заботится о процветании страны, то и страна оплатит ему сторицей! А вы, ваше величество, как никто другой заботитесь, кажется, о каждом из своих подданных!

– И это правда! – бешено затряс головой король. – В ваших словах, мой дорогой Фазир, нет ничего, кроме правды! Каждый день я думаю о стране, о народе, и мне очень радостно слышать, что мои труды не только замечают, но и то, что мне благодарны.

– Когда мы его уже замочим? – тихо прошептала Фрея на ухо своему парню.

– Пока не знаю. Видишь, взрослые разговаривают, – Келен со вздохом пожал плечами.

– Мне что-то мороженого захотелось. И секса, – девушка больно сжала Келену палец.

– Сейчас, подожди, тут закончат болтать, потом уьем пару людей и можно будет перекусить. А пиццу не хочешь?

– Да можно, – Фрея на мгновение задумалась. – Но мороженое тоже хочется. А спать где будем?

– Да тут наверняка полно свободных комнат. Освободим, если что. Вряд ли мертвому королю понадобится его ложе...

– А оно мягкое, наверное... – мечтательно прошептала Фрея и тут же поморщилась, когда острый локоток волшебника вонзился ей под ребра.

– Тише можно? – строго спросил Малькольм.

– Да иди ты, – одними губами произнесла девушка.

Но Малькольм не обратил на нее ровно никакого внимания, продолжая раболепно смотреть на своего господина.

– А дело это, мой король, дело, что привело меня сюда... о, ваше величество, я знаю, как вы заняты, и знаю, что вы знаете обо всем, что происходит в нашем королевстве, куда больше, нежели ваш презренный слуга! Но я не могу больше молчать, нет, я не в силах! Совсем недавно мы захотели развернуть свое дело в деревне Крезк, что в десятке миль от города, но там... о, мой король, неужели наступили мрачные времена? – возопил псевдо-Фазир.

– Но что случилось? – недоуменно спросил король.

Фрея опять щипнула мальчика за палец.

– А принцу-то скучно, – заметила она.

– Конечно, – согласился Келен. – Дети всегда чувствуют реальность лучше, чем взрослые, которые научились уже обманывать себя во всем.

– Этого я не знаю. Смотри, он зевает прям! Так в рот и муха может залететь или что побольше...

Келен недовольно покачал головой.

– Плохое воспитание. По сути, он должен вообще с прямой спиной и неподвижным взглядом хоть весь день сидеть.

– Но это же трудно!

– Традиции превыше всего. По крайней мере, были когда-то...

Малькольм так ожесточенно начал размахивать руками и кричал, что они могли спокойно продолжать свою беседу вполголоса.

– Оборотни, мой господин! Я и не ведал, что мне когда-то придется с ними столкнуться, но чтоб мне умереть прямо на этом месте, если я лгу! Один из этих монстров общался со мной и с остальными жителями деревни, спрашивая с нас дань. Они просто пришли, как последние разбойники, как будто к себе домой, и в одночасье захватили всю деревню! Я и не думал, что такое попросту возможно!

Король мигом заметно нахмурился.

– Это действительно странно. А как вы... как вы поняли, что это были именно оборотни? – недоуменно спросил он.

– Один из них... о нет, мой король, это слишком жуткие воспоминания, поистине жуткие! Но так и было, поверьте мне на слово, жители деревни не дадут солгать! Один из них, он... превратился, мой господин! Обернулся, чтоб его демоны сожрали! Этот проклятый оборотень в мгновение ока стал жутким монстром, который еще долгое время будет сниться мне во сне!

Король, все еще пребывая в состоянии потрясения, кратко переглянулся с аудитором, что стояла позади него. Но она лишь кратко покачала головой.

– Когда это случилось, Фазир? Отвечайте же! – строго и требовательно спросил король, но было заметно, что голос его слегка дрожал.

– Пару дней назад, мой король. Мне удалось сбежать, подкупить одного из стражников. Они оцепили всю деревню, а старосту и его семью пытали в одном из домов, пытаясь сломить его волю. Мой король, прошу, пошлите туда армию, сокрушите этих монстров. Только на вас надежда!

Король несколько секунд не отвечал, еще раз переглянулся с аудитором. На его лице отразились замешательство и легкая паника.

– Благодарим вас за столь своевременное сообщение, Фазир. Ваша услуга перед страной не будет забыта, поверьте мне. А теперь просим вас извинить нас, но нам необходимо обсудить дальнейшие действия по вашей ситуации, – официально сказал он.

И он кивнул глашатаю.

– На этом прием закончен! Дорогих гостей мы просим покинуть тронный зал! Король Виллем Пятый благодарит вас за те вести, что вы доставили! Ситуация будет разрешена в скором времени!

– Странный какой-то глашатай, – Фрея слегка наклонила голову и присмотрелась к лысому потному мужчине низкого роста.

– Да и кричит негромко, – осудительным тоном заметил мальчик. – Вот раньше были глашатаи, во всех концах королевства было слышно...

– Что-то у тебя сегодня какое-то старперское настроение, – насмешливо высказала ему девушка.

– Да скучно просто, – мальчик обреченно развел руками.

– А давай оторвем глашатаю голову! А его трубу насадим на принца, – предложила Фрея.

– Какие-то укуренные идеи уже пошли...

– Мой король! – вдруг резко вскрикнул Малькольм. – Позвольте же задать вам последний вопрос!

– Что такое? – раздраженно спросил Виллем, уже вставая, намереваясь уходить.

– А эти оборотни, которые работают на вас – они по какой ставке платят налог от грабежей?

В зале мгновенно повисла крайне неприятная гнетущая тишина.

– Что? – бесцветным голосом переспросил король.

– Ничего, – произнес Малькольм уже нормальным голосом. – Понимаете ли, *мой король*, но ситуация, что произошла в Бюргерверте... неужели вы решили позариться на столь большой кусок пирога? Сначала вы договорились с оборотнями, чтобы устранить своих политических конкурентов. Это было умно. Потом вы установили дипломатические отношения с нашими соседями, королевством Роуг, которым управляют бандитские кланы. И это тоже было разумно. Но затем вы додумались уничтожить своих прежних союзников-оборотней, устроив на них настоящую охоту. И единственное, что я не могу понять во всей этой истории... ваше величество, на кого же вы работаете?

– СТРАЖА! – возопил несчастный монарх, как свинья, загнанная в угол.

Десяток лучников окружили семейство Фазира. Молодая аудитор подалась вперед, Келен заметил, как ее пальцы напряглись.

– Я знаю, что вы не ответите, – Малькольм непринужденно поклонился королю. – И вам повезло, мой король, что я достаточно умный человек. Глупый попытался бы вас пытаться, чтобы вытянуть нужные сведения, но я же уверен, что вы ни черта не знаете. Поэтому я поступлю благородно – так, как вы никогда в своей никчемной жизни не поступали.

Келен напряженно всматривался во взведенные орудия смерти, которые были устремлены на них. Фрея полностью расслабилась, положив руку на плечо мальчика, полностью доверяя ему.

Малькольм торжественно возвел руки в стороны.

– Король Виллем Пятый! Я, как часть великого народа сего королевства, как представитель истинной власти демократического государства, приговариваю вас к смертной казни. Ответственность за приговор и его исполнение оставляю за собой. Сдохни же, мразь!

И он быстро оторвал от своей одежды маленькие золотые шарики, которые так прекрасно дополняли его традиционный наряд.

Множество луков одновременно выпустили свои смертоносные снаряды, но как будто столкнулись с невидимой преградой буквально в метре от своей цели. Мальчик поморщился и схватился за голову.

Фрея нежно сжала ему плечо.

– Все нормально?

– Да. Но столь много мелких объектов... я уже давно не тренировался.

– Снимай щит, Келен! – закричал Малькольм.

Невидимая защита вокруг них спала, и волшебник с силой разбросал в обе стороны золотистые шарики, которые после соприкосновения с полом разломались, истончая из себя зеленые едкие облака пара.

Мальчик сосредоточился и через мгновение вокруг них опять восстановился защитный купол, который теперь был довольно хорошо заметен. Зеленый клубящийся дым обволакивал прозрачную слегка мерцающую стенку, упорно пытаясь просочиться внутрь. Но его попытки были тщетны.

Вдруг резкий ветер подул со стороны трона, настолько сильный, что зеленые испарения начали медленно, но неумолимо отступать в дальний конец зала, к парадному входу. Порывы ветра дерзко хлестали энергетический барьер, возведенный мальчиком, но Келен смог устоять и сохранить концентрацию. Его девушка нежно обняла его за талию, поддерживая его и подпитывая ему силы энергетически.

Через мгновение ветер стих, так же быстро, как и начался. И они, не окруженные больше непроницаемой зеленой завесой, смогли воочию увидеть происходящее.

Вокруг них на холодном каменном полу лежали неподвижные тела лучников-стражников, организм которых не смог справиться с зеленым ядом.

Впереди они сразу же заметили улетающего короля, который трусливо вихлял своей жирной пятой точкой, удаляясь от них к выходу. Его и принца вел перед собой серьезный мужчина в доспехах, напоминающий начальника стражи.

Вприпрыжку, немного комично, их догонял горе-глашатай, умоляя не оставлять его одного.

Но один человек остался на месте. Впрочем, была ли она на самом деле человеком?

– Мерзкие оборотни! Отродья тьмы! И с ними волшебник! – аудитор жестко чеканила эти слова, словно выносила смертельный приговор.

Малькольм галантно поклонился девушке.

– Я, младший аудитор короля Виллема, нареченная моим господином госпожой Элеанор, предаю вас земле! Вы умрете здесь и сейчас от моего клинка!

И она направила на них свою металлическую палку, которая невиданным образом превратилась в копье с очень широким лезвием.

– Ну, наконец-то! Хоть какое-то веселье! – Фрея радостно сжала руки в кулаки.

– Вы уверены, что у нас получится? – с сомнением спросил Малькольм.

– Нет, – просто ответил ему мальчик. – Но не может же у человека все всегда получаться.

– Это философский взгляд на вещи, – недовольно заметил Малькольм. – А здесь ошибка будет стоить нам жизни.

Мальчик небрежно махнул рукой.

– Ага.

И он резко повернулся, притянул к себе свою девушку и страстно поцеловал ее. А затем мягко оттолкнул ее в сторону Малькольма.

– Защищай тогда нашего паникующего волшебника, Фрей. А то он так и умрет от жизненных сомнений.

И мальчик, слегка усмехаясь, направился навстречу аудитору.

– Я буду твоим противником, госпожа Элеанор!

– Тогда ты умрешь первым, оборотень!

И они встали друг напротив друга в боевой готовности.

– А я думал, что ты прям рвешься в бой, – едко высказался девушке Малькольм.

– Конечно, рвусь, волшебник, – она стояла рядом с ним, сложив руки на груди, и улыбалась. – Но ты думаешь, что финансисты всегда играют по правилам? Очнись. Именно волшебники для них всегда были желанной добычей.

– То есть...

– Ты приманка, Малькольм. Расслабься и получай удовольствие, идет? – и она по-дружески его обняла.

Такая форма удовольствия в планы Малькольма не входила.

XXIII

- Как твое имя? – спросил Зигмунд.
 - Рестар.
 - Значит, в том доме был не Рестар... – Зигмунд начал чувствовать себя немного глупым, но это нисколько его не раздражало.
 - Получается, что так, – просто согласился мужчина.
 - Где мы?
 - В лесу.
 - И что мы делаем в этом лесу?
 - Стараемся дожить до завтрашнего дня.
- Такая простота почему-то начинала нравиться Зигмунду.

XXIV

Широкое лезвие чуть не вспороло Келену живот, но он вовремя увернулся, быстро перейдя в контратаку. Удар маленького мальчишеского кулачка пришелся аудитору прямо в грудь, но совершенно не было похоже, что это причинило девушке какие-либо неудобства. Она, не моргнув и глазом, вновь перешла в наступление, а мальчику пришлось резко отойти вбок, а потом и вовсе отступить, стараясь держаться вне зоны поражения длинного копья девушки.

– Я и не думал, что он будет сражаться. А если и будет, то не голыми же руками... – задумчиво произнес Малькольм, который довольно быстро оправился после потрясения перед фактом, что они решились бросить вызов самому аудитору.

– А он всегда так дерется, – беспечно махнула рукой Фрея, стоявшая рядом с волшебником. – Говорит, что от оружия нет никакого проку, если его у тебя отобрали или сломали.

– Я как-то читал, что самые искусные воины древности как зеницу ока берегли свое оружие, даже спали с ним. Дескать, ухаживали за ним в сто крат лучше, чем за собственной женой, – рассудительным тоном высказался Малькольм.

– А мы называем это бесполезным геморроем, – парировала девушка, широко зевая. – Носишься с этими железками, как с больной собакой, чистишь их, полируешь, затачиваешь... скучно все...

– Но как он сумел этому обучиться? Безоружному бою я имею в виду.

– А почему бы и нет, если времени вагон? – Фрея деловито распаковала новую жвачку. – Будешь? Эта, вроде как, с клубникой.

– Я, пожалуй, откажусь, – вежливо отклонил волшебник ее щедрое предложение. – Но что ты имеешь в виду под «времени вагон»?

– Да блин. Ну если ты живешь от силы лет пятьдесят, да и то если повезет, то и можешь только думать, как бы безопасно прожить свою жизнь, стараешься делать все, как все делают. У тебя постоянно какие-то там принципы, блин, убеждения, верования, расписание жизни, духовное саморазвитие и прочая лабуда. Но вот поживи ты лет сто хотя бы и поймешь, что все это жутко скучно, какая-то вечная погоня за фигней, понимаешь? А впереди еще другая сотня лет и, возможно, даже не одна... такой пипец, короче, я не знаю, словами уже не опишешь...

– Так, – кратко подытожил Малькольм, пытаясь понять сказанное девушкой. – То есть после определенного промежутка времени тебе начинает казаться, что лучше сосредоточиться на том, что нравится, вместо того, чтобы быть, как все?

– Да нет, блин! – резко возразила девушка. – Ты не понял ничего! Ты вообще меня слушаешь?

– Стараюсь, – серьезно ответил Малькольм, смотря на схватку между мальчиком и аудитором.

– Ты опять начинаешь в какие-то рамки все впихивать! Что нравится, что не нравится... да какая разница, если все одинаковая фигня? Ты просто что-то делаешь, а о последствиях ты думаешь потом... Даже если тебе это не нравится, то ты все равно это делаешь, потому что ты, блин, можешь! Понимаешь теперь?

– Нет, – честно признался волшебник.

– Ну и иди в пень тогда, – просто сказала девушка, закончив тем самым их нехитрую философскую дискуссию.

Они немного помолчали.

– Ты просто плохо объясняешь, – снова начал волшебник.

– Сказала же – иди в пень. Неинтересно мне с тобой общаться, понимаешь?

– Мне тоже наша беседа удовольствия не доставляет. Ты слишком груба.

– Ну а ты прямо мечта, а не человек! Знаешь, твоим высокомерием несет за версту, аж... берегись!

Она вовремя оттолкнула Малькольма, который избежал участи быть насаженным на копьё аудитора.

– Я же вам кричал! Вы там не слышите, что ли? – с досадой в голосе крикнул мальчик с другого конца зала.

– Прости! Просто этот старый пердун меня слегка заболтал! – прокричала ему в ответ Фрея.

– Старый пердун? – с негодующим видом Малькольм встал во весь рост, как грозное каменное изваяние. – Я бы попросил...

Но его прервал воинственный крик аудитора, которая бросилась на него с явно кровавыми намерениями.

Но Фрея вовремя оттолкнула ее в сторону, встав перед волшебником.

– Да о чем ты вообще просить можешь? – презрительно сказала она волшебнику через плечо. – Ты даже сражаться не умеешь?

– А должен?! Я, знаешь ли, бывший волшебник-практикант, а ныне и вовсе естествоиспытатель. Я не просил брать меня с собой, и ты прекрасно знала, чего я стою в бою!

– Так если ты ничего не стоишь, то и не вякай вообще! – огрызнулась Фрея. – Стал бы в сторонке спокойно и не мешал...

– ЗАТКНИТЕСЬ!

Потрясающая акустика зала усилила этот отчаянный вопль в несколько раз, придав ему неожиданные модуляции, граничащие с истеричными нотками.

Аудитор, тяжело дыша, с нескрываемой злобой в глазах смотрела на них.

– Вы решили поиграть со мной? – злобно прошипела девушка-аудитор.

– Да кому ты нужна? – махнула на нее рукой Фрея. – Мы тут свои отношения выясняем, знаешь ли.

– Да, девушка, вас там неподалеку ждет молодой человек, а нас оставьте, пожалуйста, в покое, – раздраженно произнес Малькольм.

С диким ревом аудитор бросилась в атаку, выбросив перед собой копьё, но Фрея успела вовремя нырнуть под блестящее лезвие, которое со свистом пронеслось над ее головой, а затем она одним молниеносным движением перехватила копьё у Элеанор и мощным толчком пихнула аудитора в живот основанием ее же оружия. Мальчик вдруг также оказался рядом с аудитором и нанес несколько быстрых ударов по ее корпусу, отталкивая ее назад.

– Ай! – вскрикнула Фрея, потирая руку. – У этой сучки меридий!

– Я тебя хотел предупредить, но вы так оживленно общались... – саркастически произнес мальчик.

– Ага, – беззаботно ответила ему Фрея. – А где этот придурок, кстати?

Она обернулась через плечо и увидела в отдалении Малькольма, который неторопливо шел к ним.

– Так ты жив? – с досадой в голосе произнесла Фрея. – А я уж думала, что ее копьё тебя задело...

– Первое правило, которое нам втолковали в университете магии на лекциях по практическому боевому искусству, заключалось в том, что маги никогда, ни в коем случае не должны быть на передовой, кроме особой категории боевых магов, – нравоучительно произнес Малькольм, смотря на Фрею с крайне хмурым видом.

– А еще говорят, что высшее образование в нашем мире совершенно бесполезно... – иронично сказал Келен, разводя руками.

– Ты должна была меня защищать, Фрея, а ты... – снова начал волшебник.

– Да я тебе нянька, что ли?! Может, тебе еще жопу начать подтирать? – девушка злобно сверкнула на Малькольма глазами.

– ОУЭООООУУУУУУУУ! – яростный вой аудитора заполнил собой залу.

Фрея задумчиво постучала себя пальцем по подбородку.

– Так мы ее достали уже или нет?

– Да вы любого достанете, – просто ответил ей мальчик.

– Давайте заканчивать с этим, мне начинает все это порядком надоедать, – признался Малькольм, громко хлопнув в ладоши несколько раз.

– Госпожа аудитор Элеанор! Посмотрите сюда! – донесся до них грубый мужской голос.

Волчица, мальчик, волшебник и аудитор разом перенесли свое внимание на мужчину в доспехах, стоявшего рядом с тронном, на котором не так давно восседал достопочтимый государь.

И больше всего их внимание привлекла царственная голова этого глубокоуважаемого государя, которую в данный момент начальник стражи невежественно держал за волосы. Людей почему-то всегда привлекают чужие головы, особенно если они отделены от основного туловища.

– Это все, что осталось от твоего короля, госпожа аудитор! – яростно прокричал воин, держа перед собой кровавый кусочек Истории, который воззрился на мир с предсмертной гримасой, полной ужаса и боли.

– Тебе больше не за что сражаться, госпожа аудитор! Прими свое поражение с честью!

– А мужик дело говорит, – уважительно произнесла Фрея.

– Это не мужик, а начальник стражи королевского двора, – поправил ее Малькольм.

– Всегда думала до этого, что все военные идиоты, а те, что повыше забрались, еще и преступники. Неужто попался кто-то честный?

– Да, это странно, – задумчиво произнес мальчик. – В наше время, когда основное финансирование во многих королевствах уделяется в первую очередь армии...

– Это стражник, а не армейский пес, – устало произнес волшебник. – И везде можно найти нормальных людей, просто их сейчас осталось не так много...

С нечеловеческой скоростью аудитор сблизилась с начальником стражи, вся суровая, непоколебимая, молчаливая. Ее смертоносное оружие нацелилось на незащищенную шею благородного воина...

– Эх, не успеем помочь, слишком далеко... – с притворным чувством вины в голосе произнесла Фрея.

– Хороший был человек. Помянем, – вторил ей Келен.

Но тут раздался резкий металлический звук удара, когда два оружия впиваются друг в друга, пытаясь решить все раз и навсегда. Мужчина ловко отбил быстрый выпад копья аудитора своим мечом, отступая на шаг назад, а затем быстро сблизился с врагом, отбросил свой меч в сторону и крепко обнял девушку обеими руками. Переведя свой немаленький вес вперед, он навалился на девушку, столкнув ее и себя со ступенек, которые вели к трону короля.

Аудитор больно ударила головой о пол, но, несмотря на это, продолжала ожесточенно сражаться, пытаясь сбросить с себя огромную тушу стражника, облаченного в железо.

– Ничего себе, – ахнула Фрея, открывая рот от изумления. – Повалил аудитора!

И на этом воин не остановился. Он выхватил из ножен кинжал и изо всех сил обрушил его на плечо девушки, словно на зверя, которого требовалось забить. Вынув острый клинок из зияющей кровавой раны, он вонзил его в другое плечо, а затем и в солнечное сплетение, где и оставил его глубоко посаженным.

Малькольм, сильно обеспокоенный, подбежал к стражнику, положив тому руку на плечо.

– Хватит, подожди, она же умрет!

– Пока еще нет, – убийственно спокойным голосом ответил ему воин.

Он сжал кулаки, облаченные в кольчужные перчатки, и начал самозабвенно избивать девушку, как будто смакуя каждый нанесенный удар.

– Пипец какой-то. Она, что, ему не дала в прошлом? – Фрея недоуменно почесала в затылке.

– Явно не дала, – подтвердил Келен. – А озабоченный мужик – это опасный мужик. Ты смотри, как он ее мочит!

– Но чтобы обычный человек победил самого аудитора, пусть и усталого после нашей схватки...

– Эпичный стражник, – кратко резюмировал мальчик.

Но волшебника явно не удовлетворял подобный поворот событий.

– Прекрати, сейчас же! У нас же был уговор!

– Еще не все, – просто и тихо ответил ему мужчина, мерно работая кулаками.

Доселе прекрасное лицо девушки-аудитора превратилось в кровавое месиво, но было видно, что она еще жива.

– Пожалуйста... я же просил... – Малькольм уже практически умолял.

– Да дай мужику выпустить пар. Нам всем такое не мешает время от времени, – примирительно сказал Келен, кладя волшебнику руку на плечо.

Но волшебник лишь раздраженно отмахнулся от него.

– Это ничего не решит... пожалуйста...

– Девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь... восемь... и последние...

Мужчина-стражник напрягся изо всех сил и обрушил два последних удара на бедную девушку. Она содрогнулась всем телом и неподвижно осталась лежать в своем обезображенном, оскверненном, безжизненном состоянии.

– Я все, – просто сказал мужчина, тяжело дыша и медленно слезая с тела девушки, как хорошо поработавший любовник в страстную ночь.

– Быстро, нельзя терять ни минуты. Ты взял с собой, что я просил? – суетливо забегал вокруг Малькольм.

Стражник лишь устало кивнул на каменный трон, на котором лежал небольшой холщовый мешок. Волшебник мигом вскочил на ступени, схватил мешочек и лихорадочно начал вытряхивать его содержимое на пол. Удовлетворенно по-старчески крикнув, он через несколько секунд уже подбежал к прохладному телу аудитора, благоговейно держа перед собой медицинский шприц, наполненный какой-то красноватой жидкостью.

– Так, это должно стабилизировать ее состояние... возможно, есть шанс... есть шанс... – забубнил он под нос, вставляя шприц в взбухшую вену девушки на руке.

Келен в этот момент осторожно хлопал стражника по плечу.

– Отбить копьё с широким лезвием обычным мечом? Мое уважение, господин. Можно пожать мне вашу руку?

Стражник, все еще сидя на полу и как будто ничего не соображая после прошедшей бойни, тупо протянул руку мальчику, которую тот осторожно пожал.

– Я же говорил не убивать ее! Говорил же! – снова ожил Малькольм, обиженным голосом обращаясь к стражнику.

– Ой ну хватит нудеть, Малькольм, вот завелся же, – Фрея игриво толкнула раздосадованного волшебника и села рядом с начальником стражи.

– Подскажите, пожалуйста, – весело начала она. – Вот мы с моим другом все спорим, что же натворила эта прекрасная особа. После краткой дискуссии мы решили, что она вам не дала. Это так?

И Фрея подмигнула Келену.

Наступило легкое молчание. Весь мир на мгновение застыл в ожидании ответа мужчины.

Он немного подумал, тяжело вздохнул и, наконец, сказал:

– Она никому не дала в этом королевстве.

Все кратко переглянулись. Обвинение было крайне серьезным.

– Вот сучка, – выругалась Фрея. – Ни народу, ни себе. А еще чиновник называется... на костер таких надо!

XXV

Инструменты были подготовлены и тщательно продезинфицированы. Они все мирно лежали на столе, подбитом красной бархатной тканью.

Рядом с ними аккуратными рядочками выстроились различные алхимические реактивы, субстанции, вещества и растворы. Эти баночки весело поблескивали, отражая в себе свет одинокой свечи, которая придавала всему этому убранству романтический мягкий нежный оттенок профессиональной любви.

В другом конце комнаты, на грубой деревянной тумбочке, громоздились разной величины штативы, колбы, фиалы, чашки, рукава и прочие нужные для работы приспособления.

Всякие полезные и не очень мелочи Малькольм разложил прямо на стуле – все равно сегодня он не собирался расслаиваться, предстояло много весьма интересной работы.

Не забыл он также прихватить с собой и бутылку отличнейшего выдержанного вина, которую вовремя реквизировал из королевского погреба. К счастью, Келен и его девушка были, к несказанному удивлению Малькольма, трезвенниками, поэтому остатки еще не до конца разворованного винного хранилища были в полном распоряжении волшебника. Вообще, после недавних событий Малькольм стал находить в государственных переворотах и захватах власти совершенно неожиданные плюсы. Глядишь, так и вовсе подсесть на это дело можно. А что – один король, потом другой... работы непочатый край.

Но это потом.

Волшебник с безграничной любовью, которая, казалось, давно уже покинула его черствое сердце, воззрелся на свой чудесным образом спасенный предмет для исследования. Она возлежала на длинном операционном столе, перевязанная многочисленными туго натянутыми ремешками.

Стол этот был позаимствован волшебником из пыточной камеры (ох уж эти короли!), крайне удачно пригидившись в своем новом амплуа.

Ведь аудитор была поистине прекрасна.

Длинные светлые волосы были аккуратно расчесаны и сложены, тело было начисто вымыто и пропитано специальными ароматическими маслами, а без сомнений лишняя одежда была аккуратно сложена и спрятана в другом помещении для дальнейшего изучения.

Но самое главное – девушка была жива. Ее маленькая девичья прекрасная белая грудь тяжело поднималась под тугим ремнем, ее нежный ротик был слегка приоткрыт, обнажая бело-снежные ровные зубки, а ее маленькие утонченные пальчики иногда слегка вздрагивали, как будто во сне она переживала нечто животрепещущее.

Но волшебника ее сны не интересовали, вовсе нет. Может быть, Зигмунд и любопытствовал бы насчет устройства сознания аудитора, но Малькольма никогда не манила практическая психология. Он с непередаваемой отцовской любовью во взгляде наблюдал за мирно спящей обнаженной красавицей, постепенно попивая чудесное вино и предаваясь приятным мыслям.

И так продолжалось долго, очень долго. Ведь он не спешил. Целая ночь еще была впереди, а куда было спешить человеку, которому не только удалось победить аудитора, но и захватить ее живой? Никакой ученый в мире, волшебник готов был в этом поклясться, не мог похвастаться подобными достижениями.

Он подошел чуть ближе и нежно провел пальцем по ее прекрасному женственному телу. Она слегка вздрогнула во сне, но тут же улыбнулась, словно все было хорошо. И он продолжил ее медленно гладить одной рукой, не забывая иногда и притрагиваться к бокалу с чудесным вином.

Ощущения были из разряда божественных.

Он вдруг подумал, что Фрея, эта проклятая волчица, явно бы убила его за подобные проделки. Но, к счастью, она предавалась со своим странным мальчиком грязным похотливым утехам где-то наверху, в королевской спальне, оставив волшебника в блаженном одиночестве.

Он четко признавался себе, что жутко недолюбливает эту скверную старую женщину-оборотня, которая пыталась придать себе моложавый вид своим дурацким экстравагантным поведением, выдавая в себе, скорее, деревенскую хабалку, а не бойкую девицу, как она, наверное, о себе думала. И от нее прямо таки разило этими новыми феминистскими идеями, по крайней мере, так казалось Малькольму. Она хотела, она явно желала быть равной или чтобы ее за такую принимали. В мире волшебника женщины занимали свое строго определенное место, которое было явно не на первом плане мироздания.

Да, женщины определенно нужны были, чтобы воспроизводить потомство, чтобы в дальнейшем ухаживать за ним и вести хозяйство. Но в остальных делах их неокрепшее сознание не позволяло им функционировать нормально, и в этом они должны были четко отдавать себе отчет. Врать себе попросту не было смысла – даже если все общество говорит, что ты можешь ходить, что оно уважает твои мысли и твой жизненный выбор, то неужели безногий после этого чудом пойдет? Нет, это все были опасные популистские мысли, проповедуемые мужчинами для управления другими мужчинами.

Малькольма нельзя было назвать и сторонником патриархальных теорий, ведь в них женщине также уделялось крайне много внимания, которого она явно не заслуживала. Дескать, женщина в семье была идейным вдохновителем, именно она подзаряжает мужчину на великие дела... что за ересь. Мужчина, которому нужна подзарядка от женщины, чтобы что-то сделать, попросту слаб, а его сознание имеет простор для внешних манипуляций. Если ты хочешь сделать какое-то дело, если оно тебе нравится, то ты его делаешь. И не обвиняешь женщину, что она тебя не вдохновила. Обвинить кого-либо всегда можно успеть, это самое легкое и одновременно самое постыдное дело.

По его сугубо личному мнению, женщина должна была сделать то, что она может, и не нагружать себя и других людей бесполезными мыслями о дальнейшем развитии. К чему поддержка, к чему любовь, к чему забота, если все эти слова ни о чем? Ты делаешь свое дело, получаешь за это признание и уважение, одновременно не мешая другим людям делать свое дело.

А Фрея была самовлюбленной сучкой, это точно. А этот ее... парень? Этот дряхлый старик в обличии невинного мальчика был вообще словно из другого мира. От него прямо мурашки по коже бежали, настолько он был ненормален.

Так вот, если бы эта глупая волчица обнаружила его в такой обстоятельно интимной обстановке, то она точно тут все вверх дном перевернула. «Как ты можешь? – сказала бы она. – Что ты делаешь? Женщин же нельзя так оскорблять! Убей ее и хватит над ней измываться!»

Безмозглые людишки. Неужели они не понимают, что движение мира, его прогресс обуславливается научными открытиями, а вовсе не ханжескими моральными нравочениями? Лицемерие и популистские мысли еще никогда ни к чему хорошему не привели. А скальпель и много-много крови – они всегда делают свое полезное дело.

И да, он был своего рода извращенцем, он это также признавал. Он вообще много в чем честно признавался сам себе. А что таить? Он считал женщин сугубо вторым сортом. И ему нравилось, когда они оказывались на таких позициях. Почему не соединить его убеждения с любимой работой? Уважение? Бросьте. Это война. Война с самим собой, с природой и этим дурацким обществом. И война всегда умела менять людей далеко не в лучшую сторону.

Весело насвистывая себе под нос, волшебник начал устанавливать склянки с бесцветной жидкостью внутри на специальных подставках вокруг стола. Раньше на этих подставках располагались специальные яды для пыток, и Малькольм не хотел далеко отходить от традиций.

Но несмотря на то, что эти двое были ему до крайности неприятны, они все же не оставляли его без прекрасных даров. Эта аудитор, к примеру – поистине чудесная находка. А Келен еще обещал помочь с поиском книги заклинаний... неужели когда-то он снова сможет творить волшебство?

Непонятны были лишь их мотивы по отношению к нему. Явно же они и его недолюбливали, что Фрея и не пыталась скрыть. Но насколько далеко простирается их сумасшествие? Относятся ли они к нему, как к расходному материалу, от которого всегда можно избавиться, особенно когда наскучит с ним играть, или у них в голове крутятся тщательно смазанные шестеренки мыслей, конструируя идеально спланированное предательство? Возможно, если их намерения не станут волшебнику в ближайшее время хоть сколько-то понятны, то придется самому вонзить им нож в спину. Ему были, в принципе, безразличны люди, как таковые, Малькольм ранжировал их по степени полезности. Но если риск будет превышать допустимый полезный эффект, то...

Об этом еще будет время подумать. К тому же они совершили настоящий государственный переворот, и последствия когда-то должны будут их настичь. Поэтому, хочешь не хочешь, а какое-то время им придется поработать вместе ради достижения общего результата.

Он закончил с расстановкой всего необходимого, еще раз проверил степень натяжения ремней (ведь безопасность превыше всего), а затем начал постепенно и осторожно подсоединять бесцветный раствор к телу своего объекта изучения, вливая его через вену.

Он отошел на пару шагов осмотреть то, что получилось, и был вполне удовлетворен результатом.

Налил себе новый бокал вина и приготовился смотреть за разворачивающимся представлением.

Прекрасное белоснежное юное тело девушки вдруг стало слегка нервно подергиваться, а ее пальчики то сжимались, то разжимались, словно пытались ухватить нечто неуловимое и неосязаемое.

Малькольм удовлетворительно кивнул.

Ее организм медленно и плавно переходил в состояние эйфорического экстаза или, проще говоря, она должна была получать наслаждение примерно равное сексуальному оргазму за вычетом любви. Но так как Малькольм никогда не понимал, в чем эта дурацкая мифическая любовь все же заключается, то и воспроизвести ее в своем творении ему не удалось. Как говорится, бесполезные вещи обычно носят исключительно описательный характер. Значит, любовь была донельзя бесполезной, что бы про нее ни говорили.

Но такого рода наслаждение было исключительной реальностью, которое Малькольм с удовольствием наблюдал в реальном времени. Через приблизительно полчаса тело девушки с определенно постоянной частотой начало выгибаться, тело стало покрываться легкой испариной, а сквозь губы можно было услышать едва различимый стон наслаждения.

Малькольм продолжал с наслаждением пить вино и наблюдать.

Через час стоны стали слышны совершенно отчетливо, а пятки, все скользкие от пота, судорожно елозили по столу, словно девушка хотела одновременно убежать, но в то же время слиться с наслаждением воедино.

Но волшебника интересовало не это.

А время.

Обычный человек мог даже умереть от переизбытка наслаждения уже через пятнадцать минут после начала эксперимента, но тело аудитора, его внутренняя необычная структура, позволяла замедлять все химические процессы в нечеловеческом соотношении. Поэтому аудиторов более и не признавали за людей. Возможно, в этом и была некоторая доля правды.

Еще через полчаса Малькольм решил, что с введением раствора на сегодня достаточно, и отсоединил девушку от поступления райского наслаждения.

Ее тело тотчас обмякло, но нервные конвульсии продолжались то тут, то там – все ее тело слегка подрагивало от перенапряжения. Хоть вещество вводилось и по капельке раз в десять минут, но кипящая кровь девушки уже разогнала его по всему организму, покрывая ее тело мурашками, ознобом, судорогами и остаточным наслаждением.

Но это была лишь первая, можно сказать, вступительная часть эксперимента. Ведь Малькольм не стал бы разрабатывать химическое соединение, которое приводило бы к неземному оргазму. Конечно, он был до некоторой степени извращенцем, но какая ему была польза от такого изобретения? Ведь волшебнику не нужны были деньги, а лишь знания.

Которые сейчас он и хотел буквально выдернуть силой из своей несчастной подопытной.

Он, отложив в сторону пустой бокал вина, ровным и четким движением взял в руки острый скальпель. Посмотрел на него с любовью, любуясь отражением света на крайне остром металле.

И сделал маленький надрез на руке девушки.

Реакция не заставила себя ждать. Все ее тело словно всколыхнула могучая волна, а саму ее подбросило в воздух с такой силой, что ремни опасно закрипели. Она начала вся вертеться, крутиться, биться, как пойманная рыба, а на ее лице запечатлелась гримаса ужаса и нестерпимой боли.

Может быть, он слегка переборщил с дозой, подумал Малькольм, делая аккуратные записи в своем блокноте. Но он думал, что тело аудитора выдержит... хотя оно на самом деле выдержало.

Малькольм довольно улыбнулся. Ведь это чудесное зелье, которое дарило неземное наслаждение, одновременно являлось сильнодействующим ядом, во сто крат усиливающим болевые ощущения. Оно напрямую воздействовало на нервы, раздражая их до такой степени, что у человека появлялась сверхчувствительность на внешние раздражители. Идеальный способ проверить величину болевого порога у аудитора.

Он немного подумал, постоял на месте с занесенным клинком над телом жертвы. А стоит ли? Впрочем, почему бы и нет? Все равно потом нужно будет производить вскрытие, что не очень приятно делать, если подопытный до сих пор жив.

Он одним ровным четким, но одновременно нежным мягким движением прочертил кровавую полосу на идеально плоском животе прекрасной девушки.

Ее крик, ее безудержный вопль из самых недр ее нечеловеческой души буквально завороживал. Он сам начал получать некий профессиональный экстаз, все его тело покрылось приятными мурашками.

А она кричала, кричала так сильно, как только могла. И это было донельзя прекрасно.

Прекрасно, что она могла так громко и чудесно кричать.

Прекрасно, что никто, кроме него, самого внимательного слушателя в мире, не мог их услышать, ведь пыточная камера была исключительно звуконепроницаема.

Замечательно было и то, что она постепенно просыпалась, и волшебник видел, как в ее приоткрытых глазах начинают проглядывать столь прекрасные чувства, как страх, боль, а затем и гнев. Гнев ее был поистине очаровательным.

Он мило улыбнулся ей, как старому другу, с которым им придется пройти столько всего интересного. А потом он нежно обнял ее извивающиеся плечи, крепко, по-отечески, сжал их и, приблизив к ней свое лицо, поцеловал.

Ведь даже если она и была вторым сортом, то... нет, сегодня она была на первом плане, она была истинной королевой этого вечера. Потому что женщина, которая приговаривается, заслуживает одновременно уважения и любви.

А любви в эту ночь будет так много, что дыхание буквально захватывает от предельного возбуждения и сладостного предвкушения.

Он торжественно взмахнул лезвием над телом своей возлюбленной, оставляя все новые и новые кровавые росчерки, подтверждающие его страсть и слепую преданность делу.

XXVI

Настроения в этой конкретной деревушке были крайне беспокойные.

Впрочем, все королевство Роуг в последнее время лихорадило. Оно издавна славилось своими воровскими традициями, но ходили слухи, что Принц Воров решил связаться в наркоторговлю, в эту мерзкую теневую отрасль, которая никогда не почиталась местными жителями.

Вот контрабанда – это славное дело. Ты крутишься, изворачиваешься, находишь потайные лазейки не только в логистических маршрутах, но и в самом законодательстве иностранных королевств. В общем, дело для образованных воров, можно даже сказать – интеллигентов преступного мира. Тут тебе и дипломатия, и умение быстро и умело договариваться, находить общий язык, и знание базовых принципов ценообразования, торговли, умение правильно определять наценку на товар, и талант в подборе персонала, от которого постоянно нужно скрывать немаловажные детали, донося до них лишь общую суть дела.

И самое главное – занятие это абсолютно нужное и общественно полезное. Ведь если одно королевство ввело торговое эмбарго в отношении своего соседа, то почему граждане должны страдать без своего любимого сыра? Почему им запрещают носить столь элегантные и изысканные кожаные ботинки? А уж вино... нет, запрещать вино и вовсе преступление против народа, поэтому контрабандисты тут выступают лишь проводниками свободной народной воли, которая в демократическом государстве и должна определять его вектор развития. Только так и никак иначе.

А вот разбойничье налеты – дело совершенно другое, нешуточное, опасное и не столь уважаемое. Но все же допустимое в определенных разумных пределах. Ведь опасность, по сути, довольно локальная – на караваны купцов совершаются набеги, затем торговцы проигрывают в открытом относительно честном противостоянии, и им приходится возвращаться в город несолоно хлебавши.

Но и тут есть свои законы, так скажем, местные принципы. Нельзя убивать людей, если они не оказывают сопротивления. Нельзя обирать людей до нитки. В конце нужно показать свою воспитанность, сказав «спасибо».

Да, охрана чаще всего погибает. Но они знают, на что идут. Как и разбойники, про которых вечно все забывают и которые тоже вполне себе смертны. Но что если у человека призвание быть стражем путешествующих караванов, а защищать их, по сути, не от кого, ведь разбойников не существует? Куда тогда податься, особенно в современных капиталистических государствах, где проблема безработицы решается исключительно топорными методами, совершенно не контролируясь со стороны властей? А так – рынок хоть как-то работает, создавая все новые рабочие места и открывая некоторые довольно интересные ремесла. Кто-то же изобрел эти современные закрытые нескораемые фургоны из прочной древесной породы? А разбойникам же кто-то предложил вот те специальные стрелы, которые при правильном использовании вышибают ездока из седла, на время парализуют его, но никогда не убивают?

И город без усталости, без сна и отдыха генерирует все новые идеи, открывает целые отрасли производства, одновременно работая на две противоборствующие стороны – на купцов и на их грабителей. Нередко можно увидеть картину, как посыльный уважаемого торговца получает от ремесленника первый испытательный образец улучшенной стрелковой башенки, которую можно расположить на крыше повозки, чтобы в стационарном состоянии отбиваться от бандитов, а на другой стороне улицы такой же уважаемый разбойник (ведь речь идет о равноправии!) с интересом рассматривает модель маскировочных кустов, которые можно разместить на практически любом участке проезжей части, готовя идеальную засаду.

А если вам противна сама идея столкновений с неблагоприятными личностями во время ненавязчивого путешествия из города в город, то всегда можно воспользоваться платными

дорогами, находящимися под государственной охраной. Конечно, и на таких дорогах есть риск быть ограбленными, но он существенно меньше – любой отчаявшийся разбойник, решившийся на такое злодеяние, мгновенно потеряет все уважение, остатки чести и какую-либо надежду попасть хоть в какое-то приличное или неприличное общество. Его попросту будут обходить стороной, как прокаженного. Или убьют, не моргнув и глазом. Потому что человек, не уважающий законов и традиций, попросту зверь, так? А бешеных зверей стоит умерщвлять ради общественного блага, именно так считали практически все жители славного королевства Роуг.

Но наркоторговля... конечно, это были лишь слухи, но людская молва не может взяться вот так, ниоткуда... верно?

И люди стали тихо перешептываться между собой. Принц недавно получил свой титул, прошел обряд посвящения. Совсем еще молодой, но он успешно доказал всем, что достоин. А достойный вор должен править другими ворами, если ни у кого нет возражений. А возражений не было.

И вот теперь...

Наркоторговля...

Да нет, этого попросту не может быть!

– Здравствуйте, – Зигмунд решил все же отвлечь бесконечный разговор хозяина таверны и его друга.

Это был, несомненно, раздражающий элемент в провинциальных поселениях – все друг друга знали, и всем, конечно же, нужно было со всеми наобщаться. А если рядом вас ожидает клиент, то что ж... он же ждет? Так пусть еще подождет, не облезет. А если он вдруг решит уйти, то, значит, ему ничего особо и не было надо. А уж если он раздражен... со злыми людьми лучше вообще не заводить разговор, давайте будем добрее, друзья!

Зигмунд в последнее время решил быть предельно честным с самим собой и понял, что он все же городской житель. Как и Малькольм – несмотря на то, что его друг со всеми возможными удобствами обустроил себе жилище глубоко в лесу, он все же скучал по городской жизни. Ведь город – он как-то оживляет, бодрит, заставляет двигаться быстрее, лихорадочнее, поспешнее. Быть суетливым, требовательным, назойливым, невыносимым.

А в провинции все лежат сырой кучей и ничего и ни от кого им не надо.

Келен явно же считал иначе, но Зигмунду было совершенно все равно, что там считает мальчик-монстр.

Хозяин таверны, наконец, с явно недовольной гримасой медленно повернулся к нему, как будто оказывая крайне ценную и невыносимо тяжелую услугу своему навязчивому посетителю.

– Да? Чем могу помочь?

Зигмунду ни в коем разе не хотелось продолжать разговор, поэтому он просто положил деньги на стол и попросил приготовить комнаты. Две комнаты. Для него и Рестара. И что-нибудь на завтрак. А также на обед. И про ужин пусть не забывают.

Хозяин что-то недовольно проворчал (ведь было крайне невежливым не завести сначала полтора часовой разговор о жизни), но деньги взял и пошел показывать им комнаты.

Гостей тут бывает немного, начал пояснять он, поэтому...

Но Зигмунд не имел желания слушать кого-либо, поэтому мужчина быстро заткнулся, яростно сверкая своими низко посаженными глазками в столь неприятных ему гостей. Рестар поддержал Зигмунда в его настроении, также отстраняясь от различных расспросов, но ему, как заметил Зигмунд, тут явно нравилось, пусть он это старался и не показывать.

И разбойники, встретившиеся им по пути, ему также очень понравились. Зигмунд так и не смог пристраститься к человеческому мясу, хоть на вид в зажаренном состоянии оно и выглядело чрезвычайно аппетитно, но ему больше по вкусу пришлись деньги различного номинала, которые он вытряхнул из многочисленных потайных отделений в одежде у незадач-

ливых бандитов. Он даже и представить не мог ранее, сколько всего можно упрятать в обычной рубашке, не уставая поражаться человеческой смекалистости и изобретательности.

На завтрак он доел кролика с рисом, причем эту порцию ему галантно уступил Рестар. А затем леса закончились, равно как и людские поселения. К вечеру, после многочисленных пройденных километров, им жутко хотелось есть. И спать. А Зигмунд еще мечтал почитать хорошую книжку в теплой кровати, в обнимку с котом.

Поэтому разбойников они встретили как хороших друзей, встреча с которыми всегда проходит, как в последний раз. По крайней мере, эта встреча именно так и прошла.

Кроме множества блестящих монеток Зигмунд нашел кусочек шоколадки и маленькую конфетку, аккуратно и любовно завернутую в засаленную от пота бумажку, на которой кривым почерком было выведено:

*«Папа возвращайся поскорее. Мы с мамой ждем тебя. Люблю тебя ошен.
Сара»*

Это было так мило, что Зигмунд не мог удержать слезы, пока ел вкусную конфетку с клубничным привкусом, запивая ее горячей водой. И шоколадка пригодилась, хоть она была и без прочувственной записки, поплакав после которой легче засыпается.

А наутро их ожидала корзинка с едой, которую столь заботливо притащил им ворон. Значит, рядом была деревня, были люди и была еда.

Зигмунд порылся в корзинке, отыскал большое спелое свежее яблоко. А потом откусил кусочек и долгим и внимательным взглядом посмотрел на ворона, который старательно отщипывал кусочки с горбушки черного хлеба. Ворон на мгновение оторвался от своего важного занятия и также посмотрел на Зигмунда.

– Спасибо, – твердым и серьезным голосом сказал своему другу Зигмунд.

И ворон то ли кивнул, то ли моргнул, то ли шевельнул крылом, но между ними тотчас же установился контакт, как было и раньше.

Зигмунд аккуратно разбудил Рестара, обрадовав его известием о наличии прекрасного завтрака.

– Рядом деревня, – сообщил ему Зигмунд, когда Рестар вовсю уплетал хлеб с сыром.

– Откуда ты знаешь? Ворон сказал?

– Да, – просто ответил Зигмунд.

– Вот и хорошо, – также просто сказал Рестар.

Зигмунду действительно начинала нравиться эта простая жизнь.

XXVII

А помнится прибыли они как-то в одну деревеньку, где беда приключилась.

Хотя про беду эту никто и не слыхивал, в последнее время одни толки ходили о торговле наркотиками, о том, кто в этом виноват и что теперь всем делать, но все же беду аж деревенского масштаба обозначила им одна немолодая женщина, которая явно что-то скрывала.

Рестар тогда ради шутки похвалился, что они искатели приключений, а Зигмунд сразу понял, что она что-то скрывает. Женщины вообще всегда что-то да скрывают, это в их хитрой подлой натуре... и да, Зигмунд решил до конца быть честным с самим собой и полностью стал женоненавистником.

– Раньше ходили мы, дорогие господа, в храм наш местный, но не так давно злые силы прокляли его, и теперь всякая нечисть там водится!

Сейчас Зигмунд, Рестар и ворон находились на дальневосточной стороне королевства Роуг, неподалеку от границы с независимой Землей под названием Русич. Эта Земля славилась своими поистине странными, никогда нормально не работающими обычаями, добрыми и доброжелательными людьми, которые постоянно находились в обиде друг на друга, и властями, которые крайне неумело эксплуатировали честной народ, сводя все трудолюбие граждан, а также богатые местные ресурсы на нет. Эту Землю давно пора было уже захватить, но воинственно настроенные нации постоянно натывались на стену всеобщего непонимания и одиозной абсурдности, что царили на Земле, что в конечном итоге заканчивалось тем, что захватчики пытались честно разобраться в творящемся бардаке, затем у них кружилась голова от умственного перенапряжения, а в это время их территорию захватывали их соседи, что давно точили на них зуб. В какой-то момент было решено более в эту Землю не вторгаться, оставить ее в покое, а на картах она закрашивалась исключительно черным цветом, подразумевая, что это бездонная, всасывающая в себя все дыра, от которой лучше держаться подальше.

Но сами русичи были заядлыми путешественниками, ведь более ярых противников патриотизма нужно было еще поискать. Им казалось, что их Земля полна уныния и безнадежности, поэтому они вечно мечтали куда-либо переехать. Но уезжали они хоть и часто, но всегда ненадолго – иностранцы все никак не могли принять их странную привычку постоянно философствовать и жаловаться на жизнь каждый день. Было даже широко распространено поверье, что если хочешь познать радость жизни, то поговори с русичем.

В последнее время, правда, традиции на Земле уже в который раз поменяли направление своего развития, и теперь ее жители бахвалились так яростно, что невольному (и это абсолютно верно подобранное слово) слушателю становилось тотчас же очевидно, какое же он (слушатель) ничтожество и бездарь. Но потом бедный слушатель вновь начинал внимать жалобам и мольбам об ужасном устройстве всего мироздания, что у него начинала кружиться голова, ноги подкашиваться и жуть как хотелось напиться.

Зигмунд после нескольких душевных разговоров со славными представителями этой прекрасной Земли, наконец, понял, где он должен был родиться. Именно там он бы чувствовал себя как дома.

– Нечисть? – непонимающе переспросил Зигмунд. – Вы имеете в виду?..

– Да всякую, господин, всякую! – несколько раздраженно скороговоркой произнесла женщина. – Народ разное молвит, но тем, кому удалось выжить, говорят, что видели там...

И она таинственно задержала дыхание.

– Призрака!

Ее большие любопытные глаза всю рассматривали их скептически настроенные лица, любясь произведенным эффектом.

– Но призраки... – задумчиво начал Рестар.

– Что? Что? – нетерпеливо и быстро спросила женщина.

– Не существуют, госпожа. Это расхожий миф, облаченный в мнимую правду, чтобы отпугивать людей от тех мест, куда им нос совать не стоит, – подытожил Зигмунд.

Женщина недовольно всплеснула руками.

– *Откуда* я родом... за такое бы вас точно высмеяли, господин! – недовольно произнесла она.

Что удивительно, подумал Зигмунд, но женщинам среднего возраста из русичей всегда удавалось быть ужасно немилыми, даже если они были из городских. Хотя трудно обвинять людей в отсутствии шарма и обаяния, если они живут на Земле, полной депрессивного уныния, жалоб и постоянного самоистязания.

А еще, как заметил Зигмунд, им все время казалось, что они самые хитрые и ловкие, но почему-то во время того, как они начинали хитрить, от их тела, жестов и голоса сразу же начинали исходить определенные сигналы, напрямую сообщающие: «Эй, я хитрый человек! Очень! Поберегись!»

Зато это было честно.

И в том, что эта суетливая женщина, оказавшись не в своей Земле, а вообще в чужом королевстве, так быстро и навязчиво все начинала считать своим родным... в этом определенно чувствовался свой уникальный стиль.

– Ладно, госпожа, мы обязательно посмотрим на этого вашего призрака, но только завтра утром, хорошо? Нам с другом еще надо выспаться, – примирительно попытался закончить беседу Зигмунд.

– Но сейчас только восемь вечера, а вы встали в пять! В пять вечера!! – негодуя высказалась женщина, обожающая совать нос не в свое дело.

– Да, – только и ответил Зигмунд.

Он мог, конечно, начать оправдываться, что они после долгой дороги чрезвычайно устали, что он еще хотел закончить ту интересную книгу, которую он обнаружил в личной библиотеке главаря разбойников, чей лагерь они уничтожили пару дней назад.

Но зачем? Люди только и ждут от тебя оправданий, чтобы высосать досуха твою энергетику.

Женщина шумно хмыкнула, обиженно развернулась и ушла восвояси.

– Наше первое задание, а? – весело спросил Рестар своего друга.

– Не вечно же нам на разбойников охотиться. Хотя признаюсь, что доходы это приносит немаленькие.

И они пошли дальше отдыхать, каждый в свою комнату.

XXVIII

Церквушка была заброшена и, причем, очень давно.

Вот и первая ложь этой странной леди, сообщившая им, что призрак поселился в храме совсем недавно. Похоже, что единственным проклятием, обрушившимся на здание, было лишь одно – время.

Осыпавшаяся каменная кладка, побуревшее дерево, выбитые оконные стекла, толстая паутина, облепившая внутренний зал, словно ожидая скорое прибытие мухи-мутанта, а также пыль. Много-много пыли и грязи.

– А ты, вообще, разбираешься в магии? – спросил Рестар у Зигмунда, усаживаясь на полуразвалившуюся скамью.

– Нет. Малькольм когда-то хорошо разбирался, но затем магию запретили, книги начали сжигать, а университеты закрыли. Да и не сильно она нужна, эта магия, как оказалось.

– Знал я одного мага, – начал вспоминать Рестар, – так он щелчком пальцев костер мог разжечь!

– Вот и подумай, зачем тебе двадцать лет высшего магического образования, а потом еще тридцать лет аспирантуры, когда на свете уже давно существуют спички?

– Это да...

Рестар оказался на самом деле довольно разговорчивым человеком, просто замкнутым. Он раньше никого не подпускал к себе близко, держась в стороне от общей стаи. Но в своих простых незатейливых беседах Рестар и Зигмунд чувствовали себя прекрасно. Они не тратили много энергии друг на друга, не выясняли отношений и просто могли быть теми, кем они сами хотят.

– Тут никого нет, – заметил Зигмунд. – Давай тогда осмотри...

Рестар одним мощным толчком сбил его с ног, поэтому стрела с противным жужжанием прошла ровно в том месте, где ранее была голова Зигмунда, а не там, где она сейчас.

Рестар жутко зарычал, заслоняя своим телом Зигмунда, а его руки и спина мгновенно покрылись жесткой коричневой короткой шерстью, а глаза сменили цвет на ярко-карий.

– Не попортите шкуру! – взвизгнула женщина, которая буквально вчера настойчиво пыталась им продать байку про призрака.

Зигмунд попытался откатиться к тем обломкам, что остались от скамьи, Рестар ринулся вперед с оглушительным воем и раскинутыми руками, из которых торчали огромные острые когти, а клекот ворона заглушался истошными криками раненых людей, у которых терпеливо и старательно выкалывают глаза.

А затем... затем кто-то кинул на пол бомбы с ядовитым удушающим рвущим глотку на части зеленым газом. Зигмунд тут же окунулся в беспамятство, ничего более не сообщая.

XXIX

На кровати маленькое нежное хрупкое женственное существо отчаянно боролось за жизнь, метаясь в сонном бреду.

Ее мужчина бережно сжимал ее ручку, которая резкими паническими неосторожными движениями расцарапывала его ладонь в кровь, но этого он не замечал. Его усталый взгляд был сосредоточен на ее бледном прекрасном личике, потерявшем свой природный здоровый окрас.

Доктора уже выгнали взащей – он явно не справлялся с поставленной задачей. Теперь Брендон мог надеяться на выздоровление его любимой супруги лишь издревле проверенным способом.

Испытание временем и любовью. Кто-то еще добавлял в эту чудесную магическую формулу горячие мольбы всем известным богам на свете, но для Брендона это было противопоказано – его девушка была демоном.

– Это вы во всем виноваты, – мрачно произнес он в воздух, ни к кому конкретно не обращаясь.

Разбойники, стоящие вокруг, стыдливо потупили свои взоры, уставившись в неинтересный скучный деревянный пол, но одна строго одетая дама поспешила возразить.

– Вы сами должны понимать, господин Брендон, – сухим чеканным голосом произнесла она, поправляя очки на переносице, – что это всецело ваша оплошность. Если бы вы соблюдали все меры...

– Заткнись, тварь, – грубо прервал ее Брендон.

– *Простите?*

Все в комнате напряглись. Конечно, их было много, да и за дверью ожидала верная подмога, но сражаться с государственным аудитором в столь тесном пространстве...

– Я сказал тебе заткнуться. Засунуть свой язык в жопу, – Брендон не собирался брать свои слова назад.

Его люди медленно и осторожно потянулись за карманными ножами, которые очень удобно ложатся в руку и одним прекрасным движением могут тут же очутиться в горле неприятеля. Обстановка разом накалилась до предела, гнетущая тишина была практически осязаема, так что хриплое неравномерное дыхание девушки стало слышно совершенно отчетливо.

– Я понимаю... – медленно начала аудитор, – что мы все тут *несколько* напряжены. Поэтому предлагаю отложить наши разбирательства до более подходящего момента, господа.

Она быстро охватила взглядом тяжелое состояние больной девушки.

– Примите мои соболезнования, господин Брендон. Надеюсь, она... придет в порядок.

Мужчина что-то буркнул ей в ответ, а разбойники медленно выдохнули и убрали руки от оружия. А кто-то перенес метательные кинжалы поближе к поясу. Чтобы впоследствии было удобнее выхватить. На всякий случай.

– Я бы не хотела задерживаться у вас в столь неудобное для всех время, но мне нужно составить *отчет*, господин Брендон. Вы же знаете *регламенты*.

– В жопу все, – гневно выпалил мужчина.

– Не сомневаюсь, господин Брендон. Но я, в отличие от вас, наемный работник, поэтому у меня есть *некоторые* обязательства перед моим хозяином.

– Замечательно, – тихим презрительным голосом ответил ей мужчина.

Аудитор разочарованно вздохнула.

– *Пожалуйста*, господин Брендон. Мне сегодня же надо ехать, а дело близится к ночи, когда заполнение необходимой документации еще даже не начато... я понимаю, что вам совершенно все равно, но вам же будет легче, если я быстро узнаю все необходимое и исчезну, разве не так?

Мужчина с минуту помолчал, а затем мрачно кивнул, делая отмашку своим людям.

– Вы уверены, босс? – осторожно спросил один из разбойников.

– Да. А теперь идите. Оставьте двоих у дверей. Я спущусь чуть позднее.

Комната мигом опустела, оставив главаря разбойничьей банды и его любимого демона вместе с государственным аудитором высокого ранга.

– Старший аудитор Мелентия Сайкс берет интервью делового порядка у атамана королевства Роуг Брендона Купера с его непосредственного разрешения, – быстро проговорила аудитор, открывая маленький блокнот и кладя его перед собой на колени. – Господин Брендон, как я понимаю, вам был вверен контроль за оборотом наркотиков на границе королевств Роуг и Сильвании?

– Да. Только я не атаман Роуга, ты это прекрасно знаешь, Мелентия.

– Принц Воров на последнем нашем с ним совещании совершенно открыто высказал мысль, что вы, господин Брендон, всегда можете рассчитывать на его полную поддержку.

– Я не вернусь к этим идиотам. Сын от папаши недалеко ускакал, помяни мое слово, аудитор. Я сам по себе.

Женщина что-то быстро черкнула в своей маленькой записной книжке.

– Хорошо. Господин Брендон, если вы утверждаете, что вы в своих криминальных делах действуете совершенно независимо, то будете ли вы отрицать, что вы берете заказы у высокопоставленных королевских лиц?

– Нет, не буду.

– Хорошо. Господин Брендон, это широко известный факт, но прошу подтвердить, что вы оказываете посильную поддержку королю Виллему Пятому в преследовании так называемых оборотней, охота за которыми теперь ведется по всему королевству.

– Подтверждаю.

– То есть вы ведете дела на обе стороны? Помогаете двум королевствам одновременно?

– Это не взаимоисключающие дела, Мелентия. К тому же, насколько я понимаю, вы всегда хотели установить союз между этими двумя королевствами.

– Конечно, – кивнула аудитор. – Я просто уточняла информацию для дальнейшего опроса. Спасибо вам, господин Брендон, что отвечаете быстро, четко, без размытых формулировок, таким образом вы очень помогаете следствию. Продолжим. Господин Брендон, знаете ли вы, что ваш непосредственный наниматель, король Виллем Пятый, был убит неделю назад вместе с его верными приближенными?

Мужчина нахмурился и повернулся к женщине, уставившись на нее недоуменным взглядом.

– Что?

– Я повторю вопрос, господин Брендон, – сухо ответила аудитор. – Знали ли вы, что ваш...

– Нет, – тихо проговорил мужчина, нежно сжимая руку своей любимой. – Нет, я не знал. Что произошло?

– Мы выясняем обстоятельства дела, господин Брендон, но по нашим предварительным данным в столице произошел государственный переворот. Мы пока не знаем, кто виновник сего ужасного преступления, но мы без сомнения это выясним в ближайшее время.

– То есть не знаете? – гневно спросил Брендон. – Неделю назад убили короля, его министров, а вы до сих пор ничего не знаете?!

– Мы не хотим строить догадки, господин Брендон. Пока у нас ничего нет на организаторов покушения, мы продолжаем расследование.

– Но хотя бы кто это был? Или они убили всех и скрылись? – Брендон пребывал в крайнем недоумении.

– Нет... – аудитор несколько замялась перед ответом. – Они в данный момент правят вместе с народом. Следуют, по их словам, истинным демократическим принципам и ценностям. Но мы... не знаем, кто они на самом деле. В центре внимания обычно оказывается некий мужчина по имени Малькольм, о котором нам ранее ничего не было известно. Также, по всей видимости, они подкупили замковую стражу, которая предала своего повелителя.

– Неизвестная фигура на доске, да? – задумчиво произнес Брендон.

– Давайте не будем заострять внимание на делах, которые находятся вне нашей юрисдикции, господин Брендон. Мы разберемся, уверяем вас.

– Разберетесь, – мрачно пробурчал мужчина. – А что там с вашим аудитором? Вы же предоставили этому придурку королю целого аудитора в знак вашего высокого доверия или как там.

– Убита, господин Брендон.

– Как жаль, – без тени сожаления в голосе сказал Брендон.

– Давайте вернемся к теме нашего сегодняшнего обсуждения, пожалуйста, – продолжала настаивать аудитор. – Насколько я понимаю, на ваш лагерь было совершено вооруженное нападение. Скажите, пожалуйста, господин Брендон, какова была численность вражеских сил, а также опишите степень их вооружения. Если вы сможете высказать свои предположения касательно того, кто стоит за этим происшествием, то я вас также с удовольствием выслушаю.

Наступило молчание. Брендон снова отвернулся от аудитора, как будто ее не было в этой комнате.

– Господин Брендон? – нетерпеливо напомнила о себе женщина.

Но он не отвечал.

– Господин Брендон, я прошу вас ответить на поставленные мной вопросы, иначе мне придется...

– Один, – тихо произнес мужчина.

– Прошу прощения?

– Он был один, Мелентия. Один взрослый мужчина.

Аудитор не повела и бровью.

– Хорошо. Каким оружием он пользовался?

– Он был совершенно безоружен.

Женщина слегка нахмурилась, но тут же взяла себя в руки.

– Хорошо, господин Брендон. У него были какие-то требования, чем он вам угрожал?

– Он хотел провести расследование...

– Расследование? Тогда кем он был уполномочен? Или это был частный детектив?

– Нет. Это был... аудитор.

– Что? – теперь уже женщина не на шутку встревожилась.

– К кому же он был прикреплен? Кто был его хозяином? – нервно спросила она.

– К королю Виллему Пятому, – хмуро произнес Брендон.

– Но, господин Брендон, к королю Виллему уже была прикреплена наш младший аудитор...

– Да я знаю! Знаю! Что ты от меня еще хочешь, Мелентия? Выставить меня дураком? Так это уже сделано, можешь не беспокоиться!

– Господин Брендон... я думаю, что вам надо взять себя в руки.

Он резко повернулся к ней и окинул ее мрачным взглядом.

– Тебе бы тоже. Дрожишь, как испуганная курица.

– Это оскорбление, господин Брендон. Но по старой дружбе я не буду вносить его в отчет.

– Да делай что хочешь, женщина, – он снова отвернулся от нее.

Мужчина бережно смочил тряпку в теплой воде и аккуратно стал протирать горячее, покрытое липким потом лицо своей возлюбленной.

– Хорошо, – аудитор сделала глубокий вдох, собираясь с духом. – Есть ли у вас основания, господин Брендон, считать, что это действительно был королевский аудитор?

– Я не знаю, – Брендон печально покачал головой. – То есть теперь не знаю. Сначала мы восприняли все это как некую дурную шутку...

И он начал свой сумбурный рассказ о донельзя сумбурных событиях прошлой ночи.

Аудитор старательно отмечала особо важные моменты, бесстрастно отражая эту странную историю на бумаге и в своей памяти, чтобы в предельно четких деталях доложить все своему хозяину. Но про себя она невольно задумывалась о реалистичности происходящего.

Мужчина средних лет, одетый в мантию старшего государственного аудитора, которую невозможно было отличить от настоящей. Или она и была настоящей?

Псевдоаудитора звали Зигмунд. И при нем был ручной ворон, обладающий невероятной магической силой.

Этот странный гость мог общаться с дикими оборотнями, от которых человеческого остался лишь внешний вид, да и он постепенно терял свои привычные очертания.

И жена Брендона, Моргана. Суккуб, пришелец из другого мира, женщина-демон, обладающая необъяснимо фантастическими способностями. Она была гораздо сильнее любого другого человека, могла на равных потягаться даже со старшими аудиторами, а ее способность очаровать любого мужчину или даже женщину никогда не давала осечек.

Какую игру ведет Брендон, если он врет? И зачем ему врать настолько фантастически убедительно?

Аудитор закончила интервью, с облегчением закрыла исписанный вдоль и поперек различными заметками блокнот и вышла из комнаты, предварительно поблагодарив мужчину за оказанное следствию содействие.

Брендон лишь невразумительно буркнул ей в ответ, но она не обратила на такую мелочь внимания. Все ее мысли теперь занимали загадочный гость, посетивший лагерь разбойников, а также не менее загадочное покушение на короля Виллема. По пути она прихватила с собой бутылку вина, понимая, что ей предстоит короткая бессонная ночь, состоящая из интересных мыслей, выпивки и одиночества.

Лишь когда возлюбленные остались одни, Брендон наклонился к девушке и нежно поцеловал ее в губы.

– Выживи, хорошо?

Он тепло улыбнулся ей, глядя ее руку. Он собирался еще долгое время пребывать у ее ложа, передавая ей свою энергию, свою любовь через одним им введомый энергетический канал. Пусть она выпьет его досуха, пусть он упадет замертво от усталости и изнеможения, но главное, чтобы она выжила.

Ведь Брендон был практически единственным, на кого не действовали чары Морганы. Он был им совершенно неподвластен. Потому что лучшее средство избавления от влюбленности – это сильная глубокая неразрушимая любовь. А он любил ее всем своим человеческим сердцем.

Она вдруг резко сжала его руку и подалась вперед всем телом.

– Тихо, тихо, – нежно произнес он, укладывая ее обратно. – Все хорошо, я здесь. Отдыхай.

Но она явно тянула его к себе, и он прильнул ухом к ее потрескавшимся от внутреннего жара губам.

– Если он здесь... беги, спасайся...

– Его больше здесь нет, любимая. Он ушел. Просто ушел. Все хорошо.

– Нет... не хорошо...

Ее слова были едва-едва слышны, и он сильно напрягал слух, чтобы разобрать хоть что-то.

– Отдыхай, любимая, все хорошо. Отдыхай.

– Если он придет, – снова хриплым и тихим голосом произнесла она. – То убегай. Оставь меня.

– Я тебя никогда не оставлю, ты же знаешь, – и он сильно сжал ее нежную ручку.

– Тогда мы умрем вместе...

Губы ее исказила рваная недобрая улыбка. Он нахмурился и приблизил свои губы к ее щеке.

– Кто это, любимая? Кто это был на самом деле?

Она тяжело вздохнула, мучительно набирая в грудь воздуха, и на ее больном выдохе он услышал ответ, которого он никогда не ожидал услышать.

И с этими словами она обреченно откинулась на подушки, возобновляя свой отчаянный бег по дороге жизни, испещренной ямами и оврагами, покрытой вязкой грязью и широкими глубокими лужами. Но она продолжала бежать, а ее муж давал ей для этого все необходимые силы. Она должна была добежать до финиша и выжить. Любой ценой.

А что до этого... с ним он разберется позже. Обязательно разберется. Ведь все монстры должны встретить одинаковый конец.

Все они должны оказаться глубоко в могиле. Иначе и быть не может.

XXX

– Ты убил ее, – мягко сказал ему священник в белоснежных одеждах.

– Да. Знаю, – виновато повторил уже сказанное тысячу раз Зигмунд.

– И что ты скажешь в свое оправдание, Зигмунд?

– Мне нечего сказать, святой отец.

Священник тяжело вздохнул, садясь в кресло напротив Зигмунда.

– Вот, смотри, – он показал Зигмунду книгу в мягком переплете. – Она очень любила ее читать. Я сам ей читал, когда она полностью ослепла.

– Да, – тяжело проглотив ком в горле, тихо ответил Зигмунд.

– А теперь ее больше нет.

– Да.

Они немного помолчали.

– Зигмунд, давай будем с тобой откровенными. Ты же сам сказал, что хочешь быть честным с самим собой, так? – священник мягко взял руку Зигмунда в свою и по-отечески мягко взглянул на него.

– Да, – Зигмунд, казалось, уже позабыл другие слова.

Он смотрел, не моргая, ничего не соображая, на стену позади священника, весь напряженный, встревоженный.

– Скажи мне... только честно! Если ты солжешь служителю Бога, то это будет несомненным грехом, но если ты солжешь себе, Зигмунд, то это будет предательством от самого близкого к тебе человека. Ты понимаешь?

– Да.

– Скажи мне... какое место ты занимаешь в этом мире? Зачем ему нужен? Чем ты можешь пригодиться? Какую пользу ты несешь? Ты же прекрасно знаешь, Зигмунд, что все в природе имеет свой четкий не размытый смысл. Так какой смысл... в тебе?

– Я... не знаю, святой отец. Я не знаю, – едва сдерживая слезы, тихо произнес Зигмунд.

– Тогда... – священник вздохнул, словно разговаривал с маленьким ребенком. – Почему ты еще жив, Зигмунд? Почему ты жив, а она мертва? Почему ты позволяешь существовать подобной несправедливости?

– Потому что... – Зигмунд запнулся.

– Зигмунд, – святой отец крепко пожал руку Зигмунда. – Она бы не хотела, чтобы ты жил. После всего, что ты сделал. Она желала бы счастья миру и тебе, ты же ее знаешь... но миру будет лучше без тебя, Зигмунд. Это единственно верная правда, и ты ее знаешь.

– Но я не могу, отец, не могу! Сколько я ни пытался – ничего не выходит, ничего! – горько произнес Зигмунд со слезами отчаяния на глазах.

– Поэтому я здесь, сын мой. Чтобы ты искупил свои грехи. Я помогу тебе, Зигмунд, тебе нужно верить мне. Скоро все закончится, обещаю.

Успокаивающее тепло руки священника как будто подтверждало его слова. Может, и правда возможно найти выход из всего этого кошмара?

– Так вот что тебе постоянно снилось, когда ты метался ночью у костра...

Рестар пододвинул свободный стул к столу и сел рядом с Зигмундом.

– Да... – устало произнес Зигмунд, аккуратно отнимая свою руку от святого отца. – Я сам создал этот искусственный кошмар, каждый день пододвигая себя к самоубийству. Это словно воспаленная фантазия, гипертрофированный мазохизм, заключенный в оболочку абсурдной выдумки, которая приносит странное темное запретное удовольствие. И это не единственная сценка из большого театра моего сознания. Но в других повторяется примерно то же самое – хорошие люди, которых я когда-либо знал, обвиняют меня в моей слабости, ничтожности,

ненужности, говорят всякую нелепую бессмыслицу, несвойственную им. А я лишь слушаю, внимаю и плачу от собственной нелепости, терпеливо и успешно подрывая мою самооценку и веру в будущее.

– Ты честно признался мне в том, о чем некоторые не расскажут никогда в своей жизни...

– Рестар покачал головой.

– Может быть, они просто этим и не занимаются.

– Я не уверен.

Они помолчали, смотря на замершего священника, который так и остался сидеть с протянутой рукой.

– Как ты здесь оказался? – поинтересовался Зигмунд у своего друга.

– Откуда ты знаешь, что я не часть твоей выдумки?

– Ты говоришь не по сценарию. С тобой сценок еще не придумано, ты недавно в моей жизни.

– Я... просто здесь оказался. После того как выслушал свои кошмары. А потом... как будто открылась дверь, и я очутился здесь.

– Твои кошмары? – Зигмунд откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

– Да.

Дальнейших объяснений не последовало, но Зигмунду и не было интересно.

– Наверное, ты умеешь улавливать незримую связь между собой и другими людьми, – высказал свою догадку Рестар.

Зигмунд лишь кивнул. Эта гипотеза ему также была неинтересна.

– Что ты решишь? В итоге? – спросил Рестар.

– А у меня есть выбор?

– Да. Теперь есть. Выбор между жизнью и смертью.

– Почему ты так уверен, что я смогу пробудиться? Эти разбойники явно знали свое дело.

– О, ты удивительный человек, Зигмунд. Я просто знаю, что ты сможешь.

Они еще немного помолчали.

– Но тогда выбора у меня нет, – подытожил ситуацию Зигмунд.

– Почему?

– Я бы мог проявить полное бездействие и умереть, если бы речь шла только обо мне, Рестар. Но я не могу решать и за тебя.

– А ты не думал, что я также хочу умереть? – прямо спросил оборотень.

Зигмунд удивленно посмотрел на своего друга.

– Не думал. Ты не говорил.

– Не говорил. Но я хочу. Просто у меня не хватает смелости. Я не могу быть честен с самим собой, как это делаешь ты. Я обычный трус, который прячется среди жизненных событий, не имея сил в себе их оборвать навечно.

Зигмунд на мгновение задумался.

– Я всегда о себе думал, как о трусе. Что это я хочу сбежать от жизни, в которой не нахожу места.

– Как видишь, все зависит от точки зрения.

– Точка зрения... – почти про себя произнес Зигмунд.

XXXI

- Держите чертову птицу! Дик, проверь там наших гостей! Быстрее, пошевеливайся!
- Босс... Норм... он мертв...
- Проклятье! – женщина смачно и цветисто выругалась, одновременно сплюнув на пол. Зигмунд резко открыл глаза.

Реальность больной резкой вспышкой мгновенно заполнила сознание, выдергивая его из прекрасной дремотной неги. Его тело словно пронзила тысяча иголок, а желудок начал лихорадочно работать, подгоняя наполовину переработанный завтрак на выход.

Да, реальность ни с чем не спутаешь. Она сшибала с ног, ставя тебя на твое ничтожное место. С реальностью никогда не поспоришь. От нее можно на время уйти в мир фантазий и измышлений, но она всегда вернет тебя обратно, всегда напомнит о себе.

А любовь, подумал вдруг Зигмунд. Любовь – это фантазия, основанная на реальности, или же реальности вкупе с фантазией? Это своеобразный побег от обыденности или же обыкновенная дань традициям?

Он вышвырнул эти странные мысли из головы, стараясь сосредоточиться на главном.

А главное – у него получилось. Рестар, конечно, верил в него, но Зигмунд до конца не был уверен в своей теории. Она заключалась в том, что в своем психологическом обосновании сон является неким итогом усталости от жизни, то есть это нечто близкое к самой смерти. Спать – это нежелание больше жить. Это даже больше, чем правильный образ жизни, больше, чем распорядок дня. Многие указывали в причинах сна усталость, но разве усталость могла объяснить тот факт, что спать нам хотелось иногда больше обычного? Что мы иной раз не могли заставить себя встать с кровати и встретиться с реальностью? Мы хотели спать и дальше, то есть мы бежали от реальности. В этот самый момент мы не хотели жить, реальность теряла все свои привлекательные качества, которые мы сами себе и придумали через фантазии.

Любовь умирает рано или поздно. Надежда в будущее тоже. Вера в друзей и родных неумолимо угасает. И тогда спать хочется все больше... и больше... пока не засыпаешь навечно.

Ядовитый газ, что использовали бандиты, воздействовал на само тело, поражая определенные участки мозга, что приводило к бессознательному состоянию, а чаще – и к смерти. Зигмунд и Рестар были монстрами, поэтому даже усиленная концентрация ядовитого вещества отключила их от реальности, но оставила их в живых.

Возможно, разбойникам они и нужны были живыми. Они откуда-то узнали, что Рестар был оборотнем, а таких монстров всегда можно выгодно продать нужным людям. А если Зигмунд был обычным человеком, то он бы просто умер – быстро, безболезненно, эффективно.

Но если предположить, что эффект от яда является лишь сном, то есть своеобразным уходом от реальности, то лекарством от него может быть простое желание жить. Если заставить поверить свое сознание, что ты хочешь жить, что ты действительно *просто* хочешь жить без обоснования каких-либо целей, без постановки самому себе задач, без принципов, базисных фундаментов, чувства ответственности и всего прочего, из чего складывается жизнь обычного человека, то ты имеешь шанс проснуться.

Потому что... объяснения не нужны.

Не действия делают тебя личностью, ведь постоянно действовать ты не в силах.

И не место и статус, определенные тебе обществом, вовсе нет.

Человеком тебя делает лишь твоя точка зрения. Она дает тебе место в этом странном мире, и она же обосновывает все, одновременно не обосновывая ничего. И в этой простоте таится сама жизнь, где нет места причинно-следственным связям, объяснениям смысла жизни и определению любви. Там нет вообще ничего, лишь святая пустота, которая заполняется лишь тобой.

Противоречия всегда тянут тебя вниз, отягощая простое сложным, но иногда жизнь напомнит тебе, что бесполезно отвечать на миллионы вопросов, ведь ответ сосредоточен исключительно в тебе.

Он резко встал и оттолкнулся от земли, словно у него появились крылья веры... веры в бесконечную и безграничную картину бытия.

Женщина не успела вовремя среагировать, когда он уже был позади нее, сомкнув свои жадные зубы на ее морщинистой шее. Он впился в ее тело, словно голодный зверь, который, наконец, настиг свою добычу.

Женщина хрипло вскрикнула, забилась в его руках, но ее усталое старческое тело не могло отбиться от монстра. Ее сознание хорошо работало, как и в прежние времена, но ее физическая подготовка со временем стала сдавать.

Краем глаза Зигмунд заметил, как остатки дрожащей разбойничьей дружины поднимают свои арбалеты, направляя на него и женщину заряженные болты. Но это его уже не беспокоило.

Потому что он и правда чувствовал связь. Как и говорил Рестар. Он не знал, откуда она у него взялась и была ли до этого, но он ее теперь явственно ощущал. Он с еще большими усилиями впился в горло своей жертве, выпивая ее жизненную энергию.

А затем он начал ее передавать по ранее скрытым от него каналам. Сначала – ворону.

И вот его пернатый друг с взъерошенными перьями словно восстал из мертвых и поднялся в воздух, расправив свои огромные черные крылья. Он так ожесточенно и яростно ими взмахивал, что поднялся невиданной силы ветер, который заставил бедных разбойников держаться друг за друга, за обломки скамей, за мрачные серые, потускневшие от времени, колонны. Кто-то упал, но абсолютно все кричали от ужаса и страха.

Этот ветер словно состоял из нитей темной энергетике, которая пропитывала нутро Зигмунда и которую он передавал ворону. Он делал это исключительно по наитию, не руководствуясь прошлым опытом и знаниями.

Тело женщины приобрело мертвенно бледный оттенок, но кровь вместе с энергией продолжали поступать. И Зигмунд, не откладывая, проложил второй энергетический канал к своему другу.

Который весь вздрогнул, словно его ошпарили электрическим разрядом, схватился за голову, но, быстро собравшись с силами, вскочил и, давая себе лишь мгновение на общую оценку ситуации, помчался к застигнутым врасплох разбойникам, которые так и не оправались от пережитого. Идя наперекор мощному ветру, Рестар убивал своими мощными когтями все живое на своем пути, действуя хладнокровно, расчетливо, методично.

Лишь когда последний разбойник был повержен, Зигмунд отнял себя от тела своей бедной жертвы, отбросив ее в сторону, как ненужный куль мяса.

Ветер мгновенно стих, а ворон спокойно приземлился на старую скамью. Его глазбусинки почему-то отливали красным.

– Это было еще то зрелище... – тяжело дыша, произнес Рестар.

Зигмунд промолчал в ответ.

– Так значит, ты... – начал Рестар.

– Да. Я тебе не говорил, но теперь ты знаешь правду. И я спрошу тебя, как ранее спросил меня ты. Что ты будешь делать в выборе между жизнью и смертью? Я не буду сопротивляться, обещаю, ты можешь убить меня.

Левая рука оборотня уже обернулась нормальной, но правую он оставил в преобразенном состоянии – с ее острых когтей медленно и неумолимо капала тягучая красная кровь.

– Я не люблю долго думать, Зигмунд. Не умею. Прости.

И он направился к Зигмунду резким и быстрым шагом, занося на ходу свою лапу.

– И ты меня прости, – прошептал Зигмунд, закрывая глаза.

Раздался мерзкий удар, оповещающий о том, что когти вспороли мягкое тело своей жертвы. На этом охота была окончена.

Зигмунд медленно открыл глаза.

– Всегда заканчивай начатое, Зигмунд. По крайней мере, в бою. Ни к чему оставлять после себя врагов.

Рассеченное тело женщины медленно обступалось со всех сторон лужицей блестящей крови.

– Я не хотел ее убивать, – покачал головой Зигмунд.

– Но так надо. Она наш враг.

Зигмунд быстро подошел к Рестару и притянул его к себе за воротник рубахи.

– Но почему? – жестко спросил он, глядя оборотню прямо в глаза. – Почему ты оставил меня в живых, если знал? Теперь-то я понимаю, что ты знал и ранее... почему?

Рестар отнял его руку и слегка оттолкнул Зигмунда.

– А что я должен был сделать? Осудить тебя? Каннибал будет винить кровопийцу? Это лицемерие, Зигмунд.

– Ты знаешь, о чем я, – сурово ответил ему Зигмунд.

– Ты хочешь сказать, что все оборотни уверены, что именно носители темных душ виноваты в их бедах? Да, это так, Зигмунд. И я не отличаюсь от моих собратьев по крови, только обвинять я предпочитаю всех разом – и людей, и оборотней, и аудиторов и... *вашу* шайку. Я виню весь мир, что он со мной сделал. И делаю это так основательно и так изощренно, что никто до сих пор не мог превзойти меня. Я презирал всех, Зигмунд, абсолютно всех, считал себя лучше и одновременно хуже других. И решил в итоге стать одиночкой. Кем ты меня считаешь, оборотнем? Но я уже давно не принадлежу стае, давно не выхожу на общую охоту. А некоторые из них убьют меня при первой встрече, как злейшего врага.

– То есть так, как волк-одиночка, – тихо произнес Зигмунд, весь обмякнув.

Рестар усмехнулся.

– Только я не волк, – он грузно присел на скамейку рядом с вороном. – Я немного другое животное, но смысл примерно один и тот же. Но я ответил на твой вопрос – мне незачем тебя убивать, Зигмунд, если ты сам не желаешь мне зла. Мой мир теперь сосредоточен во мне самом, я не принадлежу никаким силам, не несу ответственности, не имею статуса. Я лишь живу до тех пор, пока не умру. Без цели к существованию, без миссии, без смысла.

Они помолчали.

– Может быть... может быть, так и надо? По крайней мере, пока? А потом мы найдем эту самую цель, или она найдет нас? – задумчиво произнес Зигмунд.

– Мы? – удивленно переспросил Рестар.

– Ты уходишь? Я думал, что мы можем продолжить наше бессмысленное существование вместе. Потому что у меня тоже нет общества, где я могу служить каким-то общим идеям.

– А разве твоя связь с... *другими* не постоянна? Ее можно оборвать? – недоуменно спросил Рестар.

– Не думаю, что эта связь когда-то вообще имела место быть, – пожал плечами Зигмунд. – Малькольм и Келен как-то сказали мне, что моя темная душа вообще имеет как будто другую природу происхождения. Но я об этом ничего не знаю и никогда не интересовался.

– Если честно, среди оборотней никто также особо не знает о темных душах. Вас просто считают врагами и убивают без особых размышлений.

– Это имеет свой смысл. Малькольм как-то высказал догадку, что именно носители темных душ на самом деле управляют аудиторами, а те уже отслеживают оборотней и волшебников.

– И где же твой личный аудитор, Зигмунд? – смеясь, спросил у друга Рестар.

Зигмунд лишь развел руками.

– Потерялся по дороге, наверное. Я бываю иногда довольно рассеянным.

Ворон в подтверждение каркнул, и они рассмеялись.

– Я не обещаю, что смогу надолго составить тебе компанию, Зигмунд, но пока она мне определенно приятна, – он тепло улыбнулся своему другу. – А сейчас предлагаю выпить. Мы с тобой хорошо сегодня потрудились, а у этих уважаемых людей, которые отдыхают на полу, явно есть пара монет, которыми они не прочь поделиться. Ты как?

– С радостью. Никогда не откажусь от хорошей выпивки. А сейчас сойдет и плохая.

Он протянул руку, и ворон перелетел к нему. Зигмунд аккуратно посадил его себе на плечо, и все вместе они вышли на прохладный утренний воздух.

Солнце ярко освещало их путь к деревне, а на душе было легко, спокойно и слегка радостно, как будто они недавно избавились от тяготившего их душевного балласта.

XXXII

Толпа собралась приличная. И она все росла и росла. Довольно нетипичное зрелище для города, в котором несогласованные массовые сборы людей негласно запрещены.

Множество простых деревянных широких скамеек поместили перед импровизированной сценой, но они довольно быстро заполнились заинтересованными зеваками, на которых сзади давили другие до ужаса заинтересованные граждане. Никто, впрочем, не замечал неудобств – все весело разговаривали между собой, ожидая начала представления, а между людьми, словно змеи, сотканые из корыстно правильных побуждений, ловко сновали мелкие торговцы, предлагающие различную снедь по заоблачным ценам. И многие с удовольствием покупали их незамысловатую продукцию – особенно те, кто не догадался взять с собой чего вкусенького.

Но Келен и Фрея давно поднаторели в такого рода делах, поэтому некоторые особо приметливые личности могли увидеть их вальяжно развалившимися на крыше и попивающими молочные коктейли. А если бы у кого из граждан оказался с собой бинокль, то он как раз успел бы заметить, как красивая поджарая спортивного телосложения девушка передает внушительный кусочек пиццы маленькому мальчику, который лежал на ее плече, зарывшись в ее длинные непослушные волосы.

У Келена, кстати, бинокль был с собой, и сейчас он с любопытством рассматривал в него окружающее пространство. Вид с выбранной ими крыши открывался поистине великолепный, а чувство легкой вседозволенности приятно грело им душу. Ведь еще несколько дней назад на крышах категорически воспрещалось вот так незастенчиво лежать, а тем более рассматривать все вокруг. Но времена изменились и, возможно, даже в лучшую сторону. По крайней мере, на текущий момент уж точно.

– Малькольм будет держать речь, да? – спросила девушка у Келена.

– Ага. Он с радостью вызвался. Похоже, ему это нравится.

– Как и мучать бедных девушек в подвале, – с нескрываемым сарказмом заметила Фрея. – И он еще с такими усилиями пытался это от меня скрыть!

– Думал, что ты его отругаешь, – лениво предположил мальчик, пожимая плечами.

– Да меня особо не интересуют чужие извращенные пристрастия. Пусть он хоть там спит с ней или режет на части – мне без разницы.

Келен рассмеялся.

– Спать с аудитором – вот это задача!

– А что, думаешь, у финансистов не может быть секса? Они только изображают из себя фригидных неприкосновенных особ, а сами...

– Я слышал, что кроме самого факта их бесплодия у, по крайней мере, девушек в результате заключительной части Собеседования половые органы могут быть просто... выжжены.

– А я считаю, что это чепуха и выдумки феминистической пропаганды, чтобы на девушек не смотрели, как на сексуальные объекты, – резко возразила Фрея. – Все у них должно быть нормально, по крайней мере, если полежит с мужчиной в кровати и понежится – ничего с ней не станет, не растает.

– А как же долг? Патриотизм? – с ухмылкой спросил мальчик.

– Если долг и работа препятствуют хорошему сексу и нормальному сну, то лучше послать все это к черту как можно быстрее.

– Хорошим это никогда не кончится, – согласился мальчик. – Но раз уж мы начали сплетничать, то мне кажется, что самому Малькольму секс не так интересен...

– Это вряд ли, – медленно произнесла девушка, как будто уйдя на мгновение в свои мысли.

– Почему ты так думаешь? – удивленно спросил ее мальчик, слегка приподнимая голову.

Она мягко положила ему руку на голову, укладывая его обратно себе на плечо.

– Лежи, не дергайся, – она минуту еще помедлила, собираясь с мыслями, перед тем, как сказать. – Мне кажется, что такие люди, как он, рано или поздно отчаиваются найти себе хорошую пару. И они начинают... как эта штука называется в психологии? Ну когда всю сексуальную энергию тратишь на что-то другое... сейчас это новая модная теория, везде о ней трещат.

– Не знаю, – отрицательно покачал головой Келен, никогда не интересовавшийся подобными вещами.

– Вот это он и делает. Занимает себя всем, чем только можно, чтобы не задавать себе лишних вопросов.

Мальчик, всегда впадающий в сонную дремоту, когда речь заходила о психологии, сладко зевнул и крепко обнял свою девушку, а затем положил свою голову ей на колени. Она принялась рассеянно гладить его, все еще витая в облаках от обрушившихся на нее мыслей.

– Ну и ладно, – вполголоса произнес мальчик, которого убаюкивали и успокаивали нежные прикосновения его девушки, тепло ее тела, ее приятный и родной запах. – Главное, что он смог нам помочь...

– Это да, – согласилась Фрея. – Он неплохой специалист в своей области, вынуждена признать.

– Фрея-Фрея, – укоризненно нежным голосом сказал Келен. – Неужели я слышу в твоём голосе нотки уважения?

Она тотчас же наклонилась к мальчику и больно укусила его за ухо. Он в ответ принялся ее щекотать, и они со смехом начали кататься по крыше, заставляя случайных прохожих останавливаться на их крики.

– Дурак! Свалимся же!

– Зато вместе, – мальчик нежно поцеловал ее и положил свою голову на ее мягкую грудь, слушая ее мерное дыхание и ритмичный стук сердца.

– А почему я не должна испытывать к нему уважения, даже если он сам, как человек, мне глубоко противен? К тому же он вылечил меня, пусть и не до конца, да и трусом его не назовешь – он не выказывал никакого заметного страха во время битвы. И он... тоже немного сумасшедший, как и мы...

– Немного? – скептически произнес мальчик, лениво приоткрывая глаза.

За эту ремарку его вновь принялись кусать, но уже не так сильно. После очередной милой потасовки они поменялись местами, и теперь уже Келен гладил свою девушку по голове.

– А как думаешь, – невинно спросил он, – какая девушка ему бы подошла? Если брать твою теорию, что он никого не смог найти за всю свою жизнь, за истину.

– Ну... – Фрея опять задумалась, благо ей очень нравились все эти девичьи разговоры о поверхностной романтике. – Он очень гордый, упрямый, честолюбивый, ему кажется, что он прав абсолютно во всем, а если он не прав, то никогда этого не признает. С одной стороны, ему бы подошла милая девушка, которая бы во всем с ним соглашалась и превозносила его, как маленькое божество. Но...

– Но? – мальчик аккуратно раскладывал ее волнистые пряди, любуясь ими на ярком солнечном свете.

– Но она бы ему быстро надоела. Действительно, говорят, что мужчины женятся на дурочках, а также на дамах податливого характера, но такое подходит лишь тем, кто жестко делит свою жизнь на дом и работу. Такой мужчина приходит с работы, а его встречает женщина, которая не допытывается, чего он добился, какие он цели ставит перед собой, почему он так медленно прогрессирует...

– Разве такая вообще кому-то понравится? – удивленно спросил Келен.

– Судя по тому, как ведут себя современные пары – такие женщины устраивают всех. И женщины тоже так думают, поэтому ломают себя, уходят в рациональность, прогибаются под

саморазвитие, становясь частичкой целого безобразного, но коллективного, а не отделяясь от толпы, становясь обычной, незащищенной, простой и уникальной.

Мальчик слегка потряс свою подругу.

– В тебя как будто демон вселился, даже голос стал на мгновение монотонным и сонным.

Ты в порядке? – забеспокоился мальчик.

– Может быть, вселенная через меня пытается показать миру свое несовершенство?

– Ага. А по-моему, ты просто несешь, что в голову придет, – мягко сказал мальчик, щипая ее за нос.

Она отмахнулась от него и рассмеялась.

– Ну и что? Иногда хочется о всяком бреде поговорить, – она вздохнула и снова ушла в мысли. – Но если серьезно, то да, такая податливая и милая девушка ему точно не подойдет. Он постоянно занят, постоянно в каких-то мыслях, проектах, требовательных мечтах... мне так кажется. Ему бы подошла некто вроде партнера, человека, с которым можно что-то сделать, обсудить, горячо профессионально поспорить без ожидания глубоких обид на следующий день...

– А, – догадался мальчик. – Ты имеешь в виду, как у нас с тобой?

– Почему нет? Просто у него сфера другая. Мы путешествуем по миру, убивая всех, кто нам не нравится, а он... что-то там делает у себя дома.

– Ага, – просто произнес мальчик, целуя ее в губы.

Поцелуи, нежности и обмен плотскими любезностями продолжался еще около получаса, а затем они сели на краю крыши, и каждый взял в одну руку теплый от солнечного жара молочный коктейль, а в другую кусочек размякшей пиццы. Вооруженные и готовые ко всему они пристально вгляделись в сцену, на которой недавно появился Малькольм, властным и жестким голосом призывавший всех к порядку и тишине.

Да, с девушкой будут явные проблемы, с горечью подумал Келен. Ведь призвание Малькольма (и это четко видел мальчик) было не в том, чтобы «что-то делать дома», а в политике. Волшебник не только прекрасно в ней разбирался, но и рассуждал о политическом мироустройстве с таким жаром и пылом, что даже Келен, крайне далекий от этой темы, с удовольствием заслушивался, когда они устраивали затяжные чаепития в его лесном доме.

Фрея пока не понимала, но Малькольм постепенно впадал в очень опасный для человека возраст, когда организм согласно биологическим и общественным часам должен отмирать, но мозг находится буквально на пике своего развития из-за обширного багажа знаний, накопленного за все прожитые годы. И если бы волшебник увлекался только наукой, то он мог бы прожить спокойно еще сотню или более лет в абсолютной изоляции, занимаясь любимой работой. Потом бы его обязательно нашел случайный аудитор или правитель, заинтересовавшийся научными открытиями странного волшебника, но все равно жизнь обещала быть относительно спокойной до момента его казни или убийства.

Но Малькольм был поистине талантливым человеком – иначе и не назовешь личность, которая одновременно умеет колдовать, занимается научными изысканиями, а именно изучением алхимических свойств некоторых реагентов в рамках их воздействия на организм человека, а также с головой ударяется в общественную политическую деятельность. На поверхностное изучение хотя бы одной из этих сфер у обычного человека могут уйти десятки лет, и эти знания будут охватывать лишь незначительный теоретический аспект без возможности применения обретенных знаний в жизни, а он на достаточно приличном уровне разбирается во всем вышесказанном и...

Он действительно сумасшедший.

И действительно в своем стремительном развитии как будто бежит от чего-то, что спрятано глубоко в недрах его души. Келен не любил психологию, но в случае с Малькольмом четко было заметно, что он бежит от самого себя.

Такая безумная самоотверженность пугала бы других, но Келена она донельзя восхищала. Он сомневался лишь в том, что Малькольм выдержит весь груз развития, что он в спешке взвалил на себя, что он не оступится по дороге, упав в бездонную яму отчаяния.

Хотя до этого могло и не дойти. Те игры, что он затеял, в современном мире практически всегда приводили людей к печальному и летальному концу. Действительно, Келена крайне интересовал исход их маленькой выходки, которую они затеяли в противовес остальному миру, но он точно знал, что общий итог будет один – они проиграют. А вот каким образом они дойдут до этого заранее известного печального результата и выживут ли в конце – вот она, настоящая загадка.

Мальчик любил разгадывать жизненные загадки. И он был крайне удивлен, что Малькольм в своем молодом (если сравнивать с Келеном) возрасте понял, что ты можешь получить от жизни полноценные ответы, только если будешь ставить свою жизнь на кон. Никаких полумер, только запасные планы на случай отступления. Но и этих планов в какой-то момент может не быть, и к этому надо быть все время готовым.

Он вспомнил, что за одной из долгих «чайных» бесед он решил раскрыть волшебнику часть своих гипотез и догадок:

– Вот ты говоришь, что хочешь получше изучить политический мир не только отдельно взятого государства, но и целого мира. Тебе кажется, что за кулисами прячется нечто, о чем никогда не говорят народу и даже близким придворным.

– Я бы это обозначил, как некий политический секрет или тайна, да, – Малькольм отпил уже из десятого кубка вина за вечер, все еще держась поразительно достойно.

– Но что если раскрытие подобного секрета... государственной тайны... что если это невозможно сделать тайком? То есть нельзя вот так просто подойти, посмотреть, задать интересные вопросы, а потом спокойно идти пить чай, как мы сейчас.

– Ты хочешь сказать... – волшебник почесал свой подбородок, что он делал в период поверхностной задумчивости. – Ты имеешь в виду, что знание влечет за собой ответственность, как бы банально это ни звучало? Невозможно выведать секрет, если тебе о нем не поведают? А если уж ты все разузнал, то ты теперь часть общей системы, что влечет за собой обязательства или...

– Смерть, – закончил за волшебника мальчик. – Смерть. И ничто другое. Ибо много знать опасно.

И он с веселым видом погрозил волшебнику пальцем.

– А что *ты* знаешь? – прямо посмотрел Малькольм на мальчика.

Мальчик не стал отпираться.

– Мне кажется, что все в этом мире довольно просто. Дьявол же в деталях, Малькольм, и вот эти детали уже интересны.

– Что ты имеешь в виду? Можешь пояснить? – волшебник был весь внимание.

– Это лишь догадки, Малькольм, – мальчик небрежно пожал плечами. – И всего я тебе не могу рассказать лишь по той причине, что я знаю так много мелких деталей обо всем и ни о чем, рассказ о которых займет не одну книгу. А вот какие из них важны... кто его знает? Но есть предположение, что управляют этим миром поистине сильные люди. Все же должно быть просто, так?

Келен усмехнулся.

– Сильные люди? Но...

Тут Малькольм закрыл глаза на мгновение и откинулся на спинку стула, рассеянно покачивая полупустой кубок с вином.

– Да, – шепотом произнес он. – Я понял тебя. Ты имеешь в виду носителей темных душ. Проклятых людей.

– Ну да, – легко согласился мальчик, аккуратно отрезая донельзя вкусное пирожное стальным ножом с позолоченной рукоятью. – Разве можно представить существ сильнее, если брать все обстоятельства? К тому же, кому-то должны служить аудиторы, верно?

– Не сказать, что я не рассматривал эту гипотезу, – задумчиво произнес Малькольм. – Но что нам это дает?

– Да ничего. Вообще ничего! Ноль. Пустота. Конец. Тупик. Ты же понимаешь, как ученый-любитель, что все вопросы разрешаются лишь практикой. Загвоздка лишь в том, готов ли ты пожертвовать ради каких-то знаний самым дорогим – своей жизнью?

Малькольм не колебался с ответом.

– А что такое эта жизнь без наполнения, Келен? Я устал жить, каждый день утыкаясь в очередной тупик. Это ужасно утомительно, это удручает, приводит в некое отчаяние. Мне не хватает ресурсов, связей... – он осекся, виновато смотря на мальчика, как будто сболтнул нечто лишнее.

Но Келен был так любезен, что не заметил промашки своего собеседника, и в данный момент с упоением уплетал пирожное.

– Очень вкусно, Малькольм, ты молодец. Не знал, что ты умеешь столь потрясающе готовить!

– Пустяки! – Малькольм отмахнулся от похвалы, но было видно, что ему все равно приятно было услышать комплимент. – Я решил, что если уж женщины справляются со столь заурядным делом, то мне развиваться в нем будет совсем просто.

– И как? Просто было? – еле слышно сказал мальчик с полностью набитым ртом.

– Не совсем, – волшебник тяжело вздохнул. – Я недооценил женщин, у них, видимо, есть на это некий природный дар. Мне понадобилось несколько лет, чтобы добиться хоть какого-то обывательского мастерства, но в итоге все получилось.

– И ты, как я видел, бегаешь по утрам, поддерживаешь свое тело в хорошей физической форме, – невинным голосом произнес мальчик.

– На что ты намекаешь, Келен? – раздраженно спросил волшебник.

– Да так, – небрежно произнес мальчик. – Ты как будто стараешься преуспеть во всем. Может быть, ты еще сражаться умеешь?

– Не во всем, Келен, а в базовых вещах, – серьезно ответил мальчику Малькольм. – Да, темная душа дает мне поразительные силы, предохраняет мое тело от дряхления и старости. Но я до конца не знаю ее свойств, поэтому хочу пребывать в здравом рассудке и обладать достаточно крепким здоровьем, чтобы быть готовым ко всяческим неожиданностям. Которые меня, несомненно, ждут, потому что вы, молодой человек, по каким-то своим причинам совершенно не хотите раскрывать природу темной души.

– Ну, я же тебе уже объяснял, Малькольм, это немного личное, – примирительно сказал Келен.

– Для ученого нет личных вопросов, и твои сведения могут оказаться крайне полезными для изучения.

– Ты со временем сам все узнаешь. Если доживешь, конечно, – с милой улыбкой на устах проговорил мальчик.

На этом их разговор и закончился. Как и многие другие до этого.

Но мальчику, в отличие от Фрей, почему-то нравилось общаться со старым волшебником, он чувствовал в нем человека живого, нетерпеливого и раздраженного на медленное течение вещей в мире. И было в этом что-то... милое. По крайней мере, до того момента, когда его черная душа не посоветует ему вонзить нож в спину мальчику. Или перерезать ему горло во сне. Во имя науки и общественной пользы.

А если Малькольм все же решит остаться на их стороне, то умеет ли он сражаться? Нет, этот вопрос он ранее избегал, обходясь лишь утренней пробежкой, парой отжиманий да под-

тягиваниями. Не густо, если против тебя опытный воин, а тем более аудитор или даже носитель темной души. Да и против вервольфа ты не простоишь и пары секунд.

Но что если волшебнику все же дать ту самую книгу заклинаний, которую он так часто упоминал? Он все же колдун, а не воин, авось вспомнит старые приемчики. Конечно, возвращать столь могущественную силу своему потенциальному врагу может быть несколько предосудительным поступком, но...

А что гадать раньше времени? Он даже не знает, откуда начинать поиски книги. Ведь они все были утеряны, а точнее тщательно уничтожены во время Магического Кризиса.

Говорят, что элементарная энергия самой земли находится прямо у нас перед носом, но она не подвластна простому смертному. Лишь людям с достаточным талантом, а также прошедшим обучение в Высшем Магическом Университете под силу подчинить себе магию стихий, но и то в крайне ограниченном объеме и только с помощью специальной книги заклинаний.

Таких книг раньше выпускалось очень и очень мало, что было связано с совершенно понятными предосторожностями. Такая книга закреплялась лишь за одним владельцем и не могла быть использована в чужих руках.

Была еще куча всяких условностей, в которые Келен никогда не вдавался, но он помнил те времена, когда начались гонения на волшебников. Именно тогда аудиторы и получили свой высокий официальный статус, хотя их должности существовали и до этого в качестве резервного, запасного плана. И вот кто-то решил, что пора доставать скрытые козыри из рукавов, а кто-то другой решил то же самое, но в своем понимании и видении вопроса... в общем, началась та еще неразбериха. Кроме аудиторов существовали еще и пресловутые инквизиторы, находившиеся на службе у Церкви, которая также желала ухватить часть своего пирога... а страдали в итоге волшебники, хотя некоторые из них даже костер не могли разжечь с помощью магии. Десять лет магического образования и все – ты враг народа. Подлый ведьмак, насылающий проклятия на людей. И пустым занятием было объяснять, что проклинают только ведьмы в сказках – народ, мозги которого промыли государственной пропагандой, твердо решил избрать безопасный путь решения вопроса. И такой путь вкратце звучал так – мертвый волшебник равняется светлому будущему. Странная мысль, зато простая.

В общем, теперь такая книга ценится как могущественный артефакт или даже выше. Хотя без опытного мага она совершенно бесполезна. И вряд ли такую штуку можно теперь где-либо отыскать, но Фрея кое-что услышала в одном городе, а Келен поспрашивал у людей, а затем они вместе *полюбопытствовали* у одного человека... когда кто-то лишается пальца, то язык быстро развязывается. Теперь цепочка событий была аккуратно записана в их походный блокнот, оставалось лишь начать проверять некоторые факты.

Но это подождет. Потом.

К тому же зачем им гнаться за какой-то там магической книгой, если аудиторы обладают частичным сопротивлением к стихийной магии? Ради любви к искусству и магической науке? Это можно, ведь жизнь – это бесконечная череда удовольствий и помощи хорошим людям. А если Малькольм покажет себя с хорошей стороны, то почему бы его и не порадовать подобной безделицей?

Торжественная речь Малькольма уже подходила к концу. Келен его не слушал, общественные тематики ему были никогда не интересны, особенно, если они были начинены всякой пропагандисткой чушью о патриотизме, заботой о народе и вселенской справедливости. Но такая милая лапша на уши благотворно и действенно влияла на честной народ, тут надо было признать прекрасные ораторские способности волшебника, это заслуживало уважения.

Люди все, словно замороженные, замерли, их тела сами собой наклонялись к сцене, ловили каждое слово. А потом под торжественную барабанную дробь на сцену, которая быстро, ловко и неожиданно вдруг тотчас же превратилась в эшафот, вывели всех видных чиновников,

государственных деятелей и министров. И аккуратно повязали на их шеи пеньковые прощальные галстуки.

– Вот это круто вообще! – радостно воскликнула Фрея, восхищенными глазами рассматривая сцену.

По народному собранию прошло волнение, ропот, начались легкие перешептывания. А затем один смелый активист все же нарушил столь гнетущее неловкое молчание.

– А что, так можно было?!

И все стали ожидать ответа, требовательно смотря на волшебника.

Малькольм специально выдержал еще одну невыносимо долгую паузу, а затем широко улыбнулся и по-отечески добрым властным и громогласным голосом сказал:

– Можно!

И через секунду все начали рукоплескать, кричать, веселый гомон и всеобщая радость, как бурное наводнение, вскоре заполнили всю площадь.

И Малькольм, как прирожденный артист, поднял руку и торжественно указал на бледных виновников торжества, которые в шоке проживали последние мгновения своей бесчестной жизни.

Не было суда и следствия. Ведь судей можно подкупить, а следствие затянуть.

Не было и общественного опроса. Ведь все и так знают, чего на самом деле хочет народ – чтобы вопрос бедности, уныния и жизненного отчаяния решился уже любым доступным способом. И народ хотел перемен, желательно к лучшему.

Не были выслушаны и чиновники. Ведь зачем очередной раз внимать пустым и безнадежным обещаниям пустобрехов и преступников?

Демократия, чистая, незамутненная, беспощадная, вынесла свой кровавый вердикт, пустив историю по новому пути.

Государственных служащих высокого ранга оказалось много, невообразимо много. Не все сразу могли быть повешены, не до всех сразу доходила очередь. Но народ был донельзя терпелив, пропала ежедневная суета, пропала вся эта городская хаотичность и безразличность к ближнему своему – все стояли, обняв друг друга за плечи, и плакали. Плакали от счастья, плакали, как только могут плакать бывшие рабы, сбросившие с себя стершие им тело до крови ржавые кандалы. Плакали, дышали и чувствовали себя хоть немного свободнее.

Кто-то, конечно, пытался бежать. Но его не пустили. Народная солидарность была настолько на высоте в этот день, что никто не хотел упускать ничего важного. Всем было не все равно. Все были заодно. Это была их земля, их город, и они вершили правосудие.

Местность вокруг сцены постепенно начала заполняться темной энергетикой, не видной для простого человека, но крайне ощутимой для носителя темной души. Келен, как особо восприимчивый к такого рода вещам, специально выбрал место подальше от разворачивающихся событий, но и до него постепенно доходили тлетворно пахнущие бесформенные темные миазмы отрицательной энергетике, которая заставляла его тело судорожно вибрировать, а его сознание ходить ходуном. Он вцепился в свою подругу, как в спасательную шлюпку, уткнулся носом в ее плечо, напряженно впитывал в себя ее тепло и ее нежный аромат, но эти ощущения все равно перебивались сладострастными нотками отчаяния и ужаса.

Он решил более не сопротивляться и впустил в себя кружащую в воздухе энергетiku, которая хлынула в него мощным темным вихрем. Его слегка подбросило, словно ударило сильным электрическим разрядом, но через мгновение он успокоился и просто лежал на раскаленной от солнечного жара крыше, наслаждаясь переполнявшими его ощущениями. Он не видел более эшафота, но он и без этого мог четко понять, когда умирала очередная жертва, которая добавляла все новые острые приятные извращенные переживания, раскрываясь, как черный цветок в его маленьком теле.

Он почувствовал, как Фрея наклонилась к нему и стала целовать его лицо, впиваться в его губы, кусать его шею. Она не могла настолько же сильно впитывать эту смертоносную энергетику, как и он, но она все равно ощущала ее, и ее чувства многократно обострились, ее желания усиливались, и она становилась ближе к своей звериной природе, как никогда раньше.

Их тела сплелись воедино, и они стали постепенно перемещаться к месту на крыше, где их никто не мог увидеть. Ведь Келен был первоклассным стратегом, и такие вещи он учитывал в первую очередь.

Он сорвал ее рубашку одним мощным движением, не заботясь более об условностях настоящего мира. Его переполняла невиданная мощь, и он хотел выплеснуть ее в едином страстном порыве.

Она не отставала. Она никогда не отставала.

Как там, интересно, Малькольм? Как он справляется со всей этой энергетикой, находясь столь близко к ее источнику?

И это были последние вопросы, обращенные к реальности, которые возникли в голове у Келена. Через секунду он уже был занят совсем другим.

А чиновники продолжали умирать под торжественные речи и одобрительные выкрики со стороны народа. Умирали в муках, в страхе и абсолютном непонимании, почему все так вышло.

Кто-то молился. Кто-то просто плакал. Кто-то отчаянно звал на помощь. Все они в этот самый момент были обычными людьми, жертвами, которых бросили на растерзание.

И все же... это был прекрасный день.

XXXIII

Очередная бутылка с вином была быстро опустошена под неутомимым натиском двух престарелых мужчин.

Странно, но первый раз за долгое время Зигмунд не ощущал себя старым. Равно как и мужчиной. Скорее, молодым свежим зеленым неопытным монстром, которому еще многое предстоит узнать.

Может, ему необходима была жизненная встряска?

Вряд ли. Он слегка покачал головой, смотря вслед уходящему из комнаты оборотню, который, покачиваясь, отправился на поиски уборной. Интересно, насколько ироничной можно назвать привычку искать туалет, когда ты давно признан обществом, как опасный кровожадный зверь? Или важно не то, кем считает тебя общество, а кем считаешь себя ты сам?

Нет, жизненная встряска все же тут ни при чем. У него так и не ушло желание уйти из этой жизни, он просто слегка приглушил его другими эмоциями, другими занятиями. Или в этом и состоит смысл всей жизни? Бежать от смерти, пока не надоест... занимать себя делом так ожесточенно и умело, чтобы только не думать о будущем конце. Может быть, именно поэтому Малькольм так отдался своей работе?

Ведь их раньше называли умными людьми. Они и сами считали себя таковыми. Эгоистично так думать, но что делать, если это правда? Слишком много мыслей, слишком много времени тратится на внутренние переживания. И чтобы заглушить все это, чтобы не спрыгнуть с обрыва, отчаявшись после тысячи мысленных тупиков, надо что-то делать.

Но просто «что-то» не помогает. Действительно, можно начать делать каждое утро зарядку. Найти любой род деятельности, например, работу в городе. Завести семью. Общаться с друзьями. Найти занятие по душе и по средствам. Но что если это все лицемерие перед самим собой? То есть вся жизнь и есть проявление лицемерия, но здесь мы хватаем лишнего... ведь если смысл жизни в бегстве от смерти, если боги прокляли нас, заставив быть прирожденными эскапистами, то...

Теперь Зигмунд начал отчетливо понимать, почему ему хотелось умереть. Да, теперь-то он все понял.

Теория проста. Общество дает тебе жизнь, дает тебе занятие и средства для существования. Тебе предоставляют ограниченный выбор рода деятельности, ведь все уже давно predetermined до тебя. И ты начинаешь крутиться в этой заранее созданной для тебя системе, своеобразной песочнице, проходя одни и те же пути, что и многие люди.

Рождение, базовая социализация, обучение в строго определенных общественно одобренных институтах, где твою голову наполняют общественно одобренными знаниями, затем работа, которую тебе преподносят, как некое высшее благо для разумного человека, а те, кто пытаются уйти от базовых правил, подвергаются гонениям и презрению. Затем тебе то тут, то там ведают о Любви, о ее красоте и незыблемой необходимости в ней. Ты веришь и Любишь, не понимая, что твои взгляды уже далеко не твои, а извращены общественными суждениями о том, как надо и как будет.

И все это нужно, чтобы ты забыл о смерти, чтобы ты прошел стандартный путь, оставил после себя таких же стандартных наследников. Ты не можешь оказать значительного влияния на целый мир, лишь локально и незначительно ты его преображаешь, но весь курс мировой истории предопределяется лишь одним типом людей.

Финансистами.

Эти презренные мужи и женщины управляют миллионами личностей, направляя их в единственно верное для развития мира русло. А правильность определяется сначала форму-

лами, расчетами, здравым смыслом, а затем человеческим тщеславием, честолюбием и маразмом.

Все правители этого мира – это отъявленные негодяи. И это нормально, ведь общество согласилось на такой порядок вещей, подписав незримый общественный договор. Все средства хороши, лишь бы избежать анархии и тотального беззакония.

Но что если такой порядок вещей изжил себя? Что если даже правители этого несчастного мира стали жить в какой-то замкнутой временной петле, совершая одни и те же преступления, наступая на одни и те же грабли, говоря все те же слова? Миру необходимо обновление, очищение от всей этой падали, грязи и наслоений жира. Дом может простоять долго, но время от времени его нужно чинить или реставрировать. А потом снести его и построить новый.

Молодые должны заменить старых. Это непреложная истина. Но что если мы все время смотрели на эту идею неправильно? Мы считали, что молодые – это те, кто молод по возрасту. А если этот молодой человек высказывает все те же старые неработающие идеи, те же взгляды, что и раньше? Так ли он молод на самом деле?

Зигмунд понял, почему он хотел умереть. Не только потому, что он более был не нужен в этом мире. Это также являлось правдой, ведь он прожил уже более семидесяти лет, а старики должны быть в могиле, по мнению правителей этого мира. Пожил, поработал и все, хватит. Умирай, ты больше не нужен.

Но это было не единственной причиной. Он хотел умереть, потому что он был стар. Стар не столько по возрасту, но из-за взглядов и суждений. Его мировоззрение устарело, потому что одними теориями сыт не будешь.

Малькольм был в чем-то прав. Саморазвитие – это для мнительных барышень, которые хотят из себя что-то да представлять. Но это бесполезно, если развитие проходит просто ради развития. В молодости мы можем это себе позволить, но затем сознание будет спрашивать... зачем?

Почему я изучаю новый язык? Просто так?

Почему я тренирую свое тело? Просто так?

Почему я занимаюсь этой работой? Просто так?

Он не мог больше быть настолько лицемерным по отношению к себе. Он не изменял мир, который именно в данный момент жутко нуждался в этих самых изменениях. И поэтому он был бесполезен. Не потому, что так решили финансисты. А потому что это было правдой.

Но как стать полезным этому несчастному бедному миру? Как привнести изменения? И стоит ли вообще искать ответы на такие вопросы? Или это очередная попытка убежать от смерти?

У него начала раскалываться голова от такого обилия вопросов.

– Вино делает тебя более задумчивым.

Зигмунд вздрогнул. Он так глубоко ушел в свои мысли, что не заметил, как вошел Рестар.

– Последние события вообще заставляют о многом задуматься...

– Ты о стычке в храме? – Рестар налил себе еще вина.

Зигмунд приметил, что его друг принес еще четыре бутылки. А они выпили уже шесть.

Интересно, он станет таким образом алкоголиком? Или носителям темных душ и оборотням просто иногда хочется напиться до беспамяतства?

– Нет. Я в общем, – он кивнул на новые непочатые бутылки. – Это не много будет?

– Нисколько, – просто ответил Рестар.

Зигмунд пожал плечами. Все равно голова наутро будет болеть, какая теперь разница?

– Расскажи мне о ней, – попросил Зигмунд своего друга.

– О ком, о ней? – Рестар собрал на лбу свои кустистые брови, непонимающе смотря на Зигмунда.

– О той девушке, что зажигала костер одним щелчком пальцев.

– Но как ты?.. – Рестар, казалось, даже мигом протрезвел.

– Догадка, – небрежно сказал Зигмунд.

Оборотень тяжело вздохнул.

– От тебя ничего не утаишь. Ладно. А ты мне расскажешь про ту девушку, что погибла?

Про ту, которую упоминал тот священник?

– Нет, – жестко и твердо отказал Зигмунд.

– Хорошо, – Рестар добродушно кивнул. – А я тебе расскажу.

Он положил ногу на ногу, налил себе полный кубок вина, откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Он разговаривал словно в полусне, и Зигмунд понял, что таким образом он хочет смягчить воспоминания, не говорить о них серьезно.

И он молчал. Просто слушал своего друга, без комментариев.

– Мы познакомились еще до Кризиса. Я помогал одному своему знакомому переправлять его караван, набитый различным контрафактным товаром, а она поехала вместе с нами как студентка магической академии, которой просто было по пути. Ей было немного страшно ехать по дороге в одиночку, тогда разбойники любили развлекаться с женщинами, а мой знакомый... в общем, нам было по пути. По пути...

Язык у оборотня стал немного заплетаться, но через мгновение он резко качнулся и пришел в себя.

– Она... она была очень красивой. Я сразу ее заметил еще до начала отправки, но не подходил к ней близко. Девочка же хочет побыть одна, зачем ей лишние знакомства? Но буквально через пару дней нашей экспедиции она пришла ко мне сама. Ночью и...

Он начал так широко улыбаться, что у Зигмунда разом потеплело в душе, прошла головная боль. Он налил себе еще вина в кубок.

– Понимаешь, я думал, что она пришла... ну, за этим. Потому что я сам хотел этого, понимаешь? Просто хотел... ну, ее хотел. Очень она была красивая. А она приходит, трогает меня за руку, будит и нежно выводит из нашего со знакомым походного шатра. И говорит... понимаешь... говорит...

На глаза Рестара вдруг накатились крупные слезы.

– Говорит... моя хорошая... она тут же без всяких вступлений, понимаешь, мне и говорит: «А можно я буду вас изучать? Пожалуйста!» И таким милым обезоруживающим голосом, что я вначале ничего не понял, только стою и люблюсь ею...

Наступило молчание. Оно длилось очень долго, но Зигмунд никуда не торопился. История исходила от души.

Оборотень слегка всхлипнул и зашмыгал носом.

– А я такой, – сказал Рестар после долгой паузы. – А я... «Изучать? Малыш, зачем тебе меня изучать?» А она... «Вы только не пугайтесь, господин, но вы же... вы же оборотень, правда?» И во мне словно все оборвалось, понимаешь? Такой милый голос, но такие опасные слова. Мое тело мигом напряглось, я был уже готов к худшему, но тут... словно ожидая этого самого чертова момента, понимаешь, луна как выскочила из облаков, и осветила ее, меня, все вокруг! И только тогда... понимаешь, только тогда я взглянул в ее глаза... прекрасные хорошие добрые глаза...

Рестар уже плакал, не сдерживаясь, тяжело облокотившись локтями о стол.

Зигмунд хотел что-то сказать, но тут он неожиданно увидел, как пара налитых кровью глаз смотрят прямо на него. Эти глаза были полны скорби и отчаянного желания отомстить. Это были глаза убийцы. Кровожадного безжалостного убийцы, зверя, который никогда не будет ведать отдыха, пока не довершит задуманное.

– Они выкололи ей эти глаза, Зигмунд, – он сказал это просто и отчетливо, в его глазах больше не было видно слез, а голос был тверд. – Ее прекрасные, нежные, самые лучшие на свете глаза. Сделали это просто ради веселья перед тем, как окончательно ее добить. Они мучали ее,

пытали и... они надругались над ее телом, надругались над бедным не виновным ни в каком злодеянии маленьким ребенком...

Он резко схватил руку Зигмунда и притянул ее к себе.

– Я до конца не знаю, кто ты, Зигмунд. Я не понимаю. Ты видишь во мне многое, а я вижу в тебе лишь зло и зло великое. Раньше, намного раньше я бы убил тебя или умер в сражении с тобой. Потому что так мне внушили, потому что так меня научили – носители темных душ должны умереть. И я в это верил.

Оборотень перевел дыхание, а его хватка стала еще жестче, еще требовательней. Зигмунд не сопротивлялся, он спокойно смотрел на своего собеседника, он был полностью в его власти.

– Но до чего довели меня эти взгляды? Что они принесли хорошего в мою паршивую жизнь? Зигмунд, – он вдруг отнял свою руку от руки Зигмунда, – меня не волнует твоё прошлое и пока не волнуют твои будущие намерения. Я вижу, что зло наполняет твою душу, но не мне судить тебя, когда я сам переполнен ненавистью и отчаянием. Я понял в последнее время, что важны не сами эмоции, что двигают человеком, но то, как он влияет на окружающий его мир. Зигмунд, я спрошу тебя несколько официально. Те люди, что управляют этим миром с помощью разума, рациональности и законов... чего они заслуживают?

Зигмунд ни секунды не колебался.

– Смерти. Потому что мир несовершенен по их вине. По крайней мере, я так это понимаю сейчас. Мне не хватает знаний, чтобы увидеть картину полностью.

Рестар еще раз сжал руку Зигмунда, но уже мягко и тепло.

– Тогда мы на одной стороне, Зигмунд. По крайней мере, пока. Мне тоже не хватает знаний, чтобы понять тебя полностью, но сейчас мне они и не нужны. Скажи только – если я на твоих глазах убью аудитора или носителя темной души, который делает этот мир таким, как он есть... ты будешь против?

– Вовсе нет, – Зигмунд тепло улыбнулся своему другу.

Рестар хрипло рассмеялся и сильно ударил Зигмунда по плечу.

– Тогда замечано! Не знаю, куда заведет нас наша дорога, Зигмунд, но сейчас я рад, что обрел нового друга, очень рад, Зигмунд.

И они выпили еще вина в знак неожиданного примирения и отправились на боковую, чтобы встретить новый день с большой головой, но свободной душой.

XXXIV

– Куда теперь? – Рестар начал чесать ухо, что он всегда делал в периоды легкой неопределенности.

– Ты первый раз спрашиваешь за долгое время, – Зигмунд усмехнулся. – Есть разница?

– В общем, нет. Но мы можем вернуться назад, к твоему другу.

– Куда угодно – только не туда, – Зигмунд вздохнул. – Не хочу снова стать ему обузой.

Мы встретимся позже... если выживем.

– Тогда давай перейдем границу, заглянем к русичам. Говорят, это интересный народ. Самобытный и депрессивный.

– Это нам подходит, – с легкой улыбкой кивнул Зигмунд.

И они с легкими сердцами и тяжелыми сумками отправились в путь. Была уже середина дня, солнце высоко висело на небосводе, на котором не было видно ни облачка, а тяжелое похмелье, преследовавшее их на протяжении трех последних дней, слегка отступило. Зигмунду даже иногда начинало казаться, что голова у него и не болит вовсе, хотя это было лишь психологической иллюзией, что он воссоздал в своем сознании ради хоть какой-то защиты.

Когда они уже потеряли деревню из виду, Рестар вдруг забеспокоился и начал хлопать себя по карманам и по новой походной сумке, купленной у проезжавшего мимо торговца (который тоже был разбойником, как и многие в королевстве Роуг).

– Забыл что-то? Можем вернуться, – участливо спросил Зигмунд у своего друга.

– Подожди. Должна же она быть тут, я помню, как я... ага! Нашел.

И он с облегченным выражением на лице достал из потайного бокового кармашка на сумке (даже вещи и товары в королевстве Роуг отдавали своеобразной разбойничьей романтикой) маленькую записную книжку. Зоркий взгляд Зигмунда ухватил милые изображения ежиков на твердой обложке.

Только тут Рестар спохватился. Он весь покраснел, засуетился и хотел было уже убрать блокнот обратно в сумку, но под испытующим взглядом Зигмунда сдался.

– Это... записная книжка...

– Ты можешь и не объяснять, – спокойным голосом успокоил своего друга Зигмунд. – Главное, что ничего важного не потерялось.

– Да просто... чтобы ты не подумал... – Рестар слегка покраснел.

– А что тут думать? – Зигмунд демонстративно пожал плечами, но сам искоса любопытным взглядом оглядывал оборотня, ожидая дальнейших объяснений.

– Это ее записная книжка. Ее походный дневник, – Рестар с любовью начал перелистывать странички, останавливая взгляд на некоторых из них.

Зигмунду не надо было уточнять, кого Рестар имеет в виду.

– Она всегда носила его с собой? – как бы невзначай спросил Зигмунд.

– Да... – Рестар уже с головой ушел в воспоминания. – Мы с ней обещали друг другу, что будем записывать и отмечать все места, которые мы посетили. Я был против такой глупой, как мне тогда казалось, затеи, но она всегда мечтала путешествовать... просто путешествовать по миру, понимаешь, без определенной цели...

Друзья вошли под тень большого, раскинувшего свои могучие природные лапы дерева, у которого без дальнейших раздумий и решили остановиться.

– Но ее родители, учителя... ее образование... все это определяло ее дальнейшую судьбу на долгие годы вперед...

Оборотень тяжело вздохнул, рассеянными движениями распаковывая сумку, чтобы состряпать себе походный скудный обед.

– В общем, так и не удалось нам вдоволь побродить по свету. И этот блокнот... это последнее, что напоминает мне о ней, пусть это и выглядит, как...

– Это очень ценный блокнот, – просто отметил Зигмунд. – Не так важно, в каком виде оформлена память о дорогом тебе человеке, Рестар. Главное, что ты бережно и с уважением относишься к своим воспоминаниям о ней.

Оборотень грустно покачал головой.

– Некоторые говорили мне, что цепляться за прошлое слишком долго неправильно. Что надо отпустить человека, идти вперед.

– А некоторые древние культуры поклонялись своим умершим предкам всю жизнь, как богам. Даже сейчас считается хорошей традицией время от времени посещать могилы близких тебе людей.

– Я не это имел в виду, ты это прекрасно знаешь, – совершенно беззлобно возразил Рестар.

– Знаю, – Зигмунд кивнул. – А что мне еще тебе сказать? Долго рассуждать ни о чем? Лишь время покажет, как мы потом будем относиться к прошлому. А сейчас рана еще свежа, а ее убийцы до сих пор разгуливают на свободе.

– Я не собираюсь ограничивать их свободу, Зигмунд. Я просто хочу их убить. Всех их. До единого. Не разбирая, кто прав, а кто виноват.

– Да.

Рестар прикоснулся пальцами к бутылке с вином, которую они взяли с собой, но через мгновение передумал и отпил воды из фляги.

– Как ты думаешь, Зигмунд? Только честно. Мои попытки сделать месть основной целью в жизни... это что? Отчаяние? Помутнение рассудка? Неумение справиться с тяжелой утратой?

– Почему ты так думаешь? – ответил вопросом на вопрос Зигмунд.

– Я уже думал об этом. Много раз. Задавал себе миллион вопросов, но все больше запутывался, – он посмотрел в глаза своему другу. – Зигмунд, моя любимая, по сути, умерла на войне. Как ни прискорбно это признавать, но это можно сравнить исключительно с войной.

– Каким образом? – непонимающий взгляд Зигмунда поразил Рестара.

– Ну... – оборотень немного замялся с ответом. – Понимаешь, на войне также могут убить твоего друга. Или родственника, родителя... да кого угодно! Но кто его убьет, Зигмунд? Обычный солдат, который просто делал все возможное, чтобы его самого не убили? Лучник, который даже не заметил в суматохе сражения, что попал точно в цель? Кто виноват, что убили близкого тебе человека?

– Тот, кто заказал убийство... или тот, кто затеял войну... – в задумчивости произнес Зигмунд, начиная понимать, куда клонил Рестар.

– Но это же все не так просто! Война может идти уже десятилетия, никто не помнит или не знает, почему она началась. Король, правивший в начале военной кампании, умер, его министры...

– Рестар! – жестко перебил своего друга Зигмунд. – Давай не усложнять. Не пытаться сделать сравнительный анализ, если можно смотреть на случай просто и конкретно.

– Просто? – пальцы оборотня сами по себе сжались в кулаки.

– Да. Рассмотрим твой конкретный случай, если ты хочешь порассуждать. Потому что я не хочу ударяться в философию, когда мы обсуждаем дорогого тебе человека, – сурово высказался Зигмунд.

Плечи у оборотня разом обмякли.

– Ладно. Извини.

– Если не ударяться в подробности, то твою девушку убили аудиторы во время Магического Кризиса, так?

– Да, – голова Рестара качнулась в такт словам Зигмунда.

– Во время этого исторического события гонениям, убийствам и унижениям подвергались практически все маги. Это исторический факт, это то, что мы знаем, или хотя бы то, что нам рассказали, чтобы мы знали. Итак, кто заказчик этого конкретного убийства?

Рестар сокрушенно помотал головой.

– Я не знаю. Я не сумел отследить того, кто отдавал им приказ. Я не сумел даже найти ее убийц.

– А это так важно? – мягко спросил Зигмунд.

– То есть? – удивился оборотень.

– Ты знаешь, что в смерти твоей любимой виноваты, прежде всего, аудиторы, как исполнители преступления. Как ты думаешь, если бы на месте твоих убийц были бы *другие* аудиторы, то исход был бы другим?

– Вряд ли... – Рестар задумался. – Но они лишь исполняли приказ и...

– Хорошо, – оборвал оборотня Зигмунд. – Исполняли приказ. Пусть. Но такие гонения до сих пор продолжаются, Рестар, ты это прекрасно знаешь. Сегодня, конечно, живого мага уже и с огнем не сыщешь, но если они его найдут, то расправа будет скорой.

– Что ты имеешь в виду? – Рестар выпрямился и строго посмотрел на своего друга.

– Простую мысль. Если вся эта концепция погони за магами и волшебниками до сих пор жива, то мы можем уверенно сказать, что и виновники твоей трагедии до сих пор живы.

– Ты...

– Это все правители этого мира и все аудиторы, которые встанут у тебя на пути, Рестар. Все донельзя просто. Потому что даже если ты найдешь того самого правителя, который отвечал за тех самых аудиторов-убийц, то ты осуществишь свою месть лишь локально. Весь мир, Рестар, абсолютно весь мир замешан в твоей личной трагедии. И ты не можешь этого отрицать.

Наступило молчание, на протяжении которого каждый думал о чем-то своем.

А затем Рестар громко рассмеялся, подошел к Зигмунду и крепко похлопал по его плечу. Зигмунд поморщился, но сумел улыбнуться.

– Я и забыл, что ты носитель темной души, Зигмунд, совершенно забыл! – тут он взглянул на лицо своего друга, которое приняло мрачное выражение. – Прости, не хотел обидеть.

Оборотень отошел от Зигмунда и присел на траве, облокотившись о могучий ствол исполинского дерева.

– Ты прав, – просто сказал он. – В чем-то ты прав. Если все усложнять, то становится крайне тяжело жить. Но убить всех правителей этого мира! Только ты мог такое выдумать, Зигмунд!

– Иногда выдумка гораздо ближе к правде, чем ты думаешь, – пространно ответил Зигмунд.

– Слушай, а ты случайно не будешь чего иметь с этого, а? – Рестар ухмыльнулся. – Вдруг ты хочешь захватить целый мир и подчинить его себе?

– Нет, не хочу. Мне бы сначала в себе разобраться, а потом на мир смотреть.

– И то правда, – Рестар облегченно улыбнулся.

Тут он неожиданно спохватился и принялся снова шарить в сумке.

– Вот дурак! – он достал из сумки маленький карандаш, заточенный с обоих концов. – Рассказал тебе свою жалобную историю, а пометку о том месте, где только что были, и забыл сделать!

Он принялся что-то старательно записывать в блокноте, а зоркий взгляд Зигмунда невольно ухватил нечто заинтересовавшее его внимание. Он подождал, пока его друг закончит писать, и подошел поближе.

– Можно взглянуть? Буквально на секунду.

Рестар мгновение поколебался, но затем отдал книжку Зигмунду.

– Конечно. Там нет никаких секретов. Хотя... подожди, там на первых страницах!.. – он попытался вырвать обратно свой блокнот, но Зигмунд ловко увернулся.

– Я не буду смотреть, – успокоил оборотня Зигмунд. – Мое внимание заинтересовала эта страничка. Я не буду дальше листать, это твоя личная вещь. Просто стало любопытно.

Он показал на страницу, на которой была изображена старательно выведенная руна красными чернилами.

– А... это... – Рестар бережно взял блокнот обратно. – Она иногда рисовала подобное в своем блокноте. Может, это относится к ее занятиям магией, как думаешь? Я никогда не обращал внимания на подобные вещи, думал, что она просто учится зарисовывать всякие... а что?

– Да ничего, – убедительно соврал Зигмунд. – Судя по тому, что ты говорил, она была способной ученицей. Не каждый волшебник, насколько я слышал, может зажигать костры в таком юном возрасте.

– Правда? – глаза Рестара засияли. – Она была умницей во всем, Зигмунд, решительно во всем! Даже несмотря на то, что она со мной часто... прогуливала учебу... смотри каких успехов она добилась! А сколько требуется лет магу, чтобы просто разжечь костер?

Зигмунд не подал и виду. Его лицо не выразило ни единой эмоции, которые бурлили сейчас в его душе.

Просто разжечь костер?

Лет десять интенсивного обучения, недюжинный талант, неутолимая тяга к знаниям, прилежное посещение занятий, хороший учитель и... книга заклинаний, конечно. В которой надо безошибочно, безукоризненно, фантастически идеально нарисовать нужную руну, которая подбиралась индивидуально для каждого волшебника. То есть эту руну еще должен был изобрести и торжественно тебе выдать ученый магический совет.

Поэтому-то Зигмунд и не жалел безумных правителей этого мира.

Маг – это было громкое слово, за которым не стояло практически ничего. Даже лучшие выпускники магических университетов не умели полноценно колдовать. Это были, скорее, ученые, посвятившие свою жизнь исследованию древних руин, манускриптов и тайн магии. Опасность для общества и для властей они представляли настолько мизерную, что даже смешно было подумать о влиянии этих ученых-отшельников на весь остальной мир. Люди, конечно, их побаивались, но это происходило из-за ореола таинственности, который окружал магические академии. Но умные люди при желании могли спокойно его разрушить – нередки были случаи ночных вылазок студентов, желавших вкусить все прелести развратного и чудесного мира. И те, кто по душам разговаривал с этими будущими светочами науки, прекрасно понимали, что даже такие вещи, как похмелье, гололед при заморозках, сварливая жена представляют собой куда большую опасность, чем даже горстка так называемых волшебников.

Конечно, некоторые из них были достаточно могущественными... что даже любой опытный лучник мог победить их в смертельной схватке.

Но эта девочка... это маленькое дарование, которую Рестар любил больше своей жизни... Зигмунд не хотел огорчать своего друга, но подоплека ее убийства явно была не такой простой, как казалось с первого взгляда. К тому же, на магов устраивали гонения, но их не всегда убивали. Далеко не всегда.

И эта записная книжка... первый раз Зигмунд видел книгу заклинаний в такой причудливой скрытой форме, но это точно была она.

И все это он решил скрыть от своего друга. Не грузить его лишней информацией. Пусть жизнь для него хоть какое-то время будет простой и беззаботной.

Потом правда уже может вскрыться. Или нет. Как повезет.

Зигмунд отвернулся от Рестара и принялся готовить себе незамысловатый бутерброд, слегка улыбаясь. Кто бы мог подумать, что могущественный артефакт, который Малькольм

искал столь долгое время, окажется у человека (или оборотня), который и не ведает про истинную силу этой вещицы, но бережет ее столь ревностно, что лучшего пристанища артефакт и не мог найти.

Как же все иронично.

Зигмунд пока решил про себя и не раскрывать Малькольму, если он вдруг встретит его в ближайшее время, что книга заклинаний уже найдена. Правда, эта конкретная книга может быть для него бесполезна, ведь она была привязана к девушке... нет, он найдет способ. В лепешку расшибется, но сделает эту книгу своей. Привяжет ее к себе, будет творить с помощью нее заклинания. Потому что Малькольм и есть тот могущественный волшебник, который может даже иметь шанс победить лучника в равном бою. Человек исключительного таланта.

И он бросил высшее магическое образование, убежал из университета.

И он смог избежать гонений, скрыться.

И его товарищей убили, хотя в них всех вместе взятых не было и толики умения, которым обладал он.

А он выжил и сейчас, наверняка, хочет всех убить.

Как же все иронично.

Нет, Зигмунд решил, что не будет раскрывать Малькольму, где находится книга. Пусть он его и друг. Но Рестар теперь тоже его друг, а для него это не артефакт, а священная реликвия. Это частичка, которая напоминает ему о времени, что он проводил со своей любимой. Он не мог отнять у него столь дорогую вещь. По крайней мере, сейчас.

Пусть Малькольм ищет другую книгу. Или обходится вовсе без нее. Он умный человек, справится и так.

Но он решил попросить кое о чем. Все эти магические изыскания, поиски силы напомнили ему об одной важной вещи.

– Рестар, слушай... – начал он.

– Да, Зигмунд?

– Ты можешь... ты можешь научить меня драться?

Оборотень был несколько ошарашен подобной просьбой.

– Драться? – насмешливо переспросил он. – Я думал, что с этим у тебя проблем точно нет, Зигмунд.

– На самом деле так только кажется, – смущенно произнес Зигмунд. – Когда я... забираю энергию у другого живого существа, то мои силы многократно возрастают, а нечто темное внутри меня определяет мои движения...

Рестар внимательно слушал.

– Но я не умею драться, Рестар. Совсем. Я тебе не рассказывал, но раньше я работал... библиотекарем.

– Да? – громогласно переспросил Рестар. – Никогда бы не подумал!

– Не всю жизнь, конечно. Потом пришлось быстро сменить род занятий, а затем... мне пришлось стать таким, какой я есть сейчас.

– То есть ты не с рождения обладал темной душой? – нахмутив брови, спросил оборотень.

– Нет. Я не знаю тех, кто рождается с ней, но надо мной был произведен Ритуал... в общем, пока в моей жизни не было надобности драться искусно и умело. Все решалось либо разговорами, либо грубой силой.

– А я уж думал, что ты какой-то старый свергнутый король одного из королевств, который хочет вернуть себе трон, уважение и власть.

– Хорошая легенда. Надо бы о такой подумать, – Зигмунд улыбнулся другу. – Нет, я обычный человек с поломанной судьбой. Как и многие в этом мире.

Рестар задумался, начав чесать ухо.

– Даже если я тебе поверю... зачем тебе учиться драться? Ты тоже хочешь кому-то отомстить?

Зигмунд отрицательно покачал головой.

– Нет. Я просто подумал, что так будет правильно. Темная душа изнуряет своего носителя, принося ему сильную душевную и настоящую боль. Я понял, что без движения не только мысленного, но и физического, я буду пребывать в крайне плачевном состоянии. Теперь я понимаю, почему Малькольм столько времени уделял своему физическому здоровью – это просто необходимо.

Зигмунд откусил кусочек от бутерброда с колбасой и листиком салата.

– Но я не могу теперь делать что-то совершенно без цели. Мне нужно держать отчет перед самим собой, нужно быть честным. Я знаю, что воинам нужна прекрасная физическая форма не просто так – от этого зависит их жизнь. Я не хотел бы совершать упражнения просто так, для здоровья, мое обновленное сознание этого не примет, мне нужна более конкретная цель. Не ради здоровья, не ради саморазвития, которое я теперь презираю, но ради того, чтобы научиться драться.

– И твое сознание не будет потом спрашивать у тебя, *зачем* тебе учиться драться? – поинтересовался Рестар.

– Я что-нибудь придумаю в качестве ответа. По крайней мере, я могу помочь тебе в следующий раз, когда мы столкнемся с опасностью, более эффективно. Не просто стоять в стороне и наблюдать. Как тебе такое?

Рестар добродушно рассмеялся.

– А я и не против, что ты наблюдаешь. Хоть кто-то хвалит и оценивает меня по достоинству после удачной заварушки!

– Для этого лучше пригласить в нашу группу девушку, у них это лучше получается, – весело предложил Зигмунд.

– Никогда! – возразил Рестар. – Ну только если очень красивую.

Он подмигнул Зигмунду, и они по-приятельски похлопали друг друга по плечу.

– Хорошо, – согласился Рестар. – Но учитель из меня никудышный, а драться я учился сам по жизненной необходимости.

– Значит, твои знания имеют строго практически полезный характер, – рассудительно отметил Зигмунд. – Это-то мне и нужно.

Они уже собрали вещи и собрались идти дальше, но Рестар вдруг остановился и протянул свою руку Зигмунду.

– Просто хотел сказать, что мне приятно путешествовать вместе с тобой, Зигмунд. Давно такого не было.

– Взаимно, – Зигмунд благодарно пожал руку оборотня.

– И какая бы ни была твоя настоящая история, какие бы ни были твои истинные намерения... если они не будут препятствовать достижению моих целей, то знай – ты на меня всегда можешь положиться.

Это было простое твердое мужское обещание.

Зигмунд вдруг понял, как многому ему придется еще научиться.

Например, жить. Просто жить.

Жить и все.

Ведь только из-за собственных взглядов он может занять место в этом странном мире. Так пусть его взгляды будут прочными и простыми.

А для этого стоит увидеть мир. Чтобы потом снова взглянуть на себя.

И никогда, ни в каком случае не переставать жить. Потому что умереть он всегда успеет, это он четко понял.

А пока стоит освободить разум и делать простые действия ради простых результатов.

И да, без женщин и правда будет лучше, потому что они только все усложняют. Это прямая честная мысль.

Но потом и они понадобятся, ведь без них развитие также немислимо. Пусть общество и заиклило их на проклятом саморазвитии, чтобы устранить тот важный обмен энергией, что происходит между мужчиной и женщиной, пусть власть имущие и обратили их с помощью пропаганды против своей природы, но все же... все же они нужны.

Ведь зачем-то боги их создали?

Зигмунд мечтал как-то найти хотя бы одного бога. У него к нему скопилось множество интересных вопросов.

А пока стоит просто продолжать путь. Может быть, уже завтра он оборвется, а может, будет продолжаться не одну сотню лет. Время есть, силы есть – значит, надо идти.

И он пошел. Навстречу тому, что заготовило ему будущее. Чтобы показать этому будущему, что он заготовил для него.

И пусть выиграет сильнейший.